

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ:
ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

Под редакцией
А. Виноградова и С. Иванова

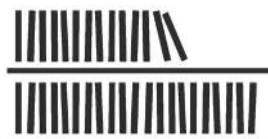
Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
FACULTY OF HUMANITIES

**BYZANTION AND BYZANTIUM:
THE PROVINCIALISM OF THE CENTER
AND THE CENTRALITY OF THE PROVINCES**

Ed. by
S. Ivanov and A. Vinogradov

Saint-Petersburg
ALETHEIA
2020

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

УДК 94(495)

ББК 63.3(0)4

В 428

Рецензенты:

доктор исторических наук *Т.В. Кущ*

доктор исторических наук *Р.М. Шукров*

В 428 Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции / под ред. А. Виноградова, С. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2020. – 306 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-031-7

Сборник «Византий и Византия: столичность провинции и провинциальность столицы» посвящен проблеме взаимоотношений и взаимовлияний Константинополя и византийских провинций и составлен на основе докладов одноименной конференции 2017 г. В сборнике представлены работы ведущих мировых исследователей из России, Германии, Великобритании, Италии, Греции и Турции. Статьи сборника затрагивают вопросы политической истории, архитектуры, живописи, литературы, топографии и др. Предназначен для специалистов по Византии и всех интересующихся Средневековьем.

Byzantium and Byzantium: the provincialism of the center and the centrality of the provinces / Ed. by S. Ivanov and A. Vinogradov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2020. – 306 p.: ill.

This volume contains papers from the conference with same title organized by the Centre of Medieval Studies of the National Research University Higher School of Economics, October 23—27, 2017, Moscow. To us Byzantium looks like a tadpole with an overgrown head; but was Constantinople the only source of all cultural impulses in the Empire? How did the provinces influence the life of the megapolis on the Bosphorus? The papers of the conference attempt to look simultaneously at two oppositely directed processes: the spread of metropolitan fashions to the periphery, and the emergence of the provincial traits in the capital itself.

На передней сторонке обложки: Парэклесий в монастыре св. Иоанна в Акаллисе (Ликия). Фото Ф. Нивёна.

На задней сторонке обложки: Пророк из Вознесения.

Мозаика Св. Софии в Салониках. Фото Р.В. Новикова.

ISBN 978-5-00165-031-7

9 785001 650317

УДК 94(495)

ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Предисловие

Заглавие сборника «Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции», как и тема одноименной конференции, которая проходила 24–25 октября 2017 года в Лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, может на первый взгляд показаться парадоксальной.

Византия — это условное название, принятое в Новое Время для обозначение грекоязычной Восточноримской Империи периода Средневековья. Сами «византийцы» свою страну никогда так не называли. Византием именовался античный город, выбранный в начале IV в. императором Константином Великим в качестве новой столицы и окрещенный Константинополем. Итак, слово «Византий» вроде бы не подходит для обозначения средневековой империи ни по географическим, ни по хронологическим параметрам.

И все-таки перед нами — не просто ученое недоразумение.

Прежде всего, константинопольские интеллектуалы, обожавшие античную стилизацию, и сами иногда именовали свой город Византием, да и вся византийская культура жила, словно обернувшись лицом назад. Интересный опыт обобщения такого подхода к городскому прошлому представляет собой статья Альбрехта Бергера. Прослеживая случаи вторичного использования старых строительных

материалов при возведении новых построек в Константинополе, автор раскрывает возможные идеологические коннотации этой вынужденной практики.

Другая причина, почему имена страны и города совпали, состоит в том, что нет в истории другого примера, когда столица до такой степени подминала бы под себя собственную страну, заставляя ее даже ассоциироваться с собой. Роль Константинополя в жизни Византии нельзя сравнить даже с ролью Рима в древнеримской истории: античная Империя была страной полисов, каждый из которых жил как самодовлеющая вселенная. А централизованная Византия, особенно после утраты в VII в. Антиохии и Александрии и в VIII в. Рима, вся целиком вращалась вокруг собственной столицы. К примеру, в IX в. даже во втором по величине городе Империи, Фессалонике, Константину Философу, будущему просветителю славян, не у кого было учиться — за учебой пришлось ехать в столицу. И по мере того как территория Византии скучоживалась — роль Константинополя только возрастала. Интересно взглянуть на то, как воплощалась в архитектуре столицы имперская идея, и об этом — статья Халюка Четинкая. Автор подводит итоги многолетних реставрационных изысканий в одном из самых величественных храмовых комплексов XII в. — Пантократоре и выдвигает оригинальную концепцию того, как выглядела находившаяся там усыпальница династии Комнинов, конструктировавших новую имперскую идентичность столицы.

Царьград был центром притяжения не только для Империи, но и для стран византийского круга. Паломники шли сюда, словно в Святую землю. Статья Сергей Иванова посвящена первому из древнерусских «хождений» — «отчету» Антония Новгородца. Недавнее первое критическое издание этого выдающегося памятника позволяет совершенно по-новому ставить вопрос о соотношении паломнического взгляда на Царьград — и того имиджа столицы, который создавал у новгородского «туриста» византийский экскурсовод.

В круг имперского влияния входила и Венеция. Тому, как Византия вплеталась в идеологический дискурс республики св. Марка в период ее наивысшего могущества, посвящена работа Беатриче Даскас. Если на ранних этапах складывания венецианской политической мифологии важно было подчеркивать (вопреки фактам) независимость от Империи, то позднее показалось выигрышнее выводить историю Серениссимы из Трои и тем самым привязывать ее к византийской, но уже с тонами превосходства.

Впрочем, данный сборник посвящен не только и даже не в первую очередь собственно Константинополю. Скорее, главный упор в нем сделан как раз том аспекте, который часто остается в тени — самостоятельной жизни византийской провинции. Кажется, что роль столицы невозможно преувеличить — и однако она неизбежно преувеличивается в глазах исследователей, просто потому, что подавляющее большинство литературных текстов, дошедших до нас, произведено в Константинополе. Византий неизбежно и автоматически принимается за точку отсчета при любом разговоре о Византии. Но остальная империя все-таки жила своей жизнью, и подчас это провинция управляла столицей, на что обращает внимание в своей статье Пол Магдалино. На примере императора Маврикия, каппадокийца по происхождению, автор демонстрирует, как провинциальная элита делает столичную карьеру благодаря успехам своих земляков, и как элита константинопольская этим недовольна.

Дмитрий Черноглазов в своей статье прослеживает, как эволюционировали византийские письмовники: от сборника риторических упражнений, восходящего к Либанию, великому сыну Антиохии, к константинопольскому эпистолярному этикету, который потом распространился вплоть до пост-византийского Кипра.

Иногда процессы, которые шли в провинции, определяли то, что потом находило развитие в столице, а иногда одна

провинция влияла на другую, через голову Константинополя. В последнее время важной темой в изучении Византии, особенной ранней, стала проблема регионализма. На уровне зодчества, литургической планировки и архитектурной декорации ее пытаются решить в своей статье Филипп Нивёнер. Он показывает, что в этой области провинции находились даже под меньшим влиянием центра, чем в политическом, а локальные метрополии были для провинциальных городов важнее, чем Рим или Константинополь. Как оказывается, такой подход позволяет по-новому посмотреть даже на такую проблему, как начало иконоборчества.

Тема взаимосвязи и взаимодействия Константинополя и провинций находится в центре статьи Андрея Виноградова. Автор предпринимает попытку продемонстрировать, как тип крестово-купольного триконха, попав, вероятно, из позднеантичной архитектуры в омейадские дворцы, повлиял затем на константинопольские постройки императора Феофила, а те, в свою очередь, — на храмовое зодчество Малой Азии, Балкан и даже Руси. Так удается проследить весь путь от парадного зала римской виллы до стандартного афонского кафоликона.

Та же тема, но совсем на другом материале, раскрывается в статье Анны Захаровой, посвященной влиянию Константинополя на кappадокийскую монументальную живопись X века. Обычно исследователи столичного искусства не нисходят до грубых провинциальных фресок, а ученые, занимающиеся искусством Каппадокии и осознающие его более скромный уровень, концентрируются на изучении иконографии. Здесь же, напротив, предпринята попытка показать, как сменяющие друг друга художественные стили столицы последовательно отражались в пещерных церквях Каппадокии, которые, в свою очередь, становились местными образцами для подражания.

Каппадокийскую тему подхватывает статья Толги Уяра, но уже в контексте XIII века — эпохи сельджукского господ-

ства в Малой Азии. На примере скромной по размеру пещерной церкви Безирана Килисе автор старается понять, как конструировалась идентичность местных греков под властью мусульман. Для этого в статье использован язык новейших направлений искусствознания, еще мало знакомый отечественному читателю.

В статье Михалиса Каппаса фокус исследования нацелен также на провинцию, но не рядовую — на Фессалонику, второй по значению город империи. Искусно лавируя между Сциллой «идеального» константинопольского зодчества и Харибдой «элладской школы», автор приводит читателя к важному и новому выводу — конечно, средне- и поздневизантийская Фессалоника испытывала влияние столицы, но перерабатывала его в рамках собственных архитектурных традиций и сама становилась источником заимствований для Северной Греции и, шире, Балкан вообще.

Так как настоящая книга посвящена во многом визуальной культуре Константинополя и провинций, ее сопровождают многочисленные рисунки и фотографии. Все они имеют новую нумерацию в каждой статье: черно-белые обозначены как «рис.» и размещены в тексте, а цветные — как «илл.» и вынесены на отдельную вклейку. Подписи к иллюстрациям отражают авторский замысел.

Перед тем как дать слово самим авторам, хотелось бы подчеркнуть, что и конференция, и сборник изначально задумывались как междисциплинарные, объединяющие усилия специалистов в различных областях византийской цивилизации: истории, литературы, архитектуры, живописи, литургики. Каждый из них под своим углом зрения попытался посмотреть не только на проблему взаимоотношений Византия и Византии, Константинополя и провинций, но и на вопрос о том, насколько всегда столичен был Константинополь и насколько локальные центры сами могли претендовать на его роль. Удалось ли увидеть им что-то новое в этой необъятной теме, судить читателю.

Пол Магдалино

КАППАДОКИЯ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ В VI В.

В настоящей работе исследуется частный случай регионализма в Византии. Многие регионы Византийской империи в настоящее время довольно хорошо изучены, как в рамках *Tabula Imperii Byzantini*, так и в других прекрасных исследованиях по исторической географии. Однако история византийского регионализма пока еще не написана. Регионализм можно определить как культивацию локальных идентичностей и общностей в рамках надрегионального, национального или имперского государства. Он может выражаться в форме политического сепаратизма и отделения, например, в случае Гражданской войны в США или движения за независимость Каталонии в 2017 году. Однако регионализм прекращает существовать, когда политическое отделение становится полным и окончательным. Он мыслим только в централизованной парадигме, в той системе координат, где наличествуют центр и периферия. Оборотная стороной медали регионализма – это, в сущности, национализм или империализм: первый предполагает второй и поляризует то напряжение, которое его активизирует и подпитывает. Подобно тому, как национализм и империализм проявляются в навязывании центром себя периферии, регионализм выражается в при-

менении обратного давления, посредством солидарности региональных элит, которые проникают в институты центрального правительства и воздействуют на них.

В своем исследовании я рассмотрю кappадокийский регионализм, который я понимаю в широком географическом смысле, как Каппадокию обозначали сами византийцы, — территория анатолийского плато, простирающаяся от озера Туз Гёль до Евфрата и отделенная от моря Понтийскими горами на севере и горами Тавра на юге¹. В административном отношении она соответствовала позднеримским провинциям Каппадокия I–II и Армения II–III и средневизантийским фемам Каппадокия, Харсиан, Ли-канда, Севастия, Колония и Мелитена. При таком определении Каппадокия оказывается одним из крупнейших и наиболее значимых регионов Восточной Римской империи до ее завоевания турками в конце XI в. Это была родина отцов-каппадокийцев, создателей православного богословия, которые увековечили местные реалии в своих трудах. Гробница свт. Василия Великого в Кесарии стала одним из главных мест паломничества в Малой Азии.

В Каппадокии было сконцентрировано необыкновенно много императорских имений, которые до конца VI в. составляли особую административную единицу — *domus divinae per Cappadociam*. Эти имения, без сомнения, использовались в основном для разведения больших табунов лошадей, которыми всегда славилась Каппадокия. Каппадокийские кони и другие ресурсы региона, а также его положение на путях из Константинополя в Антиохию

¹ Мои общие наблюдения над историей античной и византийской Каппадокии основываются на следующих работах: *Hild F., Restle M. Kappadokien (Tabula Imperii Byzantini; 2)*. Wien, 1981; *Van Dam R. Kingdom of Snow. Roman Ruler and Greek Culture in Cappadocia*. Philadelphia, 2002; *Métivier S. La Cappadoce, IVe–VIe siècle: une histoire provinciale de l’Empire romain d’Orient*. Paris, 2005; *Cooper J. E., Decker M. J. Life and Society in Byzantine Cappadocia*. Basingstoke — New York, 2012.

сделали Каппадокию важнейшим коммуникационным и логистическим узлом империи в ее войнах с Сасанидской Персией. Ее стратегическое значение нисколько не уменьшилось, когда сменившие персов арабы завоевали все восточные провинции империи до гор Тавра и долины верхнего Евфрата, включая Мелитину. С середины VII в. до середины X в. Каппадокия была наиболее активной пограничной зоной империи, а после этого — главным плацдармом для византийской реконкисты Киликии и Северной Сирии. В таком качестве Каппадокия была питательной почвой для значительной части военной аристократии, которая оказала сильное влияние на политику империи в X в. и в лице Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976) на краткое время заняла императорский престол¹.

Нет сомнений, что именно с военной элитой X в. регионализм в Каппадокии достиг своего пика и очень сильно повлиял на константинопольское общество, получив краткое превосходство над другими регионализмами, различимыми в то время при императорском дворе, например, общностью евнухов-пафлагонцев, наполнявших императорский дворец². Каппадокийская элита X–XI вв. производит сильное впечатление на современных исследователей также благодаря сохранности большой части своего культурного наследия в виде скальной архитектуры региона и героических сказаний «Дигениса Акрита», которые каппадокийская аристократия принесла с собой в Константинополь, когда оказалась вытеснена со своей родины турецким

¹ Cheynet J.-C. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*. Paris, 1990. P. 213–227.

² Magdalino P. *Paphlagonians in Byzantine High Society // Byzantine Asia Minor (6th–12th cent.)* / Ed. St. Lampakis. Athens, 1998. P. 141–150. Об «элладском» регионализме в тот же самый период см.: Anagnostakis I. *Byzantium and Hellas // Heaven and Earth. Cities and Countryside in Byzantine Greece* / Ed. J. Albani, E. Chalkia. Athens, 2013. P. 15–29.

завоеванием¹. Однако связь между императорской властью и каппадокийской элитой начинается не с героического милитаризма сообщества восточных границ и не с «византийской эпопеи» X в. Она восходит к периоду до арабских завоеваний, вероятно, еще к IV в., когда узурпатор Прокопий использовал свои каппадокийские связи в попытке отнять власть у императора Валента². Что точно известно, так это то, что первым каппадокийцем, ставшим императором, был Маврикий, восшедший на престол в 582 г.³

Новаторство этого тезиса почти не получило отражения в современной науке, но его значение трудно переоценить. Очень важно, откуда происходили императоры, равно как и тот факт, что никогда прежде не упоминалось их каппадокийское происхождение. Этот момент ярко иллюстрирует одна из повестей «Луга духовного» Иоанна Мосха (гл. 112). Иоанн вспоминает посещение Великого оазиса в Египте в правление предшественника Маврикия — Тиберия II. Там он вместе со своими спутниками встретился с иноком Львом «родом из Каппадокии... Достопочтенный старец сказал им: «Поверьте, чада, я буду царствовать». Они отвечали ему: «Что ты говоришь, авва? — Поверь нам, из Каппадокии не было ни одного царя. Понаપрасну ты пытаешь такие мысли»»⁴. Конечно, святой говорил метафорически и намекал на свою будущую мученическую кончину от рук варваров, но Мосх, оглядываясь назад, не мог

¹ Об архитектуре см.: *Ousterhout R. G. Visualizing Community. Art, Material Culture and Settlement in Byzantine Cappadocia*. Washington D.C., 2017. Издание и перевод «Дигениса» см. в: *Jeffreys E. Digenes Akritis*. Cambridge, 1998; комм. см. в: *Beaton R. Cappadocians at court: Digenes and Timarion // Alexios I Komnenos* / Ed. M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 329–338.

² *Cooper J. E., Decker M. J. Op. cit. P. 214–215.*

³ О биографии императора, источниках и событиях, произошедших в период его правления, см.: *Whitby M. The Emperor Maurice and his Historian*. Oxford, 1988.

⁴ PG 87, 2976; русский перевод дан по изданию: Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха / Пер. с греч. прот. М. И. Хитрова. Сергиев Посад, 1915. Троицкая библиотека, кн. 1, репринт. М., 1991.

не увидеть здесь отсылки к скорому воцарению Маврикия. Все предшественники Маврикия на константинопольском престоле, за одним исключением, были выходцами из европейских провинций империи или из самого Константинополя, и их подавляющее большинство, начиная с самого Константина и заканчивая предшественником Маврикия Тиберием II, который и назначил его императором, происходило из балканских и дунайских земель¹. Единственным исключением был исавриец Зинон, который стал императором почти по умолчанию, так как его ввел в императорскую семью Лев I, чтобы заручиться поддержкой неуправляемого военизированного провинциального сообщества в Южной Анатолии и чтобы противостоять влиянию других варварских группировок в римской армии. Почему же тогда Маврикий из Арабисса в Армении III был выбран в 582 г. преемником Тиберия II? Случилось ли это благодаря или вопреки его кappадокийскому происхождению? Вначале мы должны отметить два момента, которые недавно были выявлены Д. Фейсселем². Во-первых, воцарение Маврикия не было чем-то предрешенным. Существуют убедительные указания на то, что Тибериий II умер, так и не сделав выбор между Маврикием и другим своим зятем — Германом, которого он также возвел в сан цезаря. Герман был сыном патриция Юстиниана и, следовательно, кровным родственником императорской династии Юстина I, Юстиниана I и Юстина II³. Это позволяет объяснить другой важный момент, который выявил Фейссель: Маврикий претендовал на римское и западное происхождение⁴. Согласно

¹ См. статьи о Константине I, Валенте II, Маркиане, Льве I, Зиноне, Анастасии I, Юстине I, Юстиниане I, Тиберию II в: *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1–3. Cambridge, 1971–1992.*

² *Feissel D. Trois notes sur l'empereur Maurice // Mélanges Cécile Morrisson (Travaux et mémoires; 16). Paris, 2010. P. 253–272.*

³ *Ibid. P. 258–267.*

⁴ *Ibid. P. 253–258.*

современному источнику, явно симпатизирующему Маврикию и потому, без сомнения, отражающему пропаганду самого императора, хотя непосредственные предки Маврикия поселились в Арабиссе, он возводил свое происхождение и свое имя к древнему Риму¹. Фейссель также обращает внимание на прошение к Маврикию от западных защитников «Трех глав», где авторы, подчеркивая роль императора Маркиана на Халкидонском Соборе, называют его «предком Вашего благочестия»². Как объясняет Фейссель, это может означать только то, что Маврикий претендовал на происхождение от брака дочери Маркиана Евфимии с Анфимием, одним из последних императоров Запада. Правда это или ложь, но такая генеалогия явно позволила Маврикию противопоставить династическим притязаниям его соперника Германа еще более прославленную родословную, которая маскировала безвестность его родного кappадокийского города.

Маловероятно, однако, что притязания Маврикия на римское происхождение были тем, что перевесило чашу весов в его пользу и то ли заставило выдвинуть его в последний момент, то ли, как утверждает один источник, убедило Германа отступить³. Важнее был, вероятно, тот факт, что на момент смерти Тиберия Маврикий был *comes excubitorum*, командиром дворцовой гвардии — отряда, которым командовал перед собственным избранием сам Тиберий⁴. Также можно отметить, что основатель юстиниановской династии

¹ *Evagrius. Ecclesiastical History* / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898. P. 214 (V. 19).

² *Acta Conciliorum Oecumenicorum*. IV, 2 / Ed. E. Schwartz, J. Straub. Leipzig, 1971. S. 134; *Feissel D. Trois notes...* P. 254–255.

³ *Charles R. H. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text. London, 1916. P. 151 (XCI⁴, 25); *Feissel D. Trois notes...* P. 260.

⁴ *Theophylactus Simocatta. Historia* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1887. P. 132, 142 (III. 11, 4. 15, 10); *Iohannis Ephesini historiae ecclesiasticae pars 3* / Ed. E. Brooks. Louvain, 1936. P. 234, 250 (VI. 14. 27); *Theophanes. Chronographia* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883. P. 247; *Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor*. Oxford, 1997. P. 367.

Юстин I занимал ту же самую должность и использовал ее как трамплин во власть в 518 г.¹ Несомненно, способствовало и то, что с 578 по 582 гг. Маврикий провел ряд преимущественно успешных военных кампаний против персов². Однако он не всегда был военным. Перед своим назначением главой экскавиторов он служил у Тиберия нотарием, — это предполагает, что он изначально работал в гражданской администрации³. Современный его правлению текст — «Житие патриарха Евтихия», написанное пресвитером Евстратием, дает интересный взгляд на тот тип административной среды, в которой он начинал свою карьеру⁴. После своего низложения с патриаршества в конце правления Юстиниана, Евтихий вернулся на пост игумена в свой монастырь в Амасии. Среди многих доказательств его святости, о которых автор свидетельствует, как член этой общины, было то, что он предсказал восшествие на престол и Тиберию, и Маврикию. Точно так же, еще будучи патриархом, Евтихий предрек, что Юстин II будет наследовать Юстиниану⁵. Вот рассказ о его предсказании касательно Маврикия:

«За 18 лет до его воцарения, когда преподобный пребывал в своем монастыре, случился государственный переворот, и чиновники в провинции Понт (то есть агенты и экс-акторы фиска, а также уполномоченные Модератианского разряда) все пришли из города Арабисса: многие из них были и остаются родственниками вернейшего императора. И вот по обычанию пришли они к блаженному, чтобы полу-

¹ Петр Патрикий в *De ceremoniis I.* 93; пер. см. в: *Moffatt A., Tall M. Constantine Porphyrogennetos, The Book of Ceremonies. Vol. 1–2. Canberra, 2012. Iohannes Malalias. Chronographia / Ed. H. Thurn. Berlin – New York, 2000. P. 336 (XVII. 1).*

² *Феофилакт Симокатта. История III. 15, 13 – 16, 2; 17, 3–11; Иоанн Эфесский. Церковная история 3. VI. 14–17, 27, 34–35; Whitby M. The Emperor Maurice... P. 268–274.*

³ *Иоанн Эфесский. Церковная история 3. VI. 27; Whitby M. The Emperor Maurice... P. 5–7.*

⁴ *Eustratii Presbyteri Vita Eutychii Patriarchae Constantinopolitani / Ed. C. Laga. Turnhout, 1992.*

⁵ *Ibid. P. 60–63.*

чить от него великие благодеяния. И как часто случается на таких встречах, кто-то славил одну провинцию, а кто-то — другую область. Итак, когда произносились такие вот разные речи, великий человек Божий сказал им ласково — пусть никто не посчитает его речь льстивой — и вознес хвалу городу Арабиссу. Хотя это казалось нам и приехавшим оттуда людям сказанным ради приятной встречи, случившееся показало цель его слов. Что же именно и как было предсказано божественным мужем? Всякий раз когда упоминал он о городе Арабиссе, то говорил ласково, что слышали и мы, и чиновники, приехавшие оттуда,: «Велик ваш город, и потому сказано про него: “Из Назарета может ли быть что доброе?” (Ин. 1,46) И он не сказал: “я говорю”, чтобы показать себя не высоким, но смиренным»¹.

Евстратий продолжает рассказывать, как Евтихий открыл смысл пророчества годами позже, когда все обсуждали, кто будет преемником Тиберия, и имя Маврикия возникло в списке возможных кандидатов.

Помимо сюжетных деталей этого пророчества, настоящий отрывок интересен в данном контексте из-за четырех моментов: во-первых, акцента на региональном происхождении Маврикия; во-вторых, наблюдения, что различия и сравнения регионов были обычной темой для разговоров; в-третьих, сравнения Арабисса и Назарета; в-четвертых, что самое замечательное, того света, который он проливает на региональные модели назначения и продвижения по карьерной лестнице в провинциальной администрации префектуры Востока VI в. Если мы верим Евстратию (а он был очевидцем), то весь фискальный аппарат провинции Понт или, по крайней мере, его высший эшелон, был набран из одного города в провинции Армения III. Отражает ли этот факт сложившуюся процедуру, или это был единичный случай, как можно предположить из прозрачного намека на административную реорганизацию — вероятно, в свя-

¹ Ibid. P. 61–62.

зи со смертью Юстиниана в 565 году? В любом случае, мы можем с полным основанием заключить, что это отражает, с одной стороны, тенденцию не назначать фискальных чиновников в их родные земли, а, с другой стороны, покровительство какого-то высокопоставленного чиновника, который заботился об интересах элиты Арабисса и был способен найти им прибыльные должности в ведомстве фиска. Если этим покровителем был не сам Маврикий, который, возможно, был слишком молод в 564/5 г., то им мог быть тот, кто помогал продвижению Маврикия и кого мы можем представить как кappадокийского бюрократа старшего поколения. Это приближает нас к временам правления Юстиниана, когда вся фискальная администрация Малой Азии контролировалась префектом претория родом из Кесарии — пресловутым Иоанном Каппадокийским¹. Мы можем тут вспомнить жалобу Иоанна Лида, что его родная Лидия была разрушена поборами другого кappадокийца, которого назначил префект Иоанн². Возможно, что набор налоговых чиновников из Арабисса был правилом в этот период, и фиск постоянно пополнялся кappадокийскими кадрами, которые пережили опалу Иоанна. Хотя это лишь предположение, «Житие Евтихия» несомненно подтверждает, что плотная сеть функционеров из Каппадокии, и особенно из Арабисса, существовала все то время, пока Маврикий рос в чинах на службе у Тиберия. Сложно не связать между собой два этих факта и не предположить, что среди факторов в пользу Маврикия, которые учитывались Тиберием и которые дали ему преимущество над его соперником за престол, были региональная солидарность его сторонников в провинциальной администрации Малой Азии.

¹ Его печальная известность сложилась благодаря уничижительной характеристике Иоанна Лида (О магистратах III. 57–76), пер. см. в: *Bandy A. Ioannes Lydus, On Powers. Or, The Magistracies of the Roman State*. Philadelphia, 1983. P. 220–257. О его карьере в целом см.: *Tate G. Justinien, l'épopée de l'Empire d'Orient*. Paris, 2004. P. 354–356, 365–391.

² Иоанн Лид. О магистратах III. 58–61.

Итак, если Маврикий пришел к власти, пусть и отчасти, благодаря силе регионализма, то в чем же состояла его благодарность? Что он сделал для своей родины и ее жителей? Самое яркое свидетельство — это то, как он последовал примеру предыдущих императоров и, прежде всего, недавнему памятному прецеденту Юстиниана¹ и повысил статус своего родного города до уровня местной митрополии. Его реконструкция Арабисса не привлекла того внимания, которое современные исследователи посвятили Юстиниане Приме², но точное описание современника — сирийского церковного историка Иоанна Эфесского, показывает, что это был равный по амбициозности урбанистический проект³. Согласно ему, повышение статуса родного города было главной заботой Маврикия. Император собрал артель высококлассных мастеров из разных мест и разместил отряд солдат, чтобы охранять их. Его первой, приоритетной задачей было разобрать местную церковь и перестроить ее в грандиозном масштабе, с изысканными украшениями, для чего он предоставил золотые и серебряные сосуды, роскошные ткани и части большого кивория, которые собрали на месте. Затем он приказал построить огромную больницу (ксенодохий) с величественными корпусами, административное здание (названное димосием, но, вероятно, это был преторий), протяженные портики, просторные базилики и мощную городскую стену. Эти расходы вызвали много пересудов среди людей, которые недоумевали, как император, которого обвиняли в недостаточном финансировании армии, когда великие и мощные города были захвачены и разрушены варварами, мог так щедро тратиться на перестройку «города, не имевшего никогда никакого значения

¹ Прокопий Кесарийский. О постройках IV. 1.

² См.: *Ivanisević V. Carićin Grad Justiniana Prima. A New—Discovered City for a «New» Society* // Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August, 2016. Plenary Papers. Belgrade, 2016. Р. 107–126.

³ Иоанн Эфесский. Церковная история 3. V. 22.

и ценности для римского государства». За два года, пока шло строительство города, он был полностью разрушен мощным землетрясением, которое затронуло весь Восток и сравняло с землей все здания в Арабиссе — и старые, и новые. Но хотя император был глубоко подавлен случившимся, полагая, что разрушение может быть знаком Божьей немилости, он не сдался, и во время написания хроники Иоанна Эфесского все строительные бригады были на месте и ждали приказа возобновить работу¹. Один поздний сирийский источник сообщает, что город был заново построен еще роскошней, только чтобы быть уничтоженным следующим землетрясением².

Поскольку Маврикий внес столь большой вклад в благосостояние своей родины, логично предположить, что он давал привилегии ее жителям при назначении на государственные должности как в Каппадокии, так и за ее пределами. Когда Тиберий II назначил его главнокомандующим на восточном фронте, его первым действием было набрать солдат из римского населения его родной Каппадокии³. Многие из них должны были подняться по службе во время его двадцатилетнего правления. До и после того, как он стал императором, он вряд ли мог отказаться от поддержки, расширения и продвижения сети провинциальных чиновников из Арабисса, описанной в «Житии Евтихия». Трудно поверить и в то, что его друзья, соседи и дальние родственники в данной местности не получили никаких выгод от того необыкновенного расположения, которое он оказывал своей собственной семье. Еще до своего воцарения он обеспечил назначение собственного племянника Домитиана на должность митрополита Мелитины; во время правления Маврикия Домитиан играл ведущую роль в политических,

¹ Ibid. P. 208.

² Михаил Сириец. Хроника X. 21; пер. см. в: Chabot J.-B. Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche. T. II. Paris, 1904. P. 359.

³ Иоанн Эфесский. Церковная история 3. VI. 14.

а также религиозных делах восточных приграничных регионов¹. Маврикий назначил своего брата Петра и его зятя Филиппика командовать воинскими частями и на восточном, и на западном фронтах². Он перевез своих родителей и всех своих братьев и сестер в Константинополь и поселил их с большим удобством в великолепных дворцах с огромными доходами, сделав собственного отца председателем сената. Иоанн Эфесский добавляет, что он также даровал просторные императорские дома другим своим родственникам, которых обогатил и продвинул до важных званий и должностей³.

В своей биографии Маврикия М. Уитби посвящает лишь одно предложение императорскому благоволению своей семьи, которое он характеризует следующим образом:

«Как и большинство императоров, Маврикий, естественно, продвигал своих родственников, которым его воцарение, конечно, представило возможность для значительного обогащения; такое покровительство вызвало ревнивые отклики, но оно не подорвало социальную структуру Восточной империи, которая всегда была достаточно гибкой, чтобы позволить гражданскому или военному успеху быть вознагражденным значительным повышением статуса соответствующей семьи»⁴.

Другими словами, это не было чем-то особым и это не мешало императору выполнять свою работу должным образом. Тем не менее, есть много оснований полагать, что продвижение семьи Маврикия было воспринято как пре-вышение нормы и вызвало сильное недовольство, что способствовало его падению. Во-первых, Маврикий со своей женой Констанцией⁵ заметно пополнил ядро императорской семьи девятью детьми. Это сделало его первым им-

¹ *Whitby M. Op. cit. P. 14.*

² *Ibid. P. 15;* о Филиппике см. также: *Feissel D. Trois notes... P. 257.*

³ *Иоанн Эфесский. Церковная история 3. V. 18.*

⁴ *Whitby M. Op. cit. P. 14.*

⁵ *Chronicon Paschale / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832. P. 693.*

ператором со времен Льва I, родившим ребенка во время правления, первым после Аркадия, у которого было более одного ребенка, и первым со времен Констанция Хлора, у кого было так много детей. Что его плодовитость не сделала его популярным, ясно из народного восстания, когда партии цирка скандировали некие стихи, высмеивающие его сексуальную ненасытность¹. Что его многочисленные дети воспринимались как бремя для государства, кажется очевидным из инцидента во время войн с аварами: после победы над врагом имперский полководец Приск вызвал мятеж тем, что определил большую часть добычи императору и его детям, «вывезя большую часть добычи из-за большого царского потомства»². Во-вторых, Маврикий чествовал свою провинциальную семью такими способами, которые заставляли хмурить брови старую константинопольскую элиту. Как мы видели, он сделал своего отца председателем сената. По словам Феофана, он похоронил отца в церкви Святых Апостолов и сделал то же самое для своего племянника Домитиана, митрополита Мелитинского, умершего вскоре³. Сам факт того, что Феофан или его источник решили упомянуть эти захоронения, предполагает, что они оказались неоднозначными и считались неуместными там, где хоронили императоров и патриархов.

Конечно, дорогостоящее и пышное ублажение Маврикием своей семьи было совсем не беспрецедентным, но, как и восстановление им Арабисса, оно выглядело несвоевременным в стесненных обстоятельствах конца VI в., потому что явно противоречило провозглашенной императором программе сокращения общественных расходов⁴. Наиболее печально и фатально было то, что Маврикий стремился урезать жалование войску, требуя при этом увеличения

¹ Феофан. Хронография 283.

² Феофилакт Симокатта. История VI. 7, 6.

³ Феофан. Хронография 271, 284.

⁴ Иоанн Ефесский. Церковная история 3. V. 20; Иоанн Никиусский. Церковная история XCV. 21–22; Whitby M. Op. cit. P. 18–19.

военной активности, включая зимние кампании к северу от Дуная. Его новые требования такого рода в 602 г. послужили толчком к восстанию, свергшему его режим¹. Однако армия, которая шла на Константинополь под предводительством Фоки, не преуспела бы, если бы не получила широкой поддержки внутри Города, особенно со стороны партий цирка². Повернулся ли Константинополь против Маврикия только из-за его жесткой финансовой политики и отмены «многих обычаев», связанных с распределением правительственные щедрот³? Или это случилось и потому, что его происхождение не воспринималось как соответствующее его претензиям, потому, что его считали чужаком, навязавшим свою провинциальную семью и свои региональные связи казне римского государства? Без сомнения, не случайно то, что старый соперник Маврикия Герман, коренной константинополец, снова выступил на этом сломе в качестве приемлемой альтернативы⁴.

Но в реальности ею оказался другой чужак — Фока, который был избран предводителем мятежной балканской армии и который одержал победу, смеясь и казнив Маврикия и его семью. Означает ли это, что каппадокийскому регионализму Маврикия пришел на смену балканский регионализм предыдущих императоров? Совершенно не ясно, был ли Фока или избравшие его солдаты уроженцами балканских провинций, поскольку многие части, сражавшиеся с аварами, были переброшены с восточного фронта после заключения мира с Персией. Один более поздний византийский текст, «Патрии», даже упоминает Фоку как кап-

¹ Феофилакт Симокатта. История III. 1–2; VI. 10, 1–3; VII. 1; VIII. 5–7. Кроме того, Маврикий потерял популярность, когда отказался выкупить пленников, взятых аварами (Феофан. Хронография 280).

² Феофилакт Симокатта. История VIII. 7, 8 — 11, 6; Whitby M. Op. cit. P. 24–27.

³ Иоанн Ефесский. Церковная история 3. V. 20.

⁴ Феофилакт Симокатта. История VIII. 8, 3 — 10, 4; см.: Feissel D. Trois notes. P. 266–267.

падокийца¹. Так это или нет, данная информация, по крайней мере, отражает изменение парадигмы, произошедшее с воцарением Маврикия: Каппадокия по умолчанию стала провинцией, откуда происходят императоры, родившиеся за пределами Константинополя. То же самое можно заметить и для следующего императора, Ираклия, которого египетский историограф Иоанн Никиусский также считал уроженцем Каппадокии². Царствование Ираклия приближает нас к исламскому завоеванию Востока, благодаря которому Каппадокия приобрела новое стратегическое значение как наиболее чувствительная пограничная зона Римской империи, а ее военная элита оказалась на переднем краю военных действий империи. Так начался золотой век византийской Каппадокии.

¹ *Patria III. 13, 184 (Preger Th. Scriptores originum Constantinopolitarum. Vol. II. Leipzig, 1907. P. 218, 273).*

² *Иоанн Никиусский*. Церковная история СИХ. 2; см.: *Kaegi W. Heraclius, Emperor of Byzantium*. Cambridge, 2003. P. 21.

Альбрехт Бергер

«ПЕРЕРАБОТКА» КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Использование сполий, т. е. архитектурных деталей, взятых из более ранних построек, было весьма обычным в византийской архитектуре. Эта практика существовала в Константинополе с самого его начала, но стала гораздо более распространенной начиная с кризиса VII в. из-за общего недостатка ресурсов и недоступности каменоломен в потерянных регионах Востока и Балканского полуострова.

В ранневизантийский период для важных общественных зданий, возводимых на средства государства, обычно использовались новые архитектурные детали, в то время как сполии регулярно использовались в зданиях практического назначения, таких как цистерны, перекрытые сводами на колоннах. То же самое касается и зданий более скромных размеров, таких как церкви, возведенные частными лицами или ограниченными в средствах общинами.

Хороший пример этого — Святая София в своем современном состоянии¹: большая часть современной церкви сохраняется такой, как она была построена в середине VI в.

¹ См.: *Mainstone R. Hagia Sophia. Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church.* London, 1988; *Mark R. Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present.* Cambridge, 1988; *Виноградов А. Ю., Захарова А. В., Черноглазов Д. А. Храм Святой Софии Константино-польской в свете византийских источников.* СПб., 2018.

Единственные сполии, использованные здесь, — это восемь больших порфировых колонн в первом ярусе¹. Каменоломни порфира в Египте прекратили действовать уже давно, и весь доступный порфир брался либо со складов строительных материалов, либо из разобранных старых зданий². Это отражено даже в так называемой «Повести о Святой Софии», тексте конца IX или начала X вв., который описывает ее постройку Юстинианом в форме легенд, изобилующих фантастическими деталями. В самом начале мы читаем:

«Также он написал и стратигам, и сатрапам, и судьям, и сборщикам налогов по всем фемам, чтобы все они искали, какие найдут, колонны, столпы, плиты, абаки, алтарные преграды и прочий материал, пригодный для возведения храма. Все получившие от него такой приказ [брали их] из языческих храмов, старых башен и домов и присылали императору Юстиниану на плотах изо всех фем востока и запада, севера и юга и со всех островов»³.

Однако после этого утверждения текст больше не говорит ничего о повторно использованных материалах, как не упоминает и здания, откуда сполии могли быть взяты, за исключением порфировых колонн, которые действительно представляют собой сполии. Утверждается, что они происходят из Рима — что может быть правдой — а именно из большого храма Солнца императора Аврелиана, что не может быть проверено и скорее неправдоподобно⁴.

Самое позднее с IX в. в византийских источниках порфир называется «римским камнем»⁵. Причина этого не

¹ См.: Mainstone R. Op. cit. P. 189, 267.

² См.: Asutay-Effenberger N., Effenberger A. Die Porphyrsarkophage der oströmischen Kaiser: Versuch einer Bestandserfassung, Zeitbestimmung und Zuordnung. Wiesbaden, 2006. S. 49–51.

³ Scriptores originum Constantinopolitanarum. Vol. I / Ed. Th. Preger: Lipsiae, 1901. P. 74–108 (2, l. 1–9; далее — Diegesis). Цит. по: Виноградов А. Ю., Захарова А. В., Черноглазов Д. А. Храм Святой Софии... С. 399.

⁴ Diegesis 2, l. 10–15.

⁵ Asutay-Effenberger N., Effenberger A. Op. cit.

только в его символическом значении как любимого камня римских императоров, но и в том, что большая его часть попала в Константинополь в ранневизантийский период из Рима, а не из Египта. Перемещение императорского камня с запада на восток поддерживало популярную идею о том, что Константин Великий перенес центр римской державы с запада на восток, забрав с собой сенаторов и прочую аристократию, ремесленников и строительные материалы¹. Как результат, местная легенда приписывает римское происхождение практически каждому предмету из порфира в Новом Риме.

Вскоре после эпохи Юстиниана, в начале VII в., строительная активность в Константинополе и во всей империи практически иссякла из-за глубинного политического кризиса и возобновилась только при Константине V в середине VIII в.² В Константинополе не зафиксировано практически никакой строительной деятельности, за исключением сооружения двух парадных залов в Большом дворце, укрепления морских стен и установки цепи через Золотой рог в ожидании арабской осады в 717–718 гг.³ Этот процесс укрепления стен хорошо заметен на южном берегу под Дворцом. Там сохранилась кладка из старых карнизов, на которых все ещё видны монограммы Юстиниана и Феодоры (рис. 1). Это означает, что как минимум несколько роскошных зданий VI в. к тому времени было уже в руинах⁴.

¹ Этот сюжет развивается от краткой ремарки у Созомена (Церковная история 2. 3. 4), до Иоанна Малалы (Хроника 13. 7), и Гесихия Иллюстрия (гл. 42; *Scriptores originum Constantinopolitanarum....* Р. 1–18) и, наконец, до развернутой истории в *Patria* (*Scriptores originum Constantinopolitanarum....* Vol. II), 1. 44; 1. 63–67.

² *Magdalino P. Constantine V and the Middle Ages of Constantinople // Idem. Studies on the History and Topography of Byzantine Constantinople. Aldershot, 2007 (No. IV).*

³ *Patria* 3. 130; 157; см. также: *Guilland R. La chaîne de la Corne d'Or // Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1955. Vol. 25. P. 88–120.*

⁴ *Mamboury E., Wiegand Th. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Berlin, 1934. S. 1–18. Taf. XV–XIX.*

Рис. 1. Морская стена под Большим дворцом
(по: *Mamboury E., Wiegand Th. Die Kaiserpäle von Konstantinopel zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Berlin, 1934. Taf. XV*)

Новые постройки из старых материалов в Большом Константинопольском дворце

Когда Константинополь начал медленно возрождаться после «темных веков», многие старые здания были в плачевном состоянии и срочно нуждались в реконструкции. Две главные кампании по их восстановлению зафиксированы для IX в. так называемым Продолжателем Феофана: первая — в правление императора Феофила после 829 г.¹, а вторая — в правление Василия I, после 867 г.² Но если мы

¹ Продолжатель Феофана 3. 42–44 (Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur libri I–IV / Rec. M. Featherstone, J. Signes-Codoñer. Berlin, 2015. S. 200–210).

² Продолжатель Феофана 5.76–94 (Chronographiae... S. 258–308).

внимательно прочтем эти сообщения, то быстро поймем, что эти ремонты были выполнены только в небольшом объеме и не восстанавливали прежнее состояние зданий.

Действительно, в Большом дворце, начиная с правления Феофила, было построено несколько зданий, но все они были скорее небольшими, а различный ценный камень для их колонн и облицовки стен был, видимо, взят из соседних развалин. Только один раз Продолжатель Феофана говорит о повторном использовании старого материала, и это особенный случай, так как в тексте говорится, что кессонный деревянный потолок из дома Василиска был перенесен в Лавсиак, зал приемов в Большом дворце¹. Потолок, изготовленный около 475 г., можно было установить после 829 г. в зале, построенном в 694 г., только приложив огромные усилия: это можно объяснить лишь тем, что его воспринимали не только как готовый строительный материал, но и как историческую ценность.

Другая выдающаяся постройка эпохи Феофила, упомянутая у Продолжателя Феофана, — впечатляющий фасад на вершине заново укрепленной им морской стены под новыми дворцовыми строениями в месте, которое другие источники называют Вуколеонт (рис. 2)². Это был просто фасад, выходящий на море, без основного здания за ним, — действительно, примыкающие строения на нижних дворцовых террасах или даже вся обитаемая еще часть Большого дворца стали регулярно называться Вуколеонтом только гораздо позже — у рыцарей Четвертого Крестового похода³.

Этот фасад, от которого сегодня сохранилась только небольшая часть, был продуманно составлен из сполий, чтобы впечатлять зрителя использованными в нем ценными

¹ Продолжатель Феофана 3. 44. 5–8.

² Mango C. The Palace of the Boukoleon // Cahiers Archéologiques. 1997. Vol. 45. P. 41–50; Magdalino P. Court and capital in Byzantium // Royal courts in dynastic states and empires. A global perspective / Ed. by J. F. J. Duidan, T. Aran, I. M. Kunt. Leiden, 2011. P. 131–144.

³ Mango C. Op. cit. P. 41–42. Единственное более раннее упоминание «дворцов Вуколеонта» см. в Patria. 3. 126.

Рис. 2. Фасад дворца Вуколеонт (по: Bardill J. Visualizing the Great Palace at Constantinople // Visualisierungen von Herrschaft / Hrsg. von F. A. Bauer. İstanbul, 2006. P. 5–45. Fig. 9)

древними объектами. Это становится вполне очевидно, когда мы смотрим на фотографическое изображение этого балкона, поскольку рельефные ложные двери закрывали все его отверстия и делали их бесполезными, препятствуя обзору из них.

Перестройка церквей

Как мы узнаем из биографии Василия I, хорошо известной как «*Vita Basilii*», во время его царствования были обновлены старые части Большого дворца и добавлены новые

здания, а многие церкви Константинополя — восстановлены. Некоторые из этих церквей сохранили свой прежний облик, но другие — нет. Мы можем понять, какого рода восстановление имело место на самом деле, если посмотрим на следующий пассаж:

«И прекрасный храм Воскресения божественного Христа, Бога нашего, и мученицы Анастасии в так называемом портике Домнина он отстроил, украсил, деревянную кровлю заменил каменной и иную удивительную красу ей прибавил»¹.

Это означает, что церковь со сводами, возможно, купольная и типа вписанного креста, была встроена в руины своей гораздо более крупной предшественницы, с использованием ее материала. Из множества колонн, ранее поддерживающих кровлю наоса, четыре, наиболее хорошо сохранившихся, были использованы как опоры купола, а остальные — распилены для облицовки стен или проданы. Устройство маленькой церкви на руинах большой — хорошо известная практика: наглядным примером этого, в очень большом объеме, служит церковь Святой Софии в Фессалонике².

Один пассаж из «Патрий Константинополя» показывает нам, в сколь полном объеме иногда использовали материал из разобранных зданий:

«Святого Стефана близ Сигмы воздвиг Константин Великий. А император Лев воздвиг его маленьким, и весь материал: золотую мозаику и драгоценные камни и колонны, сложил у Святых Апостолов и воздвиг храм Всех Святых»³.

Церковь Святого Стефана была построена не во времена Константина, но все же еще в IV в. и была, вероятно, трехнефной базиликой среднего размера. Землетрясение,

¹ Продолжатель Феофана 5. 82. 4–8. Перевод дан по: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1992.

² Theocharidou K. The Architecture of Hagia Sophia, Thessaloniki from its erection up to the Turkish conquest. Oxford, 1988.

³ Patria 3. 209.

которое ее уничтожило, — это землетрясение 869 г. Ее перестройка в меньшем масштабе означает, что небольшой вписанный крест был вписан в руины и построен из камней, кирпичей и архитектурных деталей ее предшественницы, тогда как весь лишний, но еще пригодный к использованию материал, включая колонны и мозаичные тессеры, был перевезен в некое хранилище на расстояние более двух с половиной километров. Новая церковь Всех Святых была построена рядом со Святыми Апостолами только после 897 г., то есть почти через тридцать лет после того, как была разрушена церковь Святого Стефана, что дает нам представление о том, как долго в ряде случаев материал ждал своего вторичного использования¹.

От этих церквей до наших дней ничего не сохранилось, кроме, возможно, субструкций церкви Всех Святых, которые служили в качестве цистерны². Но использование сполий в константинопольских церквях средневизантийского периода зафиксировано также археологически, как то показывают несколько следующих примеров.

Церковь монастыря Константина Липса, освященная в 908 г., существует по сей день, хотя и сильно искажена перестройками, произведенными при превращении церкви в османскую мечеть. Четыре основные колонны исчезли, но все еще на своих местах остаются капители пилястр, которые были сделаны из разрезанных пополам капителей VI в.³

Церковь монастыря Богородицы Кириотиссы в своем нынешнем виде монументального здания типа вписанного

¹ Berger A. Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos. Bonn, 1988. P. 361–363, 499–501.

² Müller-Wiener W. Zur Lage der Allerheiligen-Kirche in Konstantinopel // Lebendige Altertumswissenschaft. Festgabe zur Vollendung des 70. Lebensjahres von Hermann Vettters / Hrsg. von E. Plöckinger. Wien, 1985. S. 333–335.

³ Macridy Th., Megaw A. The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) at Istanbul // Dumbarton Oaks Papers. 1964. Vol. 18. P. 249–315.

креста была построена после пожара 1197 г.¹ Она заменила собой старую, гораздо более скромную базилику VII в., но включает в себя всю ее восточную часть. Главные карнизы в ее восточной части — сполии из двух разных церквей, а несоответствия в карнизе вимы можно объяснить только тем, что наиболее хорошо сохранившиеся куски гораздо более длинного карниза были соединены здесь вместе. Этот карниз находится там же, где он был установлен в VII в.², так что нет причины предполагать, что в наос церкви был полностью встроен карниз предшествующего здания. Он должен происходить откуда-то еще: либо из другой, более ранней церкви, либо из хранилища строительных материалов где-то в Константинополе.

Повторное использование саркофагов

Особенный и довольно чувствительный случай представляет собой вторичное использование императорских саркофагов — феномен где-то на грани между вторичным использованием архитектурной скульптуры и демонстрацией древних движимых предметов искусства.

Хорошо известный пример этого — уничтожение саркофага Константина V после конца иконоборчества в 843 г. Список императорских захоронений в «Книге церемоний» гласит:

«Другой саркофаг из зеленого фессалийского камня, в котором лежал Константин, сын Исавра, по прозвищу Каваллин, но его злосчастное тело было вытащено Михаилом и Феодорой и сожжено, а его саркофаг был вытащен, распилен и использован для облицовки стен [храма] Фароса,

¹ Kalenderhane in Istanbul: final reports on the archaeological exploration and restoration at Kalenderhane Camii / Ed. C. L. Striker, D. Kuban. Vol. I. Mainz, 1997.

² Ibid. P. 101–102.

весь большие абаки, находящиеся в этом Фаросе, сделаны из этого саркофага»¹.

В этом случае сполии были использованы не с целью прославления памяти императора, а, напротив, чтобы стереть ее, — намерение, которое нарушено здесь упоминанием о месте, где были установлены эти фрагменты, а именно — церкви, которой на тот момент было уже семьдесят с лишним лет².

Более сложная ситуация — когда тела покойных императоров извлекали из саркофагов и перезахоранивали в более простых могилах, потому что века спустя требовались новые роскошные саркофаги, а императоры не могли их себе позволить. Например, в перечне императорских захоронений в «Книге церемоний» мы находим следующий пассаж:

«Следует знать, что в женском монастыре Юстина, в церкви святого апостола Фомы, в саркофаге из зеленого фессалийского камня были погребены тела императора Юстина и его жены Софии. Их останки были вынесены и помещены в гробницу в земле, из проконесского камня, то есть никриманского, на которой было написано: “Гроб Александра доместика”»³.

Причиной тому был тот факт, что Михаил III, убитый в 867 г. по наущению Василия I, был реабилитирован сыном Василия Львом VI после его восшествия на престол в 886 г.⁴ Об этом сообщает тот же перечень гробниц:

¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae libri duo / Ed. by J. J. Reiske. Bonn, 1829 (далее — *De ceremoniis*). P. 645.2–9 (пер. А. Ю. Виноградова).

² О Фаросской церкви см.: Klein H. A. Sacred Relics and Imperial Ceremonies at the Great Palace of Constantinople // Visualisierungen von Herrschaft / Ed. by F. A. Bauer. İstanbul, 2006. P. 79–80, 91–92.

³ De Ceremoniis 646.13–19. О перечне гробниц см.: Grierson Ph. The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042) // Dumbarton Oaks Papers. 1962. Vol. 16. P. 3–63.

⁴ Tougher S. The Reign of Leo VI (886–912): politics and people. Leiden — New York, 1997. P. 62–67.

«Другой саркофаг из зеленого фессалийского камня, где лежит император Михаил, сын Феофила. Следует знать, что этот саркофаг Михаила — Юстиниана Великого. Стоял он в монастыре Августы, ниже Святого апостола Фомы, где были обретены и одежды апостолов. Взял же их государь император Лев и поставил его здесь, для погребения тела этого Михаила»¹.

Мы видим, что саркофаг Юстина II — а не Юстиниана I, как это утверждает наш текст, и не Юстина II, как можно заключить из имени его жены, Софии, которое также попало сюда по ошибке, — был перенесен в мавзолей Константина и установлен посреди гробниц императоров IV–V вв., около саркофага Василия, который сам начал там второй этап захоронений. Здесь мотивом для вторичного использования явно было желание быстро заполучить саркофаг, который мог бы соперничать с великими памятниками ранневизантийского периода.

Похожий случай произошел около 920 г., когда император Роман Лакапин превратил свой бывший городской дворец в монастырь под названием Мирелеон и пристроил церковь, которая должна была служить также погребальным храмом для его семьи. Это здание нам известно теперь как мечеть Бодрум Джами. В шестой книге Продолжателя Феофана мы читаем:

«Тогда же и досточтимейший Петрона по приказу царя Романа перенес из мужского монастыря святого Маманта (расположен вблизи ворот Ксирокерка) один гроб с резными фигурами и два других без резьбы и поместил их в монастырь царя Романа, то есть Мирелеон. Как говорят, в них покоился прах Маврикия и его детей»².

¹ De Cerimoniis 642.16–643.3.

² Продолжатель Феофана 6. 11 (Theophanes continuatus, Ioannes Camenita, Symeon Magister, Georgius Monachus. Annales a Leone Marmenio ad Nicephorum Phocam / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 403.20–404.3). Цит. с небольшими изменениями по переводу Я. Н. Любарского (см. выше).

Действительно, жена Романа Феодора, сам Роман и некоторые другие члены его семьи были погребены в этих саркофагах в течение последующих десятилетий. Но сложно усмотреть какую-либо причину их повторного использования, кроме простейшей: они были дешевле, чем новые. То, что подобные действия не воспринималась как норма, а напротив, возмущали современников, можно понять из маргинальной пометы в хорошо известной рукописи «Греческой антологии» (ныне в Гейдельберге), где Константин Родосский, отождествленный с так называемым писцом J¹, комментирует эпиграмму 9. 81 о надругательстве над могилой² следующими словами:

«И мертвые часто страдают, хотя и бесчувственны, однако же страдают. Посмотри на гробы Маврикия и Амантия: из них один был выброшен и закопан, а другой выкинут и рассеян; один — при Льве, другой — при Романе. И это случилось с императорами. Что же ты сказал бы о прочих людях?»³

Амантий — это основатель церкви св. Фомы в V веке, около которой находился саркофаг Юстина, и он превратился в императора только по неаккуратности переписчика.

Самый странный случай повторного использования саркофага известен не по литературному источнику. В 1750 г. один французский путешественник осмотрел фрагменты византийских саркофагов, обнаруженные во время строительства во дворе дворца Топкапы, и среди них — странную крышку, увенчанную семью куполами (рис. 3). Сирил Манго связал ее с упомянутым у Никиты Хониата

¹ См.: Cameron A. The Greek Anthology from Meleager to Planudes. Oxford, 1993. P. 304–307.

² Об этой эпиграмме, посвященной посмертной судьбе тирана Никия с Коса, написанной Кринагором из Митилины, см.: *Buraselis K. Kos between Hellenism and Rome: studies on the political, institutional and social history of Kos from ca. the middle second century B.C. until late antiquity*. Philadelphia, 2000. P. 39–40.

³ Cameron A. Op. cit. P. 115 (пер. А. Ю. Виноградова).

«семичастным камнем» на гробнице императора Мануила I Комнина, умершего в 1180 г.¹ Нэнси Патерсон Шевченко предположила, что этот предмет был скорее не крышкой саркофага, а киворием над могилой, какие известны для других средневизантийских императорских захоронений и похожи на те, что сохранились над гробницами норманских королей в Палермо². С другой стороны, О. Карагиоргиу заметила, что этот фрагмент был, согласно Никите Хониату, из «черноватого камня» и потому должен происходить из каменоломен в Фессалии, которые на тот момент уже давно прекратили действовать³. Тогда семь куполов надо интерпретировать как изобра-

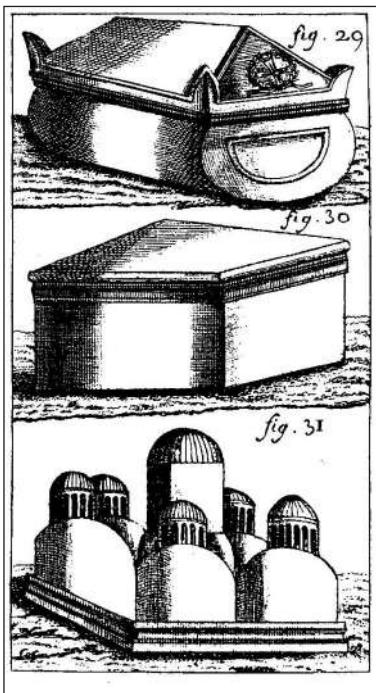

Рис. 3. Мраморное навершие из дворца Топкапы (по: *Mango C.*

Three imperial Byzantine sarcophagi discovered in 1750 // Dumbarton Oaks Papers. 1962.

Vol. 16. P. 397–402. Fig. 1.

¹ *Никита Хониат.* Мануил 1. 17 (Nicetae Choniatae Historia / Ed. J.-L. van Dieten. Berlin, 1975. P. 222.14–19); см.: *Mango C.* Three imperial Byzantine sarcophagi...

² *Шевченко Н. П.* The Tomb of Manuel I Komnenos // Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth centuries // First International Sevgi Göntüll Byzantine Studies Symposium: Proceedings / Ed. by A. Ödekan, N. Necipoğlu, E. Akyürek. İstanbul, 2010. P. 609–616.

³ *Карагиоргиу О.* Λίθος την μελανίαν υποκρυνόμενος: ενδείξεις για την εκμετάλλευση των λατομείων του Θεοσολικού λίθου στη μέση βυζαντινή περίοδο // Εικοστό Δεύτερο Συμπόσιο Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής Αρχαιολογίας και Τέχνης. Τ. 22. Αθήνα, 2002. Σ. 43–44.

жение так называемой Новой церкви или Неа в Большом дворце, а киворий должен был изначально украшать могилу ее основателя — императора Василия I. Итак, кажется, что этот киворий был повторно использован для гробницы Мануила. Василий, вероятно, был оставлен в своей могиле, которая, когда киворий был убран, стала только менее заметной, чем прежде.

Историзирующая архитектура?

Другая проблема — это проблема новых архитектурных элементов, памятников или зданий, которые имитируют стиль более древних с целью придать себе больше величия или заменить собой желанный, но отсутствующий древний объект. Самый известный случай такого рода в Константинополе — это, конечно, сложенный из камней обелиск на Ипподроме. Когда все попытки добыть египетский обелиск для украшения спины потерпели неудачу, поддельный обелиск, сложенный из тесаного камня, был построен примерно за год и покрыт металлическими листами. Позднее, в 392 г., настоящий египетский обелиск, наконец, прибыл в Константинополь и был поставлен рядом со своим ранним «заменителем»¹.

Предполагается, что металлическая облицовка была украшена рельефами, но никто не знает, как они выглядели. Зашла ли имитация египетского искусства так далеко, что содержала псевдоиероглифические надписи, как те имитации, которые мы видим на пирамиде лёдника в Новом дворце в Потсдаме?

¹ Effenberger A. Überlegungen zur Aufstellung des Theodosios-Obelisken im Hippodrom von Konstantinopel. // Innovation in der Spätantike: Kolloquium Basel 6. und 7. Mai 1994 / Hrsg. B. Brenk et al. Wiesbaden, 1996. S. 207–283; *Idem*. Nochmals zur Aufstellung des Theodosius-Obelisken im Hippodrom von Konstantinopel // Gymnasium. 2007. Vol. 114. S. 587–598.

Около 400 г. впервые упоминается Порфира¹, — квадратный павильон из порфира с пирамидальной кровлей, который позже стал знаменит как место рождения багрянородных царевичей, порфирогенетов. Можно ли, действительно, предположить, что прибытие египетского обелиска породило египетскую моду в искусстве и архитектуре, пусть и скоротечную²?

Храм или церковь, старая или новая?

Случалось также, что здания, в которых широко использовались сполии, позднее считались более древними, чем они были на самом деле. Самые известные случаи такого рода в Константинополе — это церкви св. Мины у подножья Акрополя, и св. Мокия в западной части города. В «Патриах Константинополя» об этом написано так:

«Святого Мину и Святого Мокия он [Константин Великий] обнаружил уже существующими, так как они были идолольскими храмами. И Святого Мину он оставил как есть, только выбросил оттуда статуи и назвал его так»³.

В другом месте этого текста — в первой части, которая была написана позже, чем все остальное, это утверждение разъяснено более детально (1. 51). О церкви св. Мины мы читаем:

«А церковь святого Мины была прежде храмом Зевса: оттуда статуи великого Зевса и Кроноса на мраморных арках, что над двумя большими колоннами. Ведь у древних был обычай основывать свои жилища, то есть дворцы, на акрополях»⁴.

¹ *Marc le Diacre. Vie de Porphyre, évêque de Gaza / Ed. H. Grégoire, M.-A. Kugener. Paris, 1930* (гл. 44.1–6).

² *Hermann A. Porphyra und Pyramide // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1964. Bd. 7. S. 117–138.*

³ *Patria. 3. 2* (пер. А. Ю. Виноградова).

⁴ *Patria. 1.51.*

Описание этого здания, однако, подходит скорее к монументальным воротам или триумфальной арке, а слово *στήλη*, использованное здесь для изображений древних богов, может и просто отсылать к рельефу на аттике над аркой. Действительно, этот пассаж находится в начале описания древних стен Византия.

Итак, мы можем предположить, что речь здесь идет на самом деле не о церкви, а о воротах неподалеку от пересечения древних стен акрополя и византийских морских стен. Сама церковь, впрочем, могла быть переделана из языческого храма, но в таком случае скорее из храма Посейдона, который стоял в этом квартале в древнем Византии¹.

О церкви св. Мокия «Патрии» говорят в отрывке, заимствованном из более древнего текста — «Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί»:

«Следует знать, что Святой Мокий впервые был построен Константином Великим рядом с местом, где жило большое множество язычников. И был храм Зевса там, где из его камней он заложил храм»².

А вот детализованная версия в более позднем отрывке:

«Святой Мокий был в два раза длиннее, чем есть, но отсек вторую часть храма и воздвиг алтарь Константин Великий и его мать Елена. Поскольку же там был казнен святой Мокий, то он и воздвиг храм в его честь, и перенес туда его тело»³.

Нам известно, что церковь св. Мокия восстанавливалась дважды, при Юстиниане и при Василии I, но всегда сохраняла свою изначальную форму — необычно большой трех-

¹ Как говорится в *Patria* 1. 13, в отрывке, процитированном из Гезихия Милетского (VI в.), см. выше. Поскольку церковь Мины — единственное христианское здание, упоминаемое тут, это упоминание может быть результатом позднейшей интерполяции.

² *Patria* 2. 110, взято из *Parastaseis* 1.

³ *Patria* 3. 3.

нефной базилики¹. Поэтому, возможно, сохранение трети древнего храма — это чистый вымысел «Патрий», хотя существование на этом месте предшествующего храма Зевса часто считается само собой разумеющимся, как, например, в турецком археологическом отчете 90-х гг. прошлого века². Основой для этой легенды могло стать только большое количество сполий, использованных для постройки этой церкви.

Крепость из сполий

От обеих этих церквей до наших дней не дошло ничего, по крайней мере, там, где они стояли. Однако возможно, что архитектурные детали из Святого Мокия сохранились где-то еще, использованные вторично. Ведь историк Дука сообщает о строительной деятельности Иоанна V Палеолога незадолго до конца его царствования, в 1391 г.:

«Он начал строительство в одной из частей города, у так называемых Золотых ворот, устроив две башни по сторонам от этих ворот и воздвигнув их из плит белого мрамора, соединенных вместе, не с помощью каменотесов и не на свои деньги, но использовав другие прекраснейшие церковные постройки: он разобрал храм во имя Всех святых, построенный государем Львом, мудрым и великим императором, и храм Святых Сорока [мучеников], также прекрасно возведенный императором Мавриkiem, а также остатки храма святого Мокия, который воздвиг император Константин Великий. Так он огородил часть города от Золотых ворот до

¹ Прокопий Кесарийский. О постройках 4. 4. 27; Продолжатель Феофана. Хронография 5. 81. См. также: Berger A. Mokios und Konstantin der Große. Zu den Anfängen des Märtyrerkults in Konstantinopel // Antecessor: Festschrift für Spyros N. Troianos zum 80. Geburtstag / Hrsg. von V. A. Leontaritou et. al. Athen, 2013. S. 177–180.

² Özgümüş F. İstanbul'da Aya Mokios Kilisesi // Sanat Tarihi Araştırmaları Dergisi. 1996. Vol. 13. P. 46–49.

южного берега, устроив еще и гавань для того чтобы укрыться в ней в нужный момент»¹.

Хотя османский султан Баязид почти немедленно заставил императора разрушить эти укрепления, их части были еще видны несколько десятилетий спустя². Так называемая Мермеркуле, небольшая крепость с массивной башней, чья нижняя часть полностью состоит из вторично использованных мраморных пилистронов огромного размера, могла быть изначально ее частью, поскольку сохранилось несколько фрагментов стены, которая начинается там и которая могла отделять дальний юго-западный угол Константинополя от остального города³. Это выделенное пространство, иногда называемое *полихуон* «городок», действительно, очень маленькое и поэтому не имеет ничего общего с гораздо более крупным выделенным районом между турецкой крепостью Едикуле и морскими стенами, который иногда появляется позднее на османских изображениях⁴.

Наш вопрос в том, можем ли мы идентифицировать сполии из трех упомянутых церквей: церкви св. Мокия IV века, церкви Сорока мучеников конца VI в.⁵ и церкви Всех святых начала X в.⁶ Необходимо добавить, что церковь св. Мокия должна была лежать в руинах уже долгое время к тому моменту, когда ее остатки были перевезены в район Мермер-

¹ *Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / Trans. by H. J. Magoulias. Detroit, 1975.* P. 81–82 (пер. А. Ю. Виноградова).

² *Asutay-Effenberger A. Die Landmauer von Konstantinopel–İstanbul. Berlin, 2007.* S. 110–113; *Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // Dumbarton Oaks Papers. 2000. Vol. 54.* P. 182. Note 58.

³ *Peschlow U. Mermerkule – ein spätbyzantinischer Palast in Konstantinopel // Studien zur byzantinischen Kunstgeschichte: Festschrift für Horst Hallensleben zum 65. Geburtstag / Hrsg. von L. Theis, B. M. Schellewald, B. Borkopp. Amsterdam, 1995.* P. 93–97.

⁴ *Asutay-Effenberger A. Die Landmauer... S. 113–117.*

⁵ *Stichel R. H. W. Ein byzantinischer Kaiser als Sensenmann? Kaiser Andronikos I. Komnenos und die Kirche der 40 Märtyrer in Konstantinopel // Byzantinische Zeitschrift. 2001. Vol. 93. S. 586–608;* про церковь и ее последнюю реставрацию в конце XII в. см.: *Ibid. S. 589–602.*

⁶ *Müller-Wiener W. Op. cit.*

куле. Действительно, фрагменты карнизов в Мермеркуле и некоторые другие детали в морской стене к северо-востоку от нее похожи на капитель, найденную в 1993 г. на месте, где должна была некогда стоять церковь св. Мокия¹. Кроме того, другая деталь точно соответствует сполиям в северной церкви монастыря Липса, которая датируется тем же временем — правлением императора Льва VI, построившего, как было упомянуто выше, и церковь Всех святых. Если это так, то, с другой стороны, из этого следует, что церковь Всех святых была сложена не только из сполий разрушенного храма Св. Стефана, но и содержала новые архитектурные детали.

Вернемся к церкви св. Мокия в последний раз: пилястры в нижней части Мермеркуле настолько велики, что сложно представить, чтобы они были использованы там впервые. Но разве невозможно, чтобы они попали в Константинополь уже как сполии из неизвестного нам места и провели около тысячи лет в стенах церкви св. Мокия, пока не достигли своего конечного пункта назначения?²

Сполии на Золотых воротах

Впрочем, давайте вернемся к украшению монументальных и впечатительных построек древними сполиями, как мы наблюдали это на примере фасада Вуколеонта IX в. В какой-то момент и Золотые ворота, главный западный въезд в город сквозь сухопутные стены, также были роскошно украшены древними сполиями, но в основном — фигуративными рельефами, а не архитектурной скульптурой, как Вуколеонт (рис. 4).

В комплексе Золотых ворот до сих пор сохранились внешние ворота напротив главных, мраморных³. Перед их

¹ *Özgümüş F.* Op. cit.

² *Berger A.* Op. cit.

³ *Mango C.* The triumphal Way... P. 173–188.

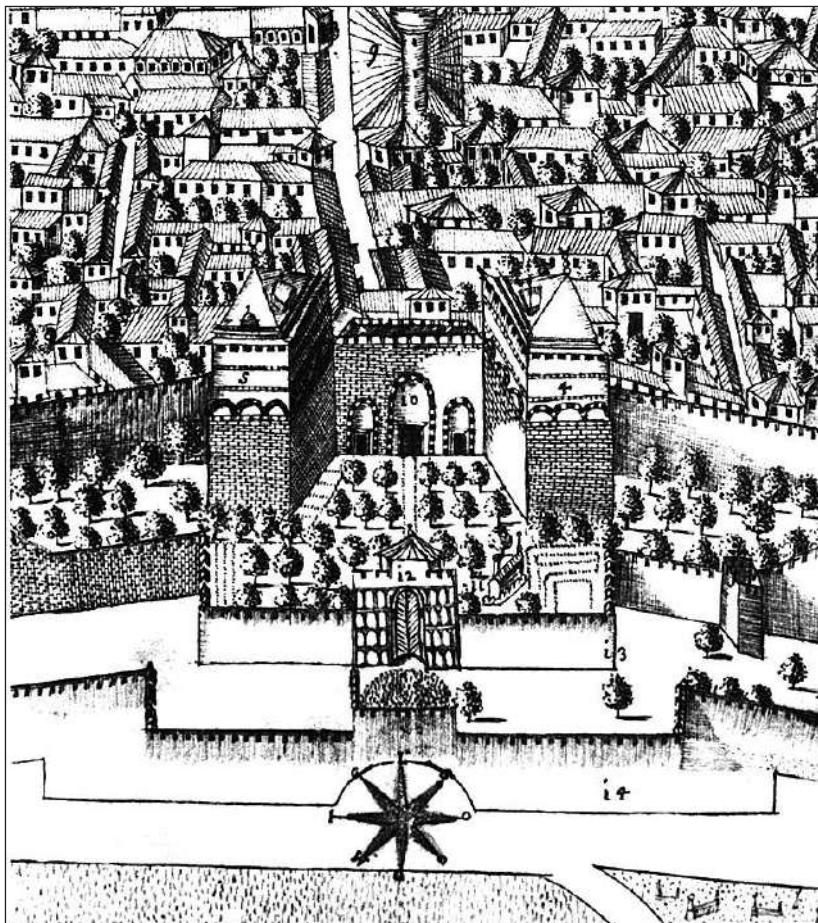

Рис. 4. Золотые ворота (по: *Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate* // Dumbarton Oaks Papers. 2000. Vol. 54. P. 173–188. Fig. 9)

первоначальной кладкой были поставлены две древние колонны с капителями, поддерживающими арку, все — из вторичных материалов. С другой стороны ворот в стену вставлены два ряда мраморных рам, которые также были

использованы вторично и некогда обрамляли рельефы высотой в два и более метров. Сейчас эти рельефы утеряны, кроме нескольких маленьких фрагментов, но они были описаны Мануилом Хрисолором в 1411 г.¹, Пьером Жилем в середине XVI в.², Томасом Роу в 1620-х гг.³ и Джоном Ковелом после 1670 г.⁴ На них были изображены подвиги Геракла, наказание Прометея и не связанные друг с другом мифологические сцены, такие как Эндимион с Селеной, ведущий Цербера Геракл, ведомый нимфами Пегас, пьяный Геракл и преследующий Троила Ахилл. Их размер был необыкновенно большим для рельефов такого рода, и это явный признак того, что их взяли, как предположил некогда С. Манго, из какой-то роскошной виллы или общественно-го здания, возможно, за пределами Константинополя. Вместе с несколькими более мелкими античными и византийскими рельефами различного размера они образовывали огромное панно более чем 12 м в высоту, которое с определенного расстояния выглядело почти как римская триумфальная арка, чей сборный характер становился очевиден только при приближении.

Очевидно, все это было задумано как триумфальный памятник, — единственный в своем роде, известный нам в средневизантийский период, и есть искушение связать его сооружение с победоносной кампанией императора Никифора Фоки в Киликии в 965 г. Возвращаясь, он привез с собой бронзовые ворота завоеванных Тарса и Мопсуестии и установил первые на морских воротах под Акрополем, а вторые — на Золотых воротах на западе. Мы можем предположить, что новая, высококачественная декорация места

¹ Billò C. Manuele Crisolora, Confronto tra l'Antica e la Nuova Roma // Medioevo Greco. 2000. Vol. 0. P. 6–26 (гл. 49.10–13).

² Gyllius P. De topographia Constantinopoleos. Lyon, 1561. P. 217–218.

³ Roe T. The Negotiations of Sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte. London, 1740. P. 386–387.

⁴ British Library Add. 22912, f. 83; цит. по: Mango C. The triumphal Way... P. 184–185.

его триумфального въезда в Константинополь была заказана по тому же случаю¹.

Другой важный вопрос, который невозможно обсудить здесь, — о вторичном использовании античных статуй. Как хорошо известно, такие статуи свозили в Константинополь на протяжении нескольких десятилетий после его основания, и они формировали существенную часть городского ландшафта на протяжении всей истории Византии².

Я надеюсь, что несколько приведенных здесь заметок показали, насколько многообразным было использование сполий в Константинополе и рупором каких идеологем могла становиться эта практика.

¹ Ibid. P. 186.

² Вместо длинной библиографии см.: Bassett, S. The Urban Image of Late Antique Constantinople. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Халюк Четинкай

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПАРТИМЕНТЫ В МОНАСТЫРЕ ПАНТОКРАТОРА

Один из наименее изученных византийских памятников Стамбула расположен недалеко от современного района Ункапаны. Это монастырь Пантократора, основанный вблизи Зевгмы. После османского завоевания комплекс монастыря Пантократора был превращен в мечеть, как и еще семь храмов, а приблизительно через 20 лет получил новую функцию — медресе¹. Прозвище одного из учителей этого медресе, Зейрека Мехмета, позже дало имя району — Зейрек, происходящее от персидского слова со значением «мудрый».

Во время реставрационных работ 1997–1998 гг. были найдены повторно использованные кирпичи, датированные временем правления Константина I². Вторичное употребление более старых строительных материалов — распространенное явление, которое указывает, что в том же месте или на небольшом расстоянии от него было другое

¹ Baltacı C. Asırlarda Osmanlı Medreseleri (Ottoman medreses in XV–XVIth centuries). Istanbul, 1976. S. 468.

² Oosterhout R. Architecture, art and Komnenian ideology at the Pantokrator monastery // Byzantine Constantinople: Monuments, topography and everyday life / Ed. by N. Necipoğlu. Leiden — Boston — Köln, 2001. P. 143. Note 20.

сооружение, переставшее использоваться. Территория вокруг комплекса Пантократора, как известно, была некогда кладбищем, на что указывают некоторые эпитафии и ипогей возле мечети Бычакчи Али.

Ясно также, что в то время это пространство было заселено. Крупные поместья, такие как Илары, стали причиной того, что этот район получил новое имя — тѣс Тларѣс. Высказывались также предположения, что до строительства монастырской больницы здесь уже существовал ее предшественник — носокомий (больница) Феофила¹.

По другой версии, во время царствования Константина I здесь построили лупанар, который затем был переделан в больницу, получившую впоследствии известность как резиденция знатного человека по имени Исидор, затем — как женский монастырь и, наконец, — как больница, названная в честь императора Феофила². Существует, впрочем, гипотеза, что эта больница, располагалась в окрестностях мечети Сулеймание³.

Наиболее подробную информацию о монастыре Пантократора можно почерпнуть из его Типикона, который был подписан Иоанном II Комнином 15 октября 1136 г.⁴ Несмотря на подпись императора, его жена-венгерка Ирина (Пирошка) также считается основательницей монастыря⁵.

Хотя неясно, был ли монастырский комплекс закончен ко времени подписания Типикона, по крайней мере, большая часть его должна была быть построена, так как импера-

¹ Magdalino P. Constantinople Médievale. Études sur l'évolution des structures urbaines. Paris, 1996. P. 46–47.

² Berger A. Accounts of Medieval Constantinople: The Patria. Cambridge, London, 2013. P. 95.

³ Janin R. La Géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin: Le siège de Constantinople et le patriarchat oecuménique. Paris, 1969. P. 559.

⁴ Gautier P. Le Typikon du Christ Sauveur Pantocrator // Revue des études byzantines. 1974. Т. 32. P. 131.

⁵ Moravcsik G. Szent László leánya és a bizánci Pantokrator-monostor. Budapest — Constantinopoly, 1923. P. 80.

трицу Ирину-Пирошку погребли здесь в 1134 г.¹ Монастыри основывались не только для религиозных целей, но и как безопасное укрытие на случай необходимости².

Наиболее важный источник информации о монастырском комплексе Пантократора — его Типикон. Хотя в Типиконе не упоминается, какой храм был построен первым, было выдвинуто предположение, что самым ранним был южный храм, посвященный Христу Пантократору, за ним последовал северный, посвященный Богоматери Элеусе, а между ними был построен храм Архангела Михаила³. В поэме, часть которой была высечена в монастырских храмах и видна вплоть до 1739 г., упоминались другие имена ктиторов, сравнительно с Типиконом: император Иоанн II Комнин назывался первым, императрица Ирина-Пирошка — вторым основателем монастыря⁴, Никифор был упомянут как архитектор комплекса⁵.

Некоторые сполии присутствуют, в частности, в южном храме. Боковые плиты верхней части мимбара, как предполагается, взяты из храма святого Полиевкта⁶. Внутри его конического завершения, в южном и северном углах и между ними, имеются монограммы, которые читаются как «Господи, спаси Твоего раба» и «Игнатий» (илл. 1.1). Они были обнаружены мной и упоминаются в моей магистерской диссертации 1993 г., а затем — в докторской диссертации 2003 г.⁷

¹ Loukaki M. Empress Piroska-Eirene's collaborators in the foundation of the Pantokrator monastery: The testimony of Nikolaos Kataphloron // The Pantokrator monastery in Constantinople / Ed. by S. Kotzabassi. Boston — Berlin, 2013. P. 198.

² Galatariotou C. Byzantine ktetorika typika: A comparative study // Revue des études byzantines. 1987. T. 45. P. 95.

³ Megaw A. H. S. Notes on the recent work of the Byzantine Institute // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17. P. 344.

⁴ Moravcsik G. Op. cit. P. 80.

⁵ Megaw A. H. S. Op. cit. P. 345.

⁶ Ibid . P. 345.

⁷ Çetinkaya H. İstanbul'da orta bizans dini mimarisi (843–1204). Diss. İstanbul, 2003. P. 221.

Типикон отдельно упоминает почти все здания комплекса Пантократора, но подробно описывает только похоронения духовенства и членов императорской семьи. Необходимо также помнить, что одним из видов служения, осуществляемого монастырями, было предоставление отдельных мест захоронения для нуждающихся. Это было распространено с конца IV в.¹

Императоров и членов императорской семьи чаще всего хоронили в ротондальном здании при храме Святых Апостолов — вплоть до 1028 г., когда там не осталось больше места². Но и до этого момента некоторые императоры предпочитали быть похоронены в монастырях, которые они сами основали, как, например, Роман Лакапин.

Средняя церковь в монастыре Пантократора, а именно храм Архангела Михаила, задумывалась как погребальный храм. Первой, кто был здесь похоронен, стала императрица Ирина в 1134 г., за ней последовал ее муж император Иоанн II Комнин в 1143 г.³ Другая императрица Ирина (Берта фон Зульцбах) и император Мануил I Комнин были погребены здесь в 1158 и 1180 г. соответственно. Эта традиция использовать данный монастырский комплекс как один из императорских погребальных храмов продолжилась в эпоху Палеологов, когда здесь были захоронены восемь членов императорской семьи⁴. Недавно было выдвинуто предположение, что все погребения, кроме одного, находились в западной части храма Архангела Михаила, в то время как

¹ Rautmann M. L. Daily life in the Byzantine empire. Westport — London, 2006. P. 78.

² Grierson P. Tombs and obits of the Byzantine emperors // Dumbarton Oaks Papers. 1962. Vol. 16. P. 29.

³ Van Millingen A. Byzantine churches in Constantinople. London, 1912. P. 220.

⁴ Pantokrator: Typikon of emperor John II Komnenos for the monastery of Christ Pantokrator in Constantinople / Transl. R. Jordan // Byzantine monastic foundation documents: A complete translation of the surviving founders' typika and testaments / Ed. by J. Thomas, A. Constantinides Hero. Washington (D.C.), 2000. P. 725–726.

гробница Мануила I Комнина располагалась в его наосе¹. Считалось, что рядом с его саркофагом был помещен Камень помазания, а ее самое увенчивала сень с семью куполами. Мануил I Комнин привез икону святого Димитрия Солунского из Фессалоники, а Камень помазания из Эфеса в 1149 и 1169 г. соответственно². Десять лет спустя император Мануил перенес Камень помазания на своей спине от Фаросской церкви в Большом дворце в монастыре Пантократора³. Углубление в полу в юго-западной части храма Архангела Михаила считалось местом расположения камня⁴. Но пространство размером 2,45×0,64 м не подходит для Камня помазания: оно слишком длинное и слишком узкое для того, чтобы положить на него тело; напротив, основание такой преграды, как Пала д’Оро, подошло бы сюда идеально. Пала д’Оро, длиной примерно 3 метра, вероятно, была поставлена в храме Архангела Михаила и была обращена лицом к северу — либо в богослужебных целях, либо чтобы указывать путь паломникам и посетителям внутри храмов. Пала д’Оро находилась в комплексе Пантократора во время IV Крестового похода, когда ее взяли оттуда и перенесли в собор Сан-Марко в Венеции⁵.

Своеобразные эллиптические купола храма Архангела Михаила не привлекали большого внимания ученых. Два его купола — результат перестройки, произведенной, вероятно, столетия спустя после возведения первоначального комплекса. Храм должен был иметь не два, а один купол, как это указано в Типиконе. Купол упоминается там так:

¹ Ousterhout R. Byzantine funerary architecture of the twelfth century // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира в XII в. М., 2002. С. 10–11.

² Pantokrator: Typikon of emperor... P. 725–726.

³ Mango C. Notes on Byzantine monuments // Dumbarton Oaks Papers. 1969–1970. Vol. 23–24. P. 373.

⁴ Megaw A. H. S. Op. cit. P. 342.

⁵ Sodini J. P. La sculpture médico-byzantine: Le marbre en ersatz et tel qu’en lui-même // Constantinople and its Hinterland / Ed. by C. Mango, G. Dagron. Cambridge, 1995. P. 298.

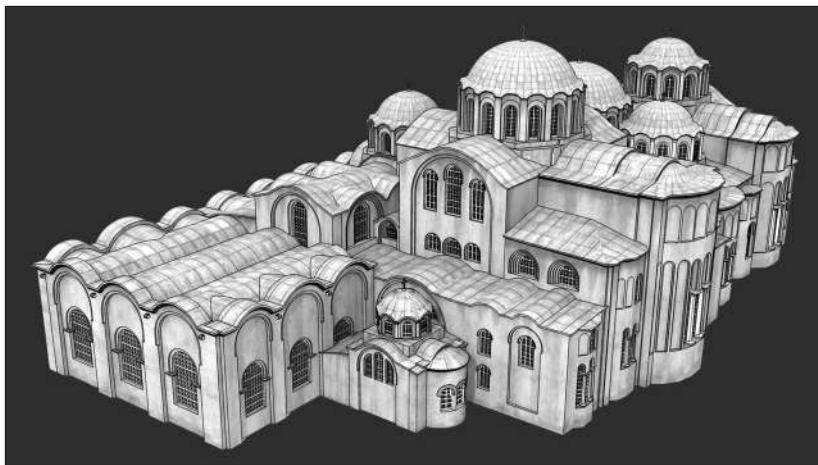

Рис. 5. Возможный вид церковного комплекса с недавно
открытым южным параклисием. Аксонометрия

«...еще один светильник в куполе Бесплотного, и один — в середине внешнего героона»¹. Ясно, что там был только один купол. Но упоминание «внешнего героона» ошибочно воспринималось как указание на купол в западной части храма². Архитектура храма Архангела Михаила сильно отличалась от этого, так как в момент постройки он имел лишь один купол. Этот факт был подчеркнут в выступлении Лизабы Тайс в августе 2018 г. на симпозиуме в Стамбуле. Основываясь на системе освещения в Типиконе, она предложила новые архитектурные реконструкции, планы и надстройки.

Если верить словам Никиты Хониата, гробница Мануила I Комнина должна была находиться в герооне вне храмов и иметь отдельный вход в виде большой арки³. В 2017 г. были найдены базы колонн и апсида маленьского храма, пристроенного с юга к южной церкви (илл. 1.2). К сожа-

¹ Pantokrator: Typikon of emperor... P. 756.

² Oosterhout R. Op. cit. P. 12.

³ Nicetae Choniatis Historia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1835. P. 289.

лению, он не был раскопан полностью. Мне удалось снять некоторые его размеры, что позволяет мне предположить, как могла выглядеть эта постройка (рис. 5). По размеру она очень похожа на Хирам Ахмет Паша Месджиди, которую

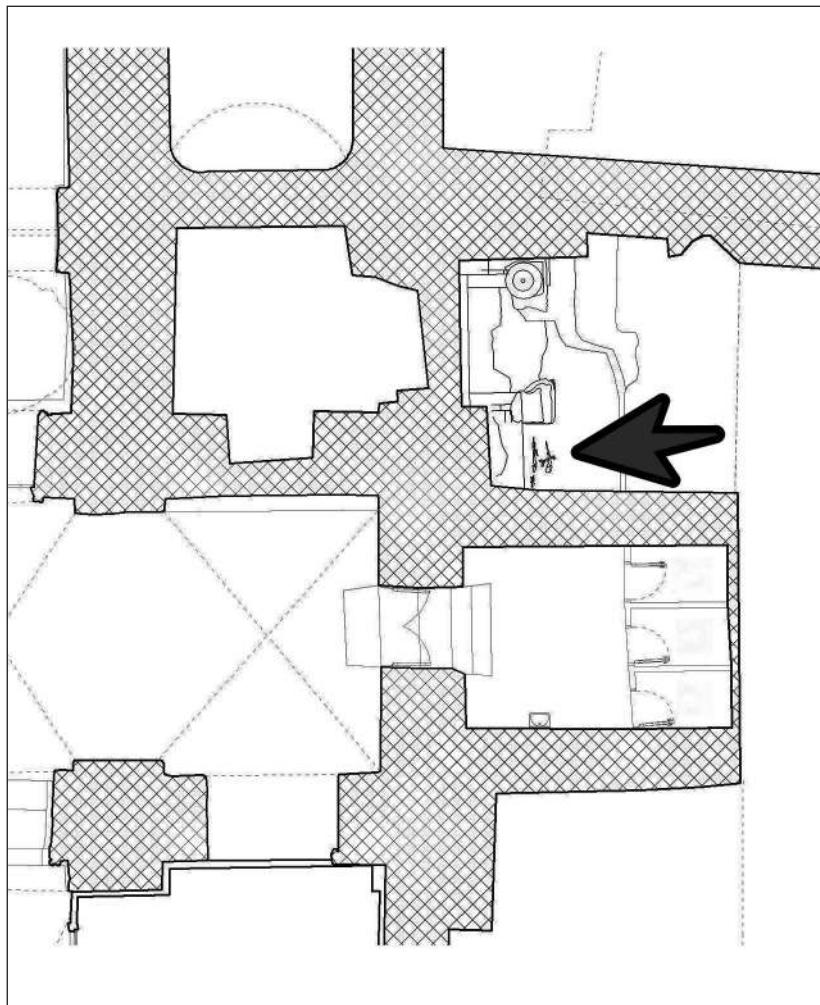

Рис. 6. Место обнаружения скелета

иногда соотносят с храмом святого Иоанна в Трулле. Хотя имеется несколько примеров парэклесиев, пристроенных к монастырскому храму, в императорском погребальном монастыре таких примеров нет. Поэтому очень вероятно, что этот маленький храм был построен для члена императорской семьи. Наличие такой постройки привлекло бы внимание не только современных историков, но и паломников и посетителей. Именно поэтому следует предположить, что они не могли попасть в них не было доступа в постройку, которая находится вне всех трех храмов. То, что погребальный храм пристроен к главному храмовому комплексу, не удивительно. Хороший пример этого — погребальный храм Бозмунда в Канозе, Сан-Себастьяно, датируемый 1111 г. Вероятнее всего, эта традиция родилась на Востоке. Если опираться на свидетельство Никиты Хониата, то недавно обнаруженный небольшой храм мог быть построен для императора Мануила I Комнина и, возможно, служил пристанищем для такой реликвии, как Камень помазания.

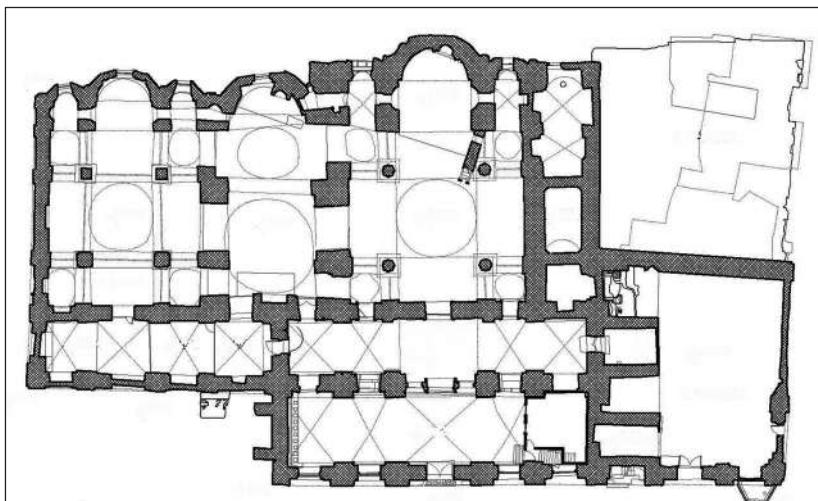

Рис. 7. План комплекса

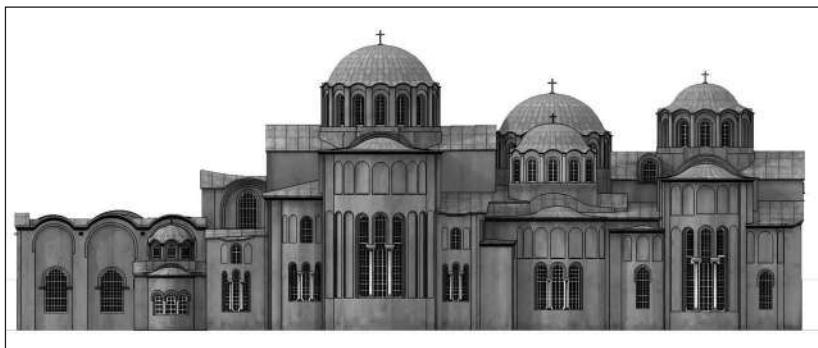

Рис. 8. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парекклисием. Вид с востока

Участок перед этим храмом в настоящее время представляет собой небольшой сад, где во время реставрационных работ был раскопан скелет, ориентированный ногами на восток (рис. 6, 7). Это пространство не привлекало внимания ученых на протяжении долгого времени. Ясно, что оно было перекрыто (рис. 8, 9). Здесь все еще видна пята архивольта (илл. 1.3). Также в дальнем конце этого пространства имеются следы фресок возле окон (илл. 1.4). Это пространство могло быть прекрасным местом для погребения как духовенства, так и дальних родственников императорской семьи и сановников. Оно стало частью маленькой мечети при мусульманском мавзолее — Семерджи Ибрахим-эфенди Текке, расписной михраб которой все еще виден. Этот сад в юго-западной части храмового комплекса должен был служить кладбищем для монахов, членов клира и дальних родственников императорской семьи, которые стали членами духовенства. В отличие от членов императорской семьи, священники, как считается, должны были быть похоронены в храмах, где они служили. Свидетельство, подтверждающее предположение, что духовенство обычно хоронили внутри храма, было получено в результате недавних реставрационных работ 2008–2018 гг., в ходе которых под северным храмом были об-

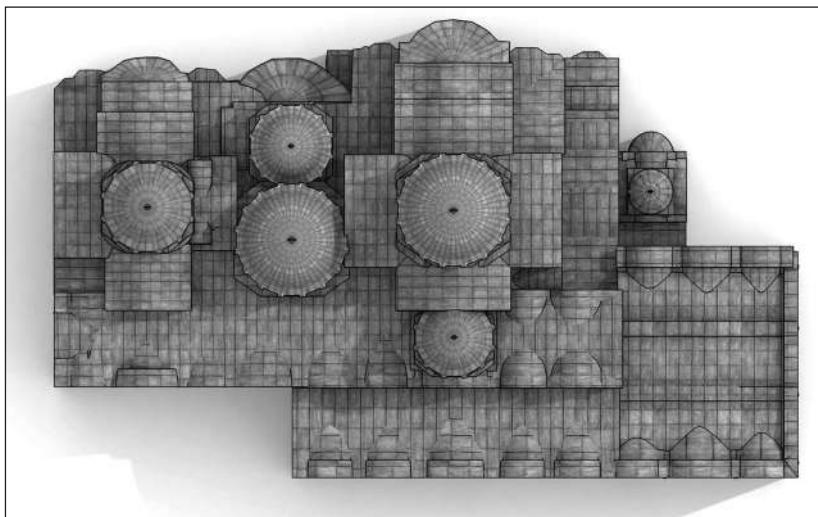

Рис. 9. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным пареклисием. Вид сверху

наружены субструкции с тремя нефами и апсидой (илл. 1.5). Человеческие кости и части черепов были найдены в таком же положении, что и под нартексом Святой Софии.

Хотя новое прочтение источников и использование результатов недавно завершенных реставрационных работ проливают свет на погребальные пространства комплекса монастыря Пантократора, еще больший вклад в это могли бы внести субструкции — если они существуют — под храмами Пантократора и Архангела Михаила. Своды под вимой церкви Пантократора, обнаруженные в 1960-х гг., могут стать перспективной отправной точкой для дальнейших исследований.

Филипп Нивенер

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО КАК ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ. «ЦЕНТРАЛЬНОСТЬ» ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В РАННЕХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ПОСТРОЙКАХ

Введение

Интеграция провинций, как кажется, стала отличительным признаком римской державы, описывать ли этот процесс терминами «романизация»¹, «глобализация»² или «нарастание взаимосвязей»³. Напро-

Я бы хотел выразить благодарность Андрею Виноградову за его приглашение (2017 г.) написать эту статью. Завершение этой статьи стало возможно благодаря стипендии (2018 г.) Исторического коллегиума Франкфуртского университета в Бад-Хомбурге (Reimers Stiftung – Forschungskolleg Humanwissenschaften) которой я обязан Хартмуту Леппину. Я также хотел бы отметить указание Кристины Штрубе на археологические памятники Сирии.

¹ *Woolf G. Romanisierung // Der Neue Pauly. Bd. 10. Stuttgart, 2001. S. 1122–1127; Romanisierung – Romanisation: theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele / Hrsg. von G. Schörner (BAR International Series; 1427). Oxford, 2005; Kontinuität und Diskontinuität, Prozesse der Romanisierung / Ed. by T. G. Schattner, D. Vieweger & D. Wigg-Wolf (Menschen – Kulturen – Traditionen; 15). Rahden, 2019.*

² *Sommer M. Globalising an Empire: Rome in the 3rd Century AD // Regionalism and Globalism in Antiquity. Leuven, 2013. P. 342–352; Globalisation and the Roman World: World History Connectivity and Material Culture / Ed. by M. Pittis and M. J. Versluys. Cambridge, 2015.*

³ *Horden P. Purcell N. The Corrupting Sea: a Study of Mediterranean History. Oxford, 2000; Abulafia D. The Great Sea: a Human History of the Mediterranean. London, 2011.*

тив, последующая дезинтеграция средиземноморского мира, как представляется, последовала в Темные, или Средние века¹. Дезинтеграция началась в IV столетии с Запада, где старые римские провинции были разделены и захвачены различными германскими племенами в эпоху Великого переселения народов². Большая часть Восточной Римской империи оставалась нетронутой до VII в., т.е. на протяжении всей поздней античности³. Это был одновременно тот момент, когда империя превратилась в христианскую, начиная с обращения императора Константина Великого в IV в.⁴ Позднеантичная христианизация, как кажется, прошла тем же путем, что и романизация, т. е. путем нисходящего процесса, начавшегося в центре, в Риме, а затем в Константинополе, «Новом Риме», и — благодаря глобализации и росту взаимосвязей в империи — вскоре проникшего в каждый уголок даже самых отдаленных ее провинций⁵. Аналогично раннехристианское искусство на

¹ McCormick M. *Origins of the European Economy: Communications and Commerce: A.D. 300–900*. Cambridge, 2001; Sarris P. A. V. *Integration and Disintegration in the Late Roman Economy // Local Economies? Production and Exchange of Inland Regions in Late Antiquity*. *Late Antique Archaeology*. Vol. 10. Leiden, 2013. P. 167–188.

² Heather P. J. *Empires and Barbarians: the Fall of Rome and the Birth of Europe*. Oxford, 2010; Brown P. R. L. *Through the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome, and the Making of Christianity in the West, 350–550 AD*. Princeton, 2012. P. 289–408.

³ Mitchell S. *A History of the Later Roman Empire AD 284–641*. Oxford, 2007; Cameron A. *The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395–600*. 2nd. ed. London, 2012.

⁴ Girardet K. M. *Der Kaiser und sein Gott: das Christentum im Denken und in der Religionspolitik Konstantins des Großen*. Berlin, 2010; Wallraff M. *Sonnenkönig der Spätantike: die Religionspolitik Konstantins des Großen*. Freiburg, 2013.

⁵ MacMullen R. *Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400)*. New Haven, 1984. P. 43–119; Cameron A. *Christianity and the Rhetoric of Empire: the Development of Christian Discourse (Sather Classical Lectures; 55)*. Berkeley, 1991; Brown P. *Authority and the Sacred: Aspects of the Christianisation of the Roman World*. Cambridge, 1995. P. 1–26; Veyne P. *Quand notre monde est devenu chrétien (312–394)*. Paris, 2007.

Подр. о разных моментах христианизации империи? в т.ч. на уровне провинций см.: Goddard C. J. *Un principe de différenciation au*

протяжении достаточно длительного времени считалось позднеантичной версией римского искусства, т.е. сосредоточенным в Риме и позднее в Константинополе, в то время как провинции по большей части считались чем-то незначительным.

Однако последние открытия в области раннехристианского искусства и архитектуры в провинциях не вписываются в подобный сценарий. Возражения против концепции романизации неоднократно выдвигались в течение прошлого столетия, однако снова и снова наталкивались на молчание в связи с незначительным количеством альтернативных раннехристианских свидетельств, в сравнении с многочисленными свидетельствами римской глобализации и взаимосвязанности. Недавний прорыв в раннехристианской и провинциальной археологии склонил теперь чашу весов в пользу альтернативной модели, и в этой статье мы попытаемся вновь подтвердить ту точку зрения, что позднеантичные церкви не могут быть осмыслены в тех же категориях, что и римская архитектура. Раннехристианское искусство требует совершенно иного подхода, поскольку оно было преимущественно провинциальным феноменом. Влияния центра — Рима и позже Константинополя — были редкими исключениями и не могут объяснить особенностей провинциальных церквей, не говоря уже о фундаментальных различиях между различными провинциями.

cœur des processus de romanisation et de christianisation: quelques réflexions autour du culte de Saturne en Afrique romaine // Le problème de la christianisation du monde antique. Paris, 2010. P. 115–145; Leppin H. Christianisierungen im Römischen Reich: Überlegungen zum Begriff und zur Phasenbildung // Zeitschrift für Antikes Christentum. 2012. Bd. 16. P. 247–278; Gatier P.-L. La christianisation de la Syrie: l'exemple de l'Antiochène // Villes et campagnes aux rives de la Méditerranée ancienne: Hommages à G. Tate / Ed. par G. Charpentier et V. Puech (Topoi. Suppl.; 12). Paris, 2013. P. 61–96; Die Christianisierung Kleinasiens in der Spätantike / Hrsg. von W. Ameling (Asia Minor Studien; 87). Bonn, 2017.

Историография вопроса

Идея первенства Рима в традиционной истории раннехристианского искусства так же стара, как и сама эта научная дисциплина, основателями которой были римские (католические) археологи¹, начиная с исследований Антонио Бозио в раннехристианских катакомбах Рима на рубеже XVI–XVII вв.² и продолжая Джованни Батиста де Росси, который в XIX столетии превратил это направление раннехристианской археологии в профессию³. Провинциальное искусство и в частности позднеантичный Восток были открыты позднее, на пороге XX в.⁴: Йозеф Стржиговский первым выступил против сложившегося направления научной мысли: в своем труде «Orient oder Rom» он поставил под сомнение римские истоки раннехристианского искусства, перенеся акцент на его восточные корни⁵. Неясные понапачалу, эти восточные корни позднее открывались и снова переоткрывались в различных провинциях Востока, когда Стржиговский посещал их и публиковал все больше и больше памятников не-римской традиции, преимущественно в Анатолии (1903 г.) и Армении (1918 г.)⁶.

После Первой мировой войны, когда археология на Востоке переживала преимущественно застой, а поток новых

¹ Römische Quartalschrift. 2010–2012. Vol. 105–107.

² Grande G. Heid S. Antonio Bosso // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Stuttgart, 2012. S. 215–219.

³ Heid S. Giovanni Battista de Rossi // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Stuttgart, 2012. S. 400–405.

⁴ Frend W. H. C. The Archaeology of Early Christianity: a History. Minneapolis, 1996. P. 91–179.

⁵ Stzygowski J. Orient oder Rom. Leipzig, 1901. Cp.: Jäggi C. Die Frage nach dem Ursprung der christlichen Kunst: die „Orient oder Rom“ – Debatte im frühen, 20. Jahrhundert // Sussidi allo studio delle antichità Cristiana. Vol. 22. Rome, 2009. P. 231–248; Zäh A. Josef Rudolf Thomas Srzygowski // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Stuttgart, 2012. S. 1200–1205.

⁶ Strzygowski J. Kleinasien: ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903; Idem. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918.

данных прервался, Эдмунд Вайганд в 1923 г. попытался унять спор на тему «Orient oder Rom», указывая, что и Римская империя, и раннехристианское искусство были разнообразны, включая провинциальное искусство и его влияние на центр¹. Вайганд различал римское, греческое и восточное влияния и описал римское имперское искусство, включая его раннехристианский вариант, как смешение такого рода влияний. Однако он имел в виду, что это смешение всегда составляло *Reichskunst*, т.е. общий набор референций, который опознавался и применялся по всей империи и в итоге сформировал единое и по большей части однородное раннехристианское искусство.

Почти через полвека, после окончания следующей мировой войны Рихард Краутхаймер, специализировавшийся на изучении римских церквей², все еще исходил по большей части из тех же предпосылок, когда написал свою, знаменитую по сей день книгу «Early Christian and Byzantine Architecture» (1965 г.)³. Краутеймер отделял Рим, Эгейскую Грецию или Восточное Средиземноморье от внутренних областей Анатолии и Ближнего Востока. Пытаясь описать хронологическое развитие от раннехристианского до византийского периода, он связал истоки христианского искусства в IV в. с Римом, вторую, эволюционную стадию V в., — с эгейским миром⁴, а третью фазу, VI столетия, — с Константинополем, где византийская архитектура продолжала концентрироваться на протяжении всего оставшегося времени существования империи,

¹ Weigand E. Die Orient-oder-Rom-Frage in der frühchristlichen Kunst // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1923. Bd. 22. S. 233–256.

² Dennert M. Richard Krautheimer // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Stuttgart, 2012. S. 761–764.

³ Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture (Pelican History of Art; 24). Harmondsworth, 1965.

⁴ Точно так же Андре Грабар выделяет Эгейиду как родину ранневизантийского искусства: *Grabar A. Le premier art chrétien (200–395) (L'univers des forms; 9)*. Paris, 1966.

вплоть до XV столетия. Внутренние области Анатолии и Ближнего Востока рассматривались как не релевантные ни в какое время, не имеющие никакой самостоятельной эволюции, податливо воспринимавшие эгейское воздействие в V в. и константинопольские стандарты в VI в. и, наконец, маргинализовавшиеся в VII в. в результате войн и вторжений.

Фридрих Вильгельм Дайхманн, работавший, как и Краутхаймер, в Риме и Италии, но соединявший это с активным интересом к Константинополю, Ближнему Востоку и Северной Африке¹, критиковал парадигму Краутхаймера за неумение опознать и объяснить различные и независимые эволюционные процессы в провинциях². Краутхаймер, в свою очередь, ответил на критику Дайхманна, подчеркивая, что этот момент не имел значения, так как рассматриваемые провинции были, по сути, потеряны империей и поэтому больше не играли никакой роли в развитии византийской архитектуры³. Сирил Манго, по-видимому, следовал той же логике, когда сконцентрировался в позднеантичной/ранневизантийской части своей книги «*Byzantine Architecture*» (1976 г.) преимущественно на Константинополе и непосредственной сфере его влияния⁴. Дайхманн продолжал подчеркивать самостоятельность раннехри-

¹ Dennert M. Friedrich Wilhelm Deichmann // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Stuttgart, 2012. S. 376–378.

² Deichmann F. W. Rezension von: Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture // *Byzantinische Zeitschrift*. 1972. Vol. 65. P. 102–123; Deichmann F. W. Erwiderung auf die Erwiderung Krautheimers // *Byzantinische Zeitschrift*. 1972. Vol. 65. P. 448–458 (переизд.: Deichmann F. W. Rom, Ravenna, Konstantinopel, Naher Osten. Wiesbaden, 1982. P. 126–147).

³ В предисловии ко второму изданию: Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Extensively Revised. Harmondsworth, 1975. Cp.: Krautheimer R. Erwiderung auf die Rezension durch Deichmann // *Byzantinische Zeitschrift*. 1972. Vol. 65. P. 441–448.

⁴ Mango C. Byzantine Architecture. New York, 1976. Cp.: MacDonald W. L. Review of: Mango C. Byzantine Architecture // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1977. Vol. 36/3. P. 203–204.

стианской архитектуры в провинциях¹, но, как кажется, согласовал собственные наблюдения по поводу провинции с подходом Краутхаймера и Манго, когда, в 1983 г., написал о медленной *провинциализации* раннехристианского искусства, списывая ее на постепенную дезинтеграцию римского правления, начиная с V в., причем на окраинах империи².

Между тем, полевая археология, восстановившись после мировых войн, продолжила работы на Ближнем Востоке, и совсем недавно обнаружила беспрецедентное количество очень хорошо сохранившихся данных по раннехристианской архитектуре в восточных провинциях. Оценивая некоторые из этих новых данных, настоящая работа покажет, что провинциальная археология на самом деле весьма важна для понимания раннехристианского искусства, независимо как от того, повлияли ли раннехристианские провинции на позднейшую архитектуру Константинополя, так и от того, что это началось не в результате дезинтеграции римской власти. Свидетельства из провинций важны сами по себе, так как они указывают на существенное различие между римским и раннехристианским искусством, поскольку последнее было прежде всего провинциальным феноменом и намного меньше зависело от Рима или любого другого центра (например, Константинополя) и унифицирующего воздействия его власти, чем это происходило с римским искусством.

¹ Deichmann F. W. Zur spätantiken Bauplastik von Ephesos // Mansel'e Armağan — Mélanges Mansel (Türk Tarih Kurumu Yayınları. Ser. 7; 60). Ankara, 1974. S. 549–570; *Idem*. Die Architektur des Nordsyrischen Kalksteingebietes (Belus) als besonderes Phänomen innerhalb der frühchristlichen Oikumene. Grundfragen der spätantiken Architektur-Entwicklung // Rom, Ravenna, Konstantinopel, Naher Osten. Wiesbaden, 1982. P. 699–711; *Idem*. Qalb Loze und Qal'at Sem'an. Die besondere Entwicklung der nordsyrisch-spätantiken Architektur (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse; 6). München, 1982.

² *Idem*. Einführung in die christliche Archäologie. Darmstadt, 1983. P. 236.

Происхождение раннехристианской архитектуры в провинциях

Первым аргументом в пользу римского происхождения раннехристианской архитектуры было повсеместное и почти исключительное использование базилики в качестве стандартной церковной постройки. Такое единообразие, казалось бы, должно указывать на единый архетип, которому подражали по всей империи¹, и самая ранняя из известных базилик — церковь Спасителя/Сан-Джованни-ин-Латерано в Риме, представлялась явным прототипом², особенно при том, что это была также первая церковь первого императора, принявшего христианство, — Константина Великого, и что она служила собором столичного города³.

Однако в ходе изучения христианской архитектуры Египта Петер Гросманн обнаружил, что самые ранние египетские базилики значительно отличались от Латеранской церкви или любой другой римской базилики, поскольку они были окружены нефами или *полным обходом* со всех сторон чаще, чем только с северной и южной⁴. Гросманн

¹ Mango C. A. Approaches to Byzantine Architecture // Muqarnas. 1991. Vol. 8. P. 42; Brandt O. La croce e il capitello. Le chiese paleocristiane e la monumentalità // Sussidi allo studio delle antichità Cristiane. 2016. Vol. 28. P. 37–46.

² Ward Perkins J. B. Constantine and the Origins of the Christian Basilica // Papers of the British School at Rome. 1954. Vol. 22. P. 69–90 (переизд.: Art, Archaeology and Architecture of Early Christianity / Ed. by P. C. Finney (Studies in Early Christianity; 18). New York, 1993. P. 363–384; Brenk B. Early Christian Mosaics // Hortus Artium Medievalium. 2014. Vol. 20/2. P. 647–657.

³ Krautheimer R. Corpus Basilicarum Christianarum Romae (Monumenti di antichità Cristiana. Ser. 2; 2, 5). Roma, 1977. P. 71–84; De Blaauw S. Cultus et décor // Liturgia e architettura nella Roma tardoantica e medievale: Basilica Salvatoris Sanctae Mariae Sancti Petri (Studi e testi; 355–356). Roma, 1994. P. 109–331; Brandt O. Constantine the Lateran and Early Church Building Policy // Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia. 2001. Vol. 15. P. 109–114.

⁴ Grossmann P. Early Christian Architecture in Egypt and its Relationship to the Architecture of the Byzantine World // Egypt in the Byzantine World, 300–700. New York, 2007. P. 103–136, особ. 112.

объясняет это подражанием более раннему, светскому типу «форумной» базилики с полными обходом, которая существовала в римском Египте, и заключает, что раннехристианская архитектура в Египте не оглядывалась на Рим, а вырабатывала свои собственные решения независимо. Кажется убедительным, что по империи разошелся слух о приказе Константина строить «базилики»¹ и что провинции интерпретировали эту новость по-разному, в зависимости от того, какой тип римской базилики был привычен для каждой отдельной провинции².

Сирия представляет собой другой пример такого развития. Здесь во многих базиликальных церквях между боковым и центральным нефами были широкие аркады на столпах вместо более тесно поставленных колонн (илл. 2.1)³. Широкие аркады обеспечивали лучшую интеграцию боковых и центрального нефов и, как правило, сочетались с просторной центральной бемой, на которой располагались сидения для клира, и с несколькими дверями в южной стене⁴. Свидетельства поперечного разделения здания

¹ Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина III. 36 (о базилике, построенной Константином в Иерусалиме); Церковная история VIII. 1; IX. 9 (в общем о христианских базиликах); X. 4 (о базилике, построенной епископом Павлином ок. 317 г. в Тире в провинции Сирия). Ср.: *De Blaauw S. Kultgebäude C. Christliche I. Allgemeines a. Terminologie 2. Basilica // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. 22. Stuttgart, 2008. S. 263–264.*

² Ср.: *Kinney D. The Church Basilica // Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia. 2001. Vol. 15. P. 115–135*: «...Предполагая, что «базилика» – это скорее дискурсивная, а не формальная категория, которая не определяется полностью ни формой, ни функцией, но культурным и лингвистическим пониманием термина».

³ *Baccache E., Tchalenko G. Eglises de village de la Syrie du nord (Bibliothèque archéologique et historique; 105 = Documents d'archéologie: La Syrie à l'époque de l'Empire romain d'Orient; 1). Paris, 1979–1980; Tchalenko G. Églises syriennes à Bêma (Bibliothèque archéologique et historique; 105). Paris, 1990.*

⁴ *Lassus J. Sanctuaires chrétiens de Syrie: essai sur la genèse la forme et l'usage liturgique des édifices du culte chrétien en Syrie du IIIe siècle à la conquête musulmane (Bibliothèque archéologique et historique; 42). Paris, 1947; Cassis M. The Bema in the East Syriac Church in Light*

по оси север-юг наводят на мысль, что в базилику обычно входили с юга, а не с запада, и что для части прихожан (женщин?) были отведены западная половина и часть восточной вместо северной и южной, как это местами засвидетельствовано для других раннехристианских базилик в иных местах и встречается поныне во многих церквях¹. Одна из самых ранних известных базилик с широкими аркадами и бемой, центр сельского паломничества в Кальб Лузе в Известняковом массиве в Северной Сирии, по-видимому, испытала влияние близлежащего города и региональной столицы — Антиохии², где эти элементы сформировались ранее, прежде чем были переняты во внутренних регионах. Однако эти особые архитектурные формы, наряду со специфическим литургическим устройством, и образуют оригинальный сирийский извод раннехристианской архитектуры³.

of New Archaeological Evidence // *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. 2002. Vol. 5.2. P. 195–211; *Sodini J. P. Archéologie des églises et organisation spatiale de la liturgie // Les liturgies Syriaques* / Ed. par F. Cassingena-Trévedy (Études Syriaques; 3). Paris, 2006. P. 229–266; *Loosley E. The Architecture and Liturgy of the Bema in Fourth-to-Sixth-Century Syrian Churches (Texts and Studies in Eastern Christianity; 1)*. Leiden, 2012.

¹ *Lemerle P. E. Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome; 158)*. Paris, 1945. P. 353–357; *Mattheus T. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. University Park (PA), 1971. P. 130–132; *Taft R. F. Women at Church in Byzantium: Where When and Why? // Dumbarton Oaks Papers*. 1998. Vol. 52. P. 27–87.

² *Strube C. Baudekoration im Nordsyrischen Kalksteinmassiv // Damaszener Forschungen*. Vol. 5. Mainz, 1993. P. 94–115. Об Антиохии и о том почему многие из ее исторически засвидетельствованных церковных построек в сущности не известны см.: *Brands G. Antiochia in der Spätantike (Hans-Lietzmann-Vorlesungen; 14)*. Berlin, 2016.

³ Аналогичный аргумент касательно боковых помещений в сирийских церквях см. в: *Descoeuilles G. Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten (Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa; 16)*. Wiesbaden, 1983. S. 3–75.

Развитие раннехристианской архитектуры в провинциях

Еще одной причиной априорного игнорирования провинций, как принципиально неспособных к созданию собственной оригинальной раннехристианской архитектуры, было восприятие церковного строительства в провинциях как застойного и неизменного, подразумевавшее, что оно не могло развиваться само по себе. Согласно этому сценарию, любые различия между более ранними и более поздними провинциальными церквями обуславливаются изменением влияния из центра, Рима или позднее Константинополя, но не независимой местной эволюцией¹.

Вопреки этому, Кристина Штрубе смогла показать, как архитектурная скульптура Мертвых городов в Известняковом массиве Северной Сирии менялась мельчайшими шагами от здания к зданию, от поколения к поколению, в течение четырех веков, т. е. на протяжении всей поздней античности². Вероятно, некоторые изменения отражают образцы метрополии Сирии — Антиохии³, а другие моменты эволюции, как и различия между единовременными постройками, можно отнести к разным местным мастерским и их индивидуальным предпочтениям и решениям. Вся архитектурная скульптура выглядит отчетливо по-сирийски, так как даже внешние влияния из Константинополя, которые могли достичь Известнякового массива через Антиохию, оказываются не простыми копиями, но соединены с местными традициями.

Мертвые города исключительны тем, что сохранили много богато украшенных памятников в непосредственной близости друг от друга, равно как и многочисленные над-

¹ См. выше, с. 62, прим. 2–3.

² Strube C. Baudekoration im Nordsyrischen Kalksteinmassiv (Damascker Forschungen; 5, 11). Mainz, 1993–2002.

³ См. выше, с. 66, прим. 2.

писи, которые дают нам даты, а иногда и имена строителей. В других местах сохранившийся корпус каменных рельефов обычно более фрагментирован и часто, в целом, беднее, но провинции Киликия и Ликия на юге Малой Азии сохранили свидетельства развитой и длительной местной традиции¹.

Обе провинции выходят к Средиземному морю и, значит, также были открыты для импорта мраморных рельефов с карьеров константинопольского острова Проконнес в Мраморном море. Это свидетельствует о долгосрочности и независимости местных традиций, которые, впитывая часть импортированного репертуара форм, постоянно сохраняли свои собственные стили².

Проблема выбора в раннехристианской архитектуре и провинциальная идентичность

Впрочем, провинциальные примеры такой идеосинкрозии, обсуждавшиеся до сих пор, мало что значат, если приписать их неспособности подражать центру более тщательно, если считать, будто провинциалы в отдаленном Египте или Сирии просто не знали, как выглядели римские церкви, будто местные каменщики, которые работали с

¹ Peschlow U. Tradition und Innovation: Kapitellstudien in Lykien (Forschungen zur Kunstgeschichte und christlichen Archäologie; 19). Stuttgart, 1998. S. 67–76; Grossmann P., Severin H. G. Frühchristliche und byzantinische Bauten im südöstlichen Lykien (Istanbuler Forschungen; 46). Tübingen, 2003; Mietke G., Westphalen S. Studien zur frühbyzantinischen Bauornamentik im Rauen Kilikien // Istanbuler Mitteilungen. 2006. Bd. 56. S. 371–405.

² См. также аналогии на Кипре вдали от берегов Ликии и Киликии: Megaw A. H. S. Byzantine Architecture and Decoration in Cyprus: Metropolitan or Provincial? // Dumbarton Oaks Papers. 1974. Vol. 28. P. 57–88; Church Building in Cyprus (Fourth to Seventh Centuries): a Mirror of Intercultural Contacts in the Eastern Mediterranean / Ed. by M. Horster, D. Nicolaou, S. Rogge (Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien; 12). Münster, 2018.

известняком в Сирии, Киликии или Ликии, не имели необходимых навыков либо подходящего сырья для тщательной имитации константинопольской мраморной резьбы. Краутхаймер действовал в согласии этими принципами, когда сбрасывал со счетов базилики со сводами в Анатолии как «захолустное ответвление», очевидно, потому, что конструкция их перекрытий была обусловлена отсутствием дерева и стропил на засушливом высокогорье и оттого рассматривалась как случайность, а не как подлинная особенность отдельной провинциальной архитектурной школы (илл. 2.2)¹.

Только недавний расцвет ближневосточной археологии помог идентифицировать те особенности провинциального церковного строительства, которые являются однозначным свидетельством сознательного выбора, а не продиктованы необходимостью или неспособностью, например, парэклisis раннехристианских церквей Ликии². Главной целью этих приделов было, по-видимому, хранение и демонстрация реликвий. Они, как правило, пристраивались, чаще всего — к юго-восточном углу базилики, и многие из них демонстрируют значительную утонченность форм и декорации, с одной или несколькими апсидами, куполами и архитектурной скульптурой (илл. 2.3)³. Эти парэклисии

¹ Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven, 1986. P. 162–166.

² Niewöhner P. Neues zum Grab des hl. Nikolaus von Myra // Jahrbuch für Antike und Christentum. 2003. Bd. 46. P. 119–133; *Idem*. Spätantike Reliquienkapellen in Lykien // Jahrbuch für Antike und Christentum. 2005/6. Bd. 48/49. P. 77–113.

³ О парэклисиях, представленном на илл. 3, и его отождествлении с монастырем Святого Иоанна в Акалиссе см.: Grossmann P., Severin H. G. Frühchristliche und byzantinische Bauten im südöstlichen Lykien (Istanbuler Forschungen; 46). Mainz, 2003. S. 59–90; Niewöhner P. Neues zum Grab des Hl. Nikolaus von Myra // Jahrbuch für Antike und Christentum. 2003. Bd. 46. S. 128–132; Hild F. Klöster in Lykien // Eukosmia: studi miscellanei per il 75. di Vincenzo Poggi S. J. Soveria Mannelli, 2003. P. 315–318; İşler B. Karabel Asarcıktaki Sion Manastırı Mezar Odası ve Bizans Lahitleri // Seleucia. 2017. Vol. 7. P. 161–182.

отличают ликийские церкви от храмов других провинций и таких центров, как Рим и Константинополь, и это едва ли случайно, поскольку Ликия была плотно встроена в морской путь из Константинополя в Святую Землю и Египет, по которому путешествовало множество паломников и торговцев зерном, в т. ч. духовенство и миряне из Ликии¹. Эти ликийцы, по-видимому, сознательно выделяли свои провинциальные церкви, пристраивая к ним дорогие и изысканные парекклесии — это был результат сознательного выбора, вдохновленного местной идентичностью, который, будучи осуществлен, в свою очередь способствовал ее развитию.

Похожую ситуацию мы видим и в случае триконхиальных алтарей некоторых ликийских церквей (илл. 2.4)². Про какие-то из этих храмов известно, что они были монастырскими, а остальные могли иметь такой же статус, ведь они располагались в удаленных местностях, что маловероятно для приходских церквей³. Выбор триконхиального алтаря более чем утраивал усилия, по сравнению с теми,

¹ Например, св. Николай Сионский, построивший триконхиальный храм, представленный на илл. 4: *The Life of Saint Nicholas of Sion* / Ed. and transl. by N. Patterson-Ševčenko, I. Ševčenko (The Archbishop Iakovos Library of Ecclesiastical and Historical Sources; 10). Brookline (Mass.), 1984; *Die Vita Nicolai Sionitae* / Hrsg. von H. Blum. Bonn, 1997; *La vita di San Nicola di Sion* / Ed. V. Ruggieri. Roma, 2013.

² По поводу церкви на илл. 4 и ее отождествления с монастырем Святого Сиона см.: *Grossmann P., Severin H. G. Frühchristliche und byzantinische Bauten...* S. 104–111; *Niewöhner P. Neues zum Grab...* S. 128–132; *Hild F. Klöster in Lykien...* S. 315–318; *İşler B. Alacahisar Church in Kale (Demre) District of the Antalya Province* // *Eurasian Art & Humanities Journal*. 2016. Vol. 6. P. 1–21. Fig. 3.

³ *Hellenkemper H. Early Church Architecture in Southern Asia Minor* // *Churches Built in Ancient Times* (Accordia Specialist Studies on the Mediterranean; 1 = The Society of Antiquaries of London: Occasional Papers N. S.; 16). London, 1994. P. 217; *Furlan I. Triconchi di Licia* // *Patavium. Rivista veneta di scienze dell'antichità e dell'alto medioevo*. 1999. Vol. 13. P. 83–97; *Hild F. Klöster in Lykien...* S. 322–323; *Aydin A. Die Trikonchosbauten in Lykien* // *The 3rd Symposium on Lycia*. Antalya, 2006. P. 36–37; *Altripp M. Kirchen und Kapellen* // *Die Siedlung von Kyaneai in Zentrallykien*. Bd. 9. Bonn, 2010. S. 277–363.

что уходили на строительство обыкновенной одинарной апсиды, и это отличает ликийские церкви и монастыри от других провинций и центров, где постройки такого типа были редкостью¹. Опять же, преобладающей причиной здесь, по-видимому, были местные отличия и местная идентичность, а не подражание центру — Риму или Константинополю.

Еще один пример такого рода — литургические устройства², в частности амвоны. Крупные сирийские бемы с сидениями для клира уже упоминались в качестве провинциальной особенности (илл. 2.1)³. Другие амвоны в иных регионах, например, в Константинополе, были меньше, предназначены только для чтеца или проповедника, а не для сидения клира и, как правило, имели две лестницы: одну с запада и одну с востока (илл. 2.5)⁴. Вопреки этому «стандарту», который широко распространялся морским путем из Проконнеса/Константинополя по Средиземному и Черному морям⁵, провинция Македония в Западной Эгейиде отличается добавлением второго, меньшего и более низкого амвона ближе к алтарю, или внутри него, попасть куда можно только из алтаря, по одной лестнице

¹ Там, где они встречаются, они, по-видимому, представляют собой различные региональные традиции, а не единобразный общеимперский концепт: *Stollmayer I. Spätantike Trikonchos-Kirchen — Ein Baukonzept?* // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 1999. Bd. 42. S. 116–157; *Kinney D. The Type of the Triconch Basilica* // *The Red Monastery Church*. New Haven, 2016. P. 36–47.

² *Verstege U. Die symbolische Raumordnung frühchristlicher Basiliken des 4. bis 6. Jahrhunderts* // *Rivista di Archeologia Cristiana*. 2009. Vol. 85. P. 567–600; *Brandt O. La croce e il capitello...* P. 71–74.

³ См. выше, с. 65, прим. 3, с. 66, прим. 1.

⁴ *Mathews T. F. The Early Churches...* P. 70. Fig. 36. Pl. 56–58.

⁵ См., например: *Djobadze W. Remains of a Byzantine Ambo and Church Furnishings in Hobi (Georgia)* // *Archäologischer Anzeiger*. 1984. S. 627–639; *Bohne A. Das Kirchenwrack von Marzamemi: Handel mit Architekturteilen in frühbyzantinischer Zeit* // *Skyllis*. 1998. Bd. 1/1. S. 6–17; *Leidwanger J., Tusa S. Marzamemi II ‘Church Wreck’ Excavation* // *Archaeologia Maritima Mediterranea*. 2016. Vol. 13. P. 129–143.

(илл. 2.6)¹. Хотя функцию этого малого амвона еще предстоит установить², его провинциальный характер подчеркивается локальным производством из местных материалов даже в таких церквях, которые в остальном были построены из привозного проконнесского мрамора³.

Местные мастера работали и в других провинциях, даже там, где это не было связано с функциональными различиями. Так, некоторые амвоны с двумя лестницами на Адриатическом побережье покрыты единым ковровым узором из небольших прямоугольников, характерным для этого региона (илл. 2.7), хотя те же адриатические церкви в других случаях оснащены привозными колоннами из проконнесского мрамора и проконнесской работы⁴. Напротив, столь же лег-

¹ *Sodini J.-P.* Note sur deux variantes régionales dans les basiliques de Grèce et des Balkans: le tribélon et l'emplacement de l'ambon // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1975. Vol. 99. P. 581–588; *Jakobs P. H. F.* Die frühchristlichen Ambone Griechenlands. (Habelt's Dissertationsdrucke. Reihe Klassische Archäologie; 24). Bonn, 1987. S. 56–63; *Kourkoutidou-Nikolaïdou E.* Οι παλαιοχριστιανικοί ἀμβωνες της Θεσσαλονίκης // *Χριστιανική Θεσσαλονίκη: Πρακτικά ΙΓ 'Διεθνούς επιστημονικού συμπλοκού*. Θεσσαλονίκη, 2000. Σ. 203–220.

² *Gerstel S. E. J., Kyriakakis C., Raptis K. T., Antonopoulos S., Donahue J.* Soundscapes of Byzantium: the Acheiropoietos Basilica and the Cathedral of Hagia Sophia in Thessaloniki // *Hesperia*. 2018. Vol. 87/1. P. 177–213.

Следует обратить внимание, что такие же небольшие амвоны с одной лестницей иногда засвидетельствованы и за пределами Македонии; некоторые примеры см. в: *Chevallier P.* Le dispositif liturgique des églises de Dalmatie et d'Istrie aux VIe et VIIe s. // *Radovi XIII. Međunarodnog Kongresa za Starokršćansku Arheologiju* (Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku. Suppl.; 87–89 = Studi di antichità Cristiana; 54). T. 2. Split, 1998. P. 985–988; *Niewöhner P.* Aizanoi, Dokimion und Anatolien: Stadt und Land Siedlungs- und Steinmetzwesen vom späteren 4. bis ins 6. Jh. n. Chr. (Aizanoi; 1 = Archäologische Forschungen; 23). Wiesbaden, 2007. S. 186–187.

³ *Barbin V., Herrmann Jr. J. J., Mentzos A., Reed R.* Architectural Decoration and Marble from Thasos Macedonia Central Greece Campania and Provence // *Interdisciplinary Studies on Ancient Stone*. Vol. 6. Padua, 2002. P. 334–339, 347–350.

⁴ *Terry A.* The Sculpture at the Cathedral of Eufrasius in Poreč // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 42, 1988. P. 44–45; *Deichmann F. W.* Ravenna. Bd. 2, 3. Stuttgart, 1989. S. 327–329; *Russo E.* Sculture del complesso Eufrasiano di Parenzo. Naples, 1991. P. 242–248; *Marano Y. A.* The Circulation of Marble in the Adriatic Sea at the Time of Justinian // *Ravenna: Its Role in Earlier Medieval Change and Exchange*. London, 2016. P. 111–132.

ко достижимая по морю провинция Кария в Западной Анатолии, на восточном берегу Эгейды, предпочитала другой вид амвонов — не только с двумя лестницами, но и с украшением в виде ниш и завитков, что было эксклюзивной продукцией локальных мастерских в этой местности (илл. 2.8)¹ Еще один вид амвона с двумя лестницами засвидетельствован в Западно-центральной Анатолии, во Фригии² и Западной Галатии³. Украшение их, например, крестами и павлинами, часто напоминает константинопольские амвоны, однако их конструкция отличается, включая выпуклые выступы по четырем углам платформы и декорированные плиты под лестницами, которые, как правило, были резными, с нишой по центру и фланкирующими колоннами в вынутой четверти (рис. 10). Самые ранние и лучшие из этих амвонов были, вероятно, произведены во фригийском Докимии, главном мраморном карьере и мастерской на Центральноанатолийском плато, и им, похоже, подражали многочисленные местные мастерские по всему региону. Докимий также производил капители колонн в том же стиле, что известен на Проконнесе близ Константинополя⁴, и эти две мастерские должны были быть тесно связаны, возможно, через императорскую казну, которая, как известно, имела доли в обоих карьерах в

¹ Acconci A. Gli amboni Cari // *La Caria bizantina*. Soveria Mannelli, 2005. P. 232–241; Niewöhner P. Die byzantinischen Basiliken von Milet (Milet; 1, 11). Berlin, 2016. S. 116–117, 273.

² Niewöhner P. Aizanoi... S. 108–115; *Idem*. Phrygian Marble and Stonemasonry as Markers of Regional Distinctiveness in Late Antiquity // Roman Phrygia. Cambridge, 2013. P. 242–245.

³ *Idem*. Bronze Age Hüyüks Iron Age Hill Top Forts Roman Poleis and Byzantine Pilgrimage in Germia and Its Vicinity: ‘Connectivity’ and a Lack of ‘Definite Places’ on the Central Anatolian High Plateau // Anatolian Studies. 2013. Vol. 63. P. 103–104. Table 2. Fig. 23; *Idem*. Production and Distribution of Docimian Marble in the Theodosian Age // Production and Prosperity in the Theodosian Age (Interdisciplinary Studies in Ancient Culture and Religion; 14). Leuven, 2014. P. 267–271. Fig. 14–17.

⁴ *Idem*. Aizanoi... S. P. 120–127.

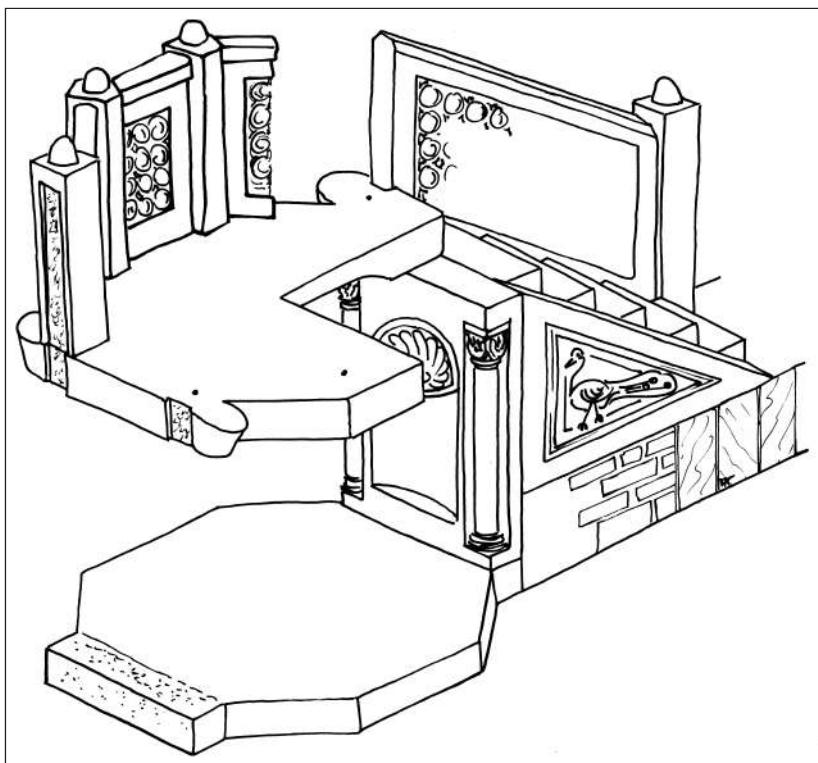

Рис. 10. Реконструкция типичного фригийского амвона из Центральной Анатолии (А. Тиль)

римский период¹. Таким образом, Докимий, несомненно, мог производить тот же самый вид амвонов, что и Проконнес, а различные фригийские амвоны, по-видимому,

¹ *Fant J. C. The Roman Emperors in the Marble Business // Classical Marble: Geochemistry Technology and Trade. Dordrecht, 1988. P. 147–158; Idem. Cavum Antrum Phrygiae (BAR International Series; 482). Oxford, 1989. P. 157–160 (Докимий), 164–165 (Проконнес); Drew-Bear T. Nouvelles inscriptions de Dokimeion // Mélanges de l'école française de Rome. 1994. Vol. 106. P. 747–844; Hirt A. M. Imperial Mines and Quarries in the Roman World. Oxford, 2010. P. 291–307, 318–323 (Докимий); Russell B. The Economics of the Roman Stone Trade (Oxford Studies on the Roman Economy; 6). Oxford, 2013. P. 38–52.*

были делом личного выбора. Поскольку все выглядящие по-разному амвоны в Константинополе, на Адриатике, в Карии и Центральной Анатолии имеют по две лестницы и были функционально равнозначны, выбор того или иного варианта должен был иметь иные причины, неизвестные нам, но, возможно, порожденные принципами провинциальной идентичности.

Другие черты раннехристианской материальной культуры бывают широко распространены в нескольких соседних провинциях одного региона, но не в других частях империи, например, монолитные крещальные купели. Они многократно засвидетельствованы в Константинополе и по всей Малой Азии, где их часто вырезали из огромных блоков мрамора или известняка (илл. 2.9)¹, в то время как другие купели в иных местах чаще возводились из камня или кирпича, лишь с тонкой облицовкой из мрамора или мозаики². Точно так же многочисленные тяжелые грузы от больших рычажных и винтовых прессов для масла и вина в Константинополе и Малой Азии бывают украше-

¹ Niewöhner P. Aizanoi... S. 189–191, 284; Watta S. Spätantike monolithische Taufpiscinen aus konstantinopolitanischer Produktion // Jahrbuch für Antike und Christentum. 2008. Vol. 51. S. 152–187.

² Ristow S. Frühchristliche Baptisterien (Jahrbuch für Antike und Christentum. Suppl.; 27). Münster, 1998; Guyon J. Les premiers baptistères des Gaules (IVe–VIIIe siècles) (Conferenze; 17). Rome, 2000; Βολανάκης Ι. Τα βαπτιστήρια της νήσου Κω και η τελετή του βαπτισμάτος κατά τους παλαιοχριστιανικούς χρόνους // Ιστορία, τέχνη, αρχαιολογία της Κω / Εκδ. υπό Γ. Κοκκορού-Αλευρά, Α. Α. Λαζαρού, Ε. Σημαντώνη-Μπουρνιά. Αθήνα, 2001. Σ. 321–331; Mailis A. The Early Byzantine Baptisteries of Crete // Antiquité Tardive. 2006. Vol. 14. P. 291–309; Brandt O. Battisteri oltre la pianta: gli alzati di nove battisteri paleocristiani in Italia (Studi di antichità Cristiana; 64). Roma, 2012; La dualitat de baptisteris el les ciutats episcopals del cristianisme tardoantic / Ed. J. Beltrán de Heredia, C. Godoy Fernández. Barcelona, 2017; Michail R. The Early Christian Baptismal Complexes of Cyprus and Their Liturgical Arrangement // Church Building in Cyprus (Fourth to Seventh Centuries) / Ed. by M. Horster, D. Nicolaou, S. Rogge (Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien; 12). Münster, 2018. P. 153–174.

ны резными крестами (илл. 2.10), что может указывать на их принадлежность церкви или монастырю¹. В других местах, например, в Палестине, где грузы для пресса более распространены и известны, чем в Малой Азии, они не декорированы².

Раннехристианская архитектура и городской антиквариализм в Западной Анатолии

Высокую степень идентичности раннехристианского искусства на провинциальном или региональном уровнях подтверждает, как кажется, и церковное строительство в западной части Малой Азии, хотя как раз благодаря отсутствию там определенного локального стиля. Если оставить в стороне карийские амвоны³, то регион к востоку от Эгейского моря демонстрирует не согласованное между собой разнообразие строительных форм и декоративных схем. Это нельзя приписать отсутствию взаимосвязей, урбанизма, церквей или состоянию исследований. Западная Анатолия была тесно связана с Константинополем и представляла собой один из наиболее урбанизированных регионов империи, включая некоторые древнейшие и крупнейшие города с многочисленными важными храмами, каждый из

¹ Niewöhner P. Das Rätsel der anatolischen Kreuzsteine – Pressgewichte für kirchliche oder klösterliche Güter? // Space Landscapes and Settlements in Byzantium: Studies in Historical Geography of the Eastern Mediterranean Presented to Johannes Koder. Studies in Historical Geography and Cultural Heritage. Wien, 2017. P. 251–264.

² Frankel R. Presses for Oil and Wine in the Southern Levant in the Byzantine Period // Dumbarton Oaks Papers. 1997. Vol. 51. P. 73–84; *Idem*. Wine and Oil Production in Antiquity in Israel and other Mediterranean Countries. Sheffield, 1999; Oil and Wine Presses in Israel from the Hellenistic Roman and Byzantine Periods / Ed. by E. Ayalon, R. Frankel, A. Kloner. Oxford, 2009; Waliszewski T. Elaion: Olive Oil Production in Roman and Byzantine Syria-Palestine (Polish Archaeology in the Mediterranean. Monographs; 6). Warszawa, 2015.

³ См. выше, с. 73, прим. 1.

которых удостоился значительной доли внимания археологов с начала XX в.¹

Отсутствие провинциального стиля на западе Малой Азии, по-видимому, объясняется выбором в пользу антиквариализма в городском строительстве, например, в Милете и в Эфесе на Эгейском побережье, но также и в удаленной от моря Афродисиаде. Эфес был метрополией Азии, а Афродисиада — столицей провинции Кария². Все эти города украшались исключительно пышными мраморными зданиями на протяжении всей греческой и римской древности, что указывало на их особые привилегии и продолжало отличать эти муниципии на протяжении поздней античности³, даже после того как их прежние привилегии были отменены из-за изменений в управлении и налогообложении⁴.

¹ Stadtgrabungen und Stadtforschung im westlichen Kleinasien / Hrsg. von W. Radt. Istanbul, 2006; Archaeology and the Cities of Asia Minor in Late Antiquity / Ed. by O. Dally, C. Ratté (Kelsey Museum Publications; 6). Ann Arbor, 2011; The Archaeology of Byzantine Anatolia / Ed. by P. Niewöhner. Oxford, 2017.

² Niewöhner P. Byzantine Preservation of Ancient Monuments at Miletus in Caria: Christian Antiquarianism in Western Asia Minor // Die Weltchronik des Johannes Malalas im Kontext spätantiker Memorialkultur / Ed. by J. Borsch, O. Gengler & M. Meier (Malalas Studien; 3). Stuttgart, 2019. S. 191–216.

³ Милет/Балат: Urbanism and Monuments from the Archaic to Ottoman Periods / Ed. by P. Niewöhner. Istanbul, 2016; Эфес: *Ladstätter S. Ephesus // The Archaeology of Byzantine Anatolia* / Ed. by P. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 238–248; Афродисиада: *Dalgiç Ö., Sokolicek A. Aphrodisias // The Archaeology of Byzantine Anatolia* / Ed. by P. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 269–279.

⁴ Brandes W., Haldon J. Towns Tax and Transformation: State Cities and Their Hinterlands in the East Roman World c. 500–800 // Towns and Their Territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages (Transformation of the Roman World; 9). Leiden, 2000. P. 141–172; Liebeschuetz J. H. W. G. The Decline and Fall of the Roman City. Oxford, 2001; Niewöhner P. Who is Afraid of the Fall of Rome? Prosperity and the End of Antiquity in Central Western Anatolia // Archaeological Research in Western Central Anatolia. Kütahya, 2011. P. 164–183; *Idem*. The Byzantine Settlement History of Miletus and Its Hinterland — Quantitative Aspects: Stratigraphy Pottery Anthropology Coins and Palynology // Archäologischer Anzeiger. 2016. Nr. 2. S. 225–290.

Когда дело дошло до строительства новых церквей, то их стали часто размещать вне древних городских центров, там, где они не нарушили бы освященные временем городские ландшафты¹, или их аккуратно включали в уже существующие постройки². Множество строительного материала было использовано повторно, новые же детали обычно не импортировали с Проконнеса, а вырезали на месте причем с тем репертуаром форм, который отсылал к древним традициям провинциальных городов, но не к новейшей моде константинопольских церковных построек и декорации, и который продолжал развивать эти традиции на протяжении поздней античности, с IV по VII в.³ Все это привело к большому разнообразию индивидуальных решений даже внутри одного города, зависящих от различных прежних построек и разнообразных древних деталей, которые могли быть доступны для повторного использования, но также и от различных древних традиций, которые новые здания

¹ Милет: *Niewöhner P. Die byzantinischen Basiliken...* S. 5–35, 39–42. Эфес: *Hörmann H. Die Johanneskirche (Forschungen in Ephesos; 4, 3).* Wien, 1951; *Thiel A. Die Johanneskirche in Ephesos (Spätantike – frühes Christentum – Byzanz. Reihe B: Studien und Perspektiven; 16).* Wiesbaden, 2005; *Ladstätter S. Eine Archäologie von Ephesos und Ayasoluk // Mitteilung zur Christlichen Archäologie.* 2018. Bd. 24, S. 90–94, 97–98. Геофизические изыскания открыли недавно другие церкви за городскими стенами. Афродисиада: *Dalgiç Ö. Early Christian and Byzantine Churches // The Aphrodisias Regional Survey. Vol. 5.* Mainz, 2012. P. 367–396.

² Милет: *Niewöhner P. Die byzantinischen Basiliken...* S. 59–101. Эфес: *Pillingen R. Die christlichen Denkmäler in Ephesos // Mitteilung zur Christlichen Archäologie.* 1996. Bd. 2. S. 39–70; *Bauer H. Zum sog. Se-rapeion in Ephesos: die Umwandlung der Cella in eine frühchristliche Kirche // Mitteilung zur Christlichen Archäologie.* 2005. Bd. 21. S. 9–59; *Ladstätter S. Eine Archäologie...* S. 90–94. Афродисиада: *Cormack R. The Temple as the Cathedral // Aphrodisias Papers / Ed. by K. T. Erim & C. Rouché (Journal of Roman Archaeology. Suppl.; 1).* Ann Arbor, 1990. P. 75–88; *Herbert L. The Temple-Church at Aphrodisias.* Diss. New York, 2000.

³ *Russo E. The Capitals of the First Basilica of St. John at Ephesus // Araştırma Sonuçları Toplantısı.* 2009. Cilt 27/1. S. 275–288; *Niewöhner P. Die byzantinischen Basiliken...* S. 115–116, 120–122.

пытались воспроизвести¹. Этот сценарий подтверждает высокую степень зависимости раннехристианской архитектуры от местных предпочтений и обстоятельств, а не от Рима или Константинополя.

Трансепты, центрические планы, купола и митрополичьи церкви в провинциях

Особые типы храмов, встречающиеся по всей империи, свидетельствуют о продолжении преемственности и, таким образом, подтверждают, что строительство в провинциальном стиле было вызвано не дезинтеграцией римской власти, а сознательным выбором ранних христиан. Такие необычные церкви были возведены, вероятно, с целью продемонстрировать их особое значение: это стало возможным только благодаря тому, что, выделяясь из обычных провинциальных норм, они тем самым подтверждали их. Некоторые особые типы храмов восходят к IV в. и даже к Константину Великому. Первая базилика с трансептом была построена по императорскому указу во второй четверти IV века и отмечала гробницу апостола Петра за стенами Рима². Возможно, этим прототипом были вдохновлены другие мемориальные храмы в иных областях, например, базилика с трансептом начала VI в. и мавзолей на некрополе за стенами Милета в Карии (илл. 2.11)³. Впрочем, пример нескольких ранневизантийских городских базилик с трансептами в Ликии и Памфилии на южном побережье Малой

¹ *Idem. Byzantine Preservation...*

² *Arbeiter A. Alt-St. Peter in Geschichte und Wissenschaft: Abfolge der Bauten Rekonstruktion Architekturprogramm. Berlin, 1988; Old Saint Peter's Rome / Ed. by R. McKitterick, J. Osborne, C. M. Richardson, J. Story. Cambridge, 2013; Brandenburg H. Die konstantinische Petersbasilika am Vatikan in Rom. Stuttgart, 2017.*

³ *Niewöhner P. Die byzantinischen Basiliken... S. 59–101. Подр. см.: Brandt O. La croce e il capitello... P. 47–53; Ousterhout R. Eastern Medieval Architecture. New York, 2019. P. 61–79.*

Азии заставляет предположить, что со временем такой тип мог освободиться от мемориальных коннотаций и что в этих провинциях его использовали, очевидно, для больших приходских храмов и, в частности, для кафедральных соборов¹.

Тот же аргумент можно применить к центрическим планам — ротонdalному, полигональному и крестообразному, которые давно уже стали использоваться для мавзолеев и которые — со времен Константина Великого — использовались и для мемориальных церквей², а также для кафедральных соборов и иных специализированных зданий³. Дополнительные помещения для баптистериев, реликвий, погребений и других целей, где небольшие масштабы делали это возможным, строились чаще с использованием одного из таких сложных планов (илл. 2.3)⁴. Большие купола оставались исключением, и, в сочетании с привезенной с Проконнеса мраморной скульптурой, они отличают от провинциальной архитектуры церковь императора Зинона (474–491) в паломническом центре Айатекла/Мериамлик близ Селевкии/Силифке в Исаврии⁵. Точно так же храм

¹ Stein C. Die Basilika mit Querhaus: Untersuchungen zur Form und Funktion eines spätantiken Bautyps // Architektur und Liturgie. Bd. 21. Wiesbaden, 2006. S. 63–72; Grossmann P. Zur Typologie des Transepts im frühchristlichen Kirchenbau // Jahrbuch für Antike und Christentum. 2008. Vol. 51. P. 97–136.

² Grabar A. Martyrium. Paris, 1946; Brandt O. La croce e il capitello... P. 55–64.

³ Johnson M. San Vitale in Ravenna and Octagonal Churches in Late Antiquity (Spätantike — frühes Christentum — Byzanz. Reihe B: Studien und Perspektiven; 44). Wiesbaden, 2018.

⁴ Для дополнительных примеров см. с. 69, прим. 1, а также: Mackie G. V. Early Christian Chapels in the West. Toronto, 2003.

⁵ Herzfeld E., Guyer S. Meriamlik und Korykos: zwei christliche Ruinenstätten des rauhen Kilikiens (Monumenta Asiae Minoris Antiqua; 2). Manchester, 1930. S. 46–74; Hill S. The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria. Aldershot, 1996. P. 208–234. Ср. обратный аргумент для церквей Алахана в Исаврии, которые построены в провинциальном стиле, без таких явных константинопольских черт, как купол и импортные мраморы в Мериамлике, что в случае Алахана говорит против какого-либо императорского вмешательства, см.: Elton H. Alahan and Zeno // Anatolian Studies. Vol. 52, 2002. P. 153–157.

императора Юстиниана (527–565) в паломническом центре ап. Иоанна рядом с Эфесом тоже выделяется из асийского контекста благодаря константинопольскому плану, куполам и мраморной скульптуре¹. Подобным образом, базилика В в македонских Филиппах сразу опознается как отсылка к архитектуре столицы, поскольку в ней был купол и использовался тот же особый тип капителей и антаблемент, что и в Святой Софии Константинопольской².

Даже простая трехнефная базилика, которую константинопольский консул Студий построил в паломническом центре архангела Михаила в галатской Гермии в середине V в., выделяется на фоне ее провинциального контекста, прежде всего, потому, что в ней использовалась непривычная для Центральной Анатолии кладка, с чередующимися рядами камня и кирпича³. Когда в VI в. храм был расширен, местные мастера добавили внешние нефы с широкими аркадами на столпах и перекрытый сводом нартекс (илл. 2.2) со вторым ярусом и дополнительными лестничными башнями за северной и южной стенами базилики, что породило громадный западный фасад. Все эти новые черты стали типичны для раннехристианских церквей Галатии и превратили константинопольский заказ во флагман провинциальной архитектуры.

Контраст между столичной и провинциальной архитектурой IV–VI вв. подтверждает их длительную независимость друг от друга. Столичные заказы в провинциях продолжали выделяться, так как разнообразная провинциальная архитектура все еще шла своим, отдельным путем, даже тогда, когда она вбирала в себя такие влияния извне, как базилика с трансептом или другие особые формы зда-

¹ См. с. 77, прим. 3.

² Lemerle P. E. Philipps... P. 415–513; Ćurčić S. Architecture in the Balkans: from Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven, 2010. P. 207–208.

³ Niewöhner P. Bronze Age Höyüks... P. 128–129. Fig. 49–59.

ний¹. Иногда даже кажется, что независимость провинций проявляла себя через незнакомство: например, многочисленные константиновские базилики с обходом вокруг алтаря на кладбищах Рима, включая мавзолеи матери и дочери Константина, остались неизвестны в других провинциях².

Раннехристианская иконография в Риме, Константинополе и провинциях

Еще одно подтверждение провинциальному разнообразию и независимости в раннехристианском искусстве дают коренные различия в декорации интерьера храмов: с образами в апсиде и иконами в алтаре или без них. В Риме и некоторых провинциях, как, например, в Египте, такие изображения начали использоваться сравнительно рано³.

Напротив, в Константинополе и провинциях Малой Азии и Северной Месопотамии символ креста использо-

¹ Grossmann P. Early Christian Architecture in Egypt... P. 115–119.

² Fiocchi Nicolai V. Basilica Marci, coemeterium Marci, basilica coemeterii Balbinae. A proposito della nuova basilica circiforme della via Ardeatina e della funzione funeraria delle chiese ‘a deambulatorio’ del suburbio romano // Ecclesiae Urbis. Atti del Congresso Internazionale di Studi sulle chiese di Roma (4–10 secolo). Vol. 2. Roma, 2002. P. 1175–1201; Lehmann T. “Circus Basilicas”, “Coemeteria Subteglata” and Church Buildings in the Suburbium of Rome // Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentea. 2003. Vol. 17. P. 57–77; Brandenburg H. Die frühchristlichen Kirchen Roms vom 4. bis zum 7. Jahrhundert. Stuttgart, 2004. S. 55–91; Leipziger U. Die römischen Basiliken mit Umgang, Forschungsgeschichtliche Bestandsaufnahme, historische Einordnung und primäre Funktion. Diss. Erlangen – Nürnberg, 2006.

³ Mathews T. F. Early Icons of the Holy Monastery of Saint Catherine at Sinai // Holy Image, Hallowed Ground: Icons from Sinai. Los Angeles, 2006. P. 39–55; Nordhagen P. J. In Praise of Archaeology: Icons before Iconoclasm // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2010. Vol. 60. P. 101–113; Presbeia Theotokou: the Intercessory Role of Mary across Times and Places in Byzantium (4th–9th Century) / Ed. by L. M. Peltomaa, A. Külzer, P. Allen (Veröffentlichungen zur Byzanzforschung; 39 = Österreichische Akademie der Wissenschaften: philosophisch-historische Klasse: Denkschriften; 481). ũev, 2015; Mathews T. F., Muller N. E. The Dawn of Christian Art in Panel Paintings and Icons. Los Angeles, 2016.

вался как единственное, аниконическое украшение апсиды до VIII в. и даже после¹. Фигуративные изображения в этих провинциях были сведены к повествовательным сценам исторического и назидательного свойства на второстепенных позициях, не предназначаясь для почитания². Это различие, как кажется, заметно и в имперской строительной программе Юстиниане I, так как его храм, Св. София в Константинополе, был украшен только крестами³, в то время как его базилика в монастыре св. Екатерины на Синае была украшена фигуративной мозаикой в апсиде⁴.

Эта разница была основополагающей, как стало очевидно во время византийского иконоборчества, в VIII–IX вв. Несмотря на вводящий в заблуждение термин — продукт поздней, «партийной» историографии эпохи, когда иконопочитание превратилось в норму⁵, иконоборчество,

¹ Примеры из Константинополя и Малой Азии см. в: *George W. S. The Church of Saint Eirene at Constantinople*. Oxford, 1912. P. 47–56. Pl. 17, 18, 22; *Harrison R. M. Churches and Chapels of Central Lycia // Anatolian Studies*. 1963. Vol. 13. P. 132. Pl. 40a–b; *Lemaigre Demesnil N. Architecture rupestre et décor sculpté en Cappadoce (Ve–IXe siècle)* (BAR International Series; 2093). Oxford, 2010. P. 65–68; *Wandmalerei in Ephesos von hellenistischer bis in byzantinische Zeit / Hrsg. von S. Ladstätter, N. Zimmermann*. Wien, 2010. S. 186–188. Abb. 382–384.

Некоторые примеры из Месопотамии см. в: *Mango M. Monopyhsite Church Decoration // Ikonoclasm*. Birmingham, 1977. P. 65–67. Fig. 9–10; *Ulbert T. Die Basilika des Heiligen Kreuzes in Resafa–Sergiopolis Resafa*. Bd. 2. Mainz, 1986. S. 35–36, 86–87, 128–129. Abb. 20, 52. Taf. 19 1; 33 1; *Keser-Kayaalp E. Églises et monastères du Tur 'Abdin // Les églises en monde syriaque / Ed. par F. Briquel-Chatonnet (Études syriaques; 10)*. Paris, 2013. P. 269–288. Pl. 4, 6, 9.

² Примеры см. в: *Striker C. L. Kalenderhane in Istanbul 1: the Buildings Their History Architecture and Decoration*. Mainz, 1997. P. 121–124. Pl. 148–149; *Pilz A. Das sog. Lukasgrab in Ephesos (Forschungen in Ephesos; 4.4)*. Wien, 2010. S. 104–115.

³ *Teteriatnikov N. B. Justinianic Mosaics of Hagia Sophia and Their Aftermath* (Dumbarton Oaks Studies; 47). Washington (D.C.), 2017.

⁴ *Forsyth G. H. Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai*. Ann Arbor, 1973. P. 11–18; *Andreopoulos A. The Mosaic of the Transfiguration in St. Catherine's Monastery on Mount Sinai // Byzantium*. 2002. Vol. 72. P. 9–37.

⁵ *Bremmer J. N. Iconoclast, Iconoclastic and Iconoclasm: Notes Towards a Genealogy // Church History and Religious Culture*. 2008. Vol. 88. P. 1–17.

напротив, не было сосредоточено в первую очередь на разрушении существующих изображений. Те провинции, где иконы получили повсеместное распространения в поздней античности, по большей части были потеряны в ходе вторжения варваров в течение VII в., что превратило оставшееся, усеченное византийское государство в территорию немногим большую, чем Константинополь и Малая Азия¹, т. е. в регион, где основное внимание уделялось крестам, а не почитаемым образом. Таким образом, когда в VIII в. разразилось иконоборчество, вначале просто хотели уничтожить несколько икон, спор же, по-видимому, был сконцентрирован на введении почитаемых изображений в регионе, который был прежде, по сути, аниконическим, а не на их уничтожении.

Впрочем, иконоборчество представляется немыслимым в обширной позднеантичной империи со множеством различных регионов и провинций, каждая из которых придерживалась собственного извода раннехристианского искусства. Начало иконоборчества ознаменовало собой конец раннехристианского разнообразия, а суворость и длительность спора, тяготевшего над византийской мыслью в течение нескольких поколений, подчеркивают то значение, которое придавалось тому или иному изводу раннехристианского искусства. Различия считались существенными, а разнообразие не воспринималось как момент провинциального отклонения от какого-либо центрального и окончательного стандарта, который мог применяться в случае спора. Феномен иконоборчества подтверждает, что раннехристианское искусство не может быть сведено к одному центру или центральному изводу, и вместо этого следовало бы думать о некоем соединении стольких переплетенных между собой нитей, сколько провинций было в империи.

¹ Haldon J. F. *Byzantium in the Seventh Century*. Rev. ed. Cambridge, 1997; *Idem*. *The Empire that Would Not Die: the Paradox of Eastern Roman Survival, 640–740*. Cambridge (Mass.), 2016.

Заключение

Разнообразие раннехристианского искусства в провинциях отличает его от римского провинциального искусства в той мере, в какой последнее осмысляется в связи с местными традициями доримского периода¹. По мере усиления романизации с течением времени, местные традиции постепенно маргинализировались, параллельно с этим романизируясь, как, например, погребения с мраморными створками в Центральной Анатолии², с известняковыми рельефами в Пальмире³ и с живописными портретами в Египте⁴. Напротив, раннехристианское искусство вряд ли можно обозначить как локальное⁵, учитывая происхожде-

¹ Для Малой Азии см., например: *Roman Imperialism and Provincial Art* / Ed. by S. Scott, J. Webster. Cambridge, 2003; *Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor* / Ed. by H. Elton, G. Reger. (Ausonius editions. Études; 20). Paris, 2008; *Between Tarhuntas and Zeus Polieus: Cultural Crossroads in the Temples and Cults of Graeco-Roman Anatolia* / Ed. by M.-P. De Hoz, J. P. Sánchez Hernández, C. Molina Valero (Colloquia Antiqua; 17). Leuven, 2016.

² *Kelp U. Grabdenkmal und lokale Identität: ein Bild der Landschaft Phrygien in der römischen Kaiserzeit* (Asia Minor Studien; 74). Bonn, 2015; *Koch J. From Funerary Doorstones in Pompeiopolis to Tracing Local Identity from the Phrygian Highlands to Inner Paphlagonia* // *Landscape Dynamics and Settlement Patterns in Northern Anatolia during the Roman and Byzantine Period* (Geographica historica; 32). Stuttgart, 2015. P. 171–192.

³ *Schmidt-Colinet A. Palmyrenische Grabkunst als Ausdruck lokaler Identität(en)* // *Lokale Identitäten in Randgebieten des Römischen Reiches*. Bd. 7. Wien, 2004. S. 189–198; *Albertson F. C. Typology Attribution and Identity in Palmyran Funerary Portraiture* // *The World of Palmyra* (Palmyrene Studies; 1 = Scientia Danica: Series H, Humanistica 4; 6). Copenhagen, 2016. P. 150–165; *Heyn M. K. Western Men, Eastern Women? Dress and Cultural Identity in Roman Palmyra* // *Selected Papers on Ancient Art and Architecture*. Vol. 3. Boston (Mass.), 2017. P. 203–219.

⁴ *Walker S. Painted Hellenes: Mummy Portraits from Late Roman Egypt* // *Approaching Late Antiquity: the Transformation from Early to Late Empire*. Oxford, 2006. P. 310–326; *Borg B. Portraits* // *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Oxford, 2012. P. 613–629.

⁵ Впрочем, П. Пенсабене (*Pensabene P. Ripresa e continuità di tradizioni ellenistiche nell'architettura e nella decorazione architettonica tardoantica in Africa e altre province dell'Impero Romano* // *De Africa Romaque: Merging Cultures across North Africa*. London, 2016. P. 231–248) приписывает «возникновение локальных стилей» в поздней античности «проявлению до-римских традиций».

ние христианства из еврейской Палестины и то, как новая религия распространилась благодаря росту взаимосвязей и глобализации Римской империи¹. Разные варианты христианского искусства в провинциях также не становились со временем более романизированными или унифицированными, по крайней мере, до коллапса общесредиземноморской державы в течение VII века и последующего иконооборчества в VIII–IX вв. Наконец, христианское искусство не стало маргинальным, а, напротив, стало господствовать над этим искусством провинций в ходе поздней античности.

Нарастающее господство различных видов христианского искусства в провинциях было следствием прогрессирующей христианизации, а также забвения, деградации и, возможно, даже исчезновения других элементов, таких как языческие храмы, театры, крупные термы, ряды почетных статуй и, возможно, даже улицы с колоннадами², которые, будучи отличительными признаками романизации, обычно делали единообразным облик римских городов в Восточном Средиземноморье³. Таким образом, церкви стали

¹ См. выше, с. 68, прим. 5.

² Niewöhner P. Urbanism // *The Archaeology of Byzantine Anatolia*. New York, 2017. P. 43–45; *New Cities of Late Antiquity* / Ed. E. Rizos (Bibliothèque de l’Antiquité tardive; 35). Turnhout, 2017; Kovacs M. Die Letzten ihrer Art. Archäologische und kulturgeschichtliche Beobachtungen zu Persistenz und Ende des ›Statue habit‹ in Kleinasien im 6. Jahrhundert n. Chr. // *Sculpture in Roman Asia Minor* / Ed. by M. Aurenhammer. Wien, 2018. P. 395–418.

³ Для Малой Азии см., например: Vandeput L. The Architectural Decoration in Roman Asia Minor (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology; 1). Turnhout, 1997; Pohl D. Kaiserzeitliche Tempel in Kleinasien unter besonderer Berücksichtigung der hellenistischen Vorläufer (Asia Minor Studien; 43). Bonn, 2002; Stadt und Stadtentwicklung in Kleinasien / Hrsg. von E. Schwertheim, E. Winter (Asia Minor Studien; 50). Bonn, 2003; Strobel K. Thermenanlagen in Kleinasien: Romanisierung der hellenistischen Urbanität (SPA: *sanitas per aquam*. Suppl.; 21). Leuven, 2012. S. 47–53; Isler H. P. Traditional Hellenistic Elements in the Architecture of Ancient Theatres in Roman Asia Minor // *The Architecture of the Ancient Greek Theatre* (Monographs of the Danish Institute at Athens; 17). Athens, 2015. P. 433–447; Burns R. Origins of the Colonnaded Streets in the Cities of the Roman East. Oxford, 2017.

доминировать в городских ландшафтах с их различными провинциальными стилями, а так как новая архитектурная пластика предназначалась исключительно для церквей, это орудие репрезентации тоже становилось всё более провинциальным. Эти изменения даже более заметны в сельской местности, где романизация оставила мало монументальных памятников, но где каждое поселение и множество других мест получили, тем не менее, хотя бы одну раннехристианскую церковь и, таким образом, оставили след в соответствующем провинциальном стиле¹.

Позднеантичная провинциализация искусства и архитектуры происходила в полностью централизованном государстве, где централизация элит, администрации и особенно налогообложения усилилась по сравнению с периодом Римской империи². Государственная политика и провинциальная стилизация раннехристианского искусства, по-видимому, не были связаны между собой. Стилистические различия между некоторыми раннехристианскими провинциями внутри политически унифицированной империи были так же велики, как в соседних христианских странах, например, на Кавказе³ или в Аксумском царстве в современной Эфиопии⁴.

То, что невозможно объяснить государственная политика, может быть следствием внутренней организации позднеантичной Церкви, которая, как кажется, осталась куда

¹ См., например: *Strube C. Baudekoration...; Grossmann P., Severin H.-G. Frühchristliche und byzantinische Bauten...; Niewöhner P. Aizanoi...*

² См. выше, с. 77, прим. 4, а также: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: a Social Economic and Administrative Survey*. Oxford, 1964; *Brandes W. Finanzverwaltung in Krisenzeiten: Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6.–8. Jahrhundert* (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte; 25). Frankfurt, 2002.

³ *Plontke-Lüning A. Frühchristliche Architektur in Kaukasien: die Entwicklung des christlichen Sakralbaus in Lazika, Iberien, Armenien, Albanien und den Grenzregionen vom 4. bis zum 7. Jh.* (Veröffentlichungen zur Byzanzforschung; 13 = Österreichische Akademie der Wissenschaften: philosophisch–historische Klasse: Denkschriften; 359). Vienna, 2007.

⁴ *Das christliche Äthiopien*. 2. Aufl. / Hrsg. von W. Raunig. Regensburg, 2016.

более римской, чем все более централизуемое государство, поскольку избирающиеся на местах епископы¹, церковные епархии-провинции и их институции сохранили более высокую степень автономии, чем позднеантичные города и гражданская администрация². Свидетельство этого — например, многообразие христианских литургий, которые зафиксированы по всей позднеантичной ойкумене, в т. ч. римский обряд, амброзианский обряд,alexандрийский обряд, антиохийский обряд (а также восточно-сирийский и западно-сирийский обряды) и константинопольский/греческий/византийский обряд³. Их разнообразие можно сравнить с провинциальным многообразием раннехристианского искусства, а некоторые архитектурные элементы, такие как широкие аркады, просторные вимы и южные двери сирийских церквей или второй амвон в Македонии, по-видимому, имеют прямое отношение к различным литургическим практикам⁴.

Кроме того, провинциальная ориентация и устройство раннехристианского искусства и архитектуры наряду с богослужением и церковной администрацией, возможно, появились вынужденно, из-за отсутствия альтернативы. Римский

¹ *Thier A. Hierarchie und Autonomie: Regelungstraditionen der Bischofsbestellung in der Geschichte des kirchlichen Wahlrechts bis 1140* (Recht im ersten Jahrtausend; 1 = *Studien zur europäischen Rechtsgeschichte*; 257). Frankfurt, 2011; *Leppin H. Zu den Anfängen der Bischofsbestellung // Personalentscheidungen für gesellschaftliche Schlüsselpositionen*. Berlin, 2017. S. 33–53.

² *Norris F. W. Greek Christianities // The Cambridge History of Christianity 2: Constantine to c. 600*. Cambridge, 2007. P. 70–117; *Leppin H. Christianisierungen im Römischen Reich // Zeitschrift für Antikes Christentum*. 2012. Bd. 16. S. 247–278.

³ *Spinks B. D. The Growth of Liturgy and the Church Year // The Cambridge History of Christianity 2: Constantine to c. 600*. Cambridge, 2007. P. 603–613.

⁴ См. выше, с. 71, прим. 4–5, а также: *Donceel-Voûte P. Le fonctionnement des lieux de culte aux VIe–VIIe siècles // Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae (Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku. Suppl.; 87–89 = Studi di antichità Cristiana; 54). Vol. 2. Split, 1998. P. 97–156; Heid S. Funktion und Ausrichtung...*

урбанизм и тенденция к подражанию столице — Риму, были тесно связаны с интересами и карьерой городских элит¹, но эта система осталась в поздней античности и была заменена новым порядком, который отодвинул в сторону традиционные элиты². Карьерные пути изменились³, так что больше не было никакого стимула подражать столице, а епископы, которые были теперь ведущими фигурами в провинциальных городах⁴, похоже, ориентировались каждый на свою провинциальную митрополию или на какой-то другой региональный центр вместо Рима или Константинополя.

Немногочисленные провинциальные церковные постройки в константинопольском стиле были обязаны своим появлением не местной инициативе, как это часто случалось в период Римской империи, когда бесчисленные провинциальные здания подражали римским архетипам⁵. Напротив, стилизация провинциальных зданий под Константинополь появилась благодаря инициативе центра, как, например, вышеупомянутые паломнические церкви, которые консул Студий и императоры Зинон и Юстиниан построили в Гермии, Селевкии/Силифке и Эфесе⁶. Все три

¹ Для Малой Азии см., например: *Halfmann H. Städtebau und Bauherren im römischen Kleinasiens (Istanbuler Mitteilungen. Suppl.; 43)*. Tübingen, 2001; *Heller A. Les bêtises des Grecs: conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (128 a.C. — 235 p.C.) // Scripta antiqua. Vol. 17. Bordeaux, 2006; Raeck W. Zeichen der Machtteilhabe: zur Architektursprache der kleinasiatischen Städtekonkurrenz im 2. Jahrhundert n. Chr. // Urbanitas — Urbane Qualitäten. Die antike Stadt als kulturelle Selbstverwirklichung. Die antike Stadt als kulturelle Selbstverwirklichung / Ed. by A. W. Busch, J. Griesbach & J. Lipps (RGZM-Tagungen; 33). Mainz, 2017. S. 167–181.*

² *Liebeschuetz J. H. W. G. The Decline...; Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin (Travaux et mémoires. Monographies; 13)*. Paris, 2002.

³ *Liebeschuetz J. H. W. G. The Decline... Ch. 4; Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition (Transformation of the Classical Heritage; 37)*. Berkeley, 2005.

⁴ *Liebeschuetz J. H. W. G. The Decline ... Ch. 4; Rapp C. Holy Bishops...*

⁵ См., например, выше, с. 86, прим. 2.

⁶ См. выше, с. 77, прим. 4 (Эфес), с. 80, прим. 5 (Селевкия), с. 81, прим. 3 (Гермия).

эти здания преимущественно не были связаны с развитием провинциальных городов или чей-то карьеры, как это было в период Римской империи¹, но с личной повесткой константинопольских ктиторов, потому что Студий излечился благодаря воде из Гермии², Зинон был уроженцем Исаврии³, а Юстиниан, возможно, выступал за большую церковную интеграцию Асии⁴.

Если оставить в стороне такие исключительные постройки, раннехристианские церкви в провинциях представляются, прежде и более всего, провинциальными по своему характеру, что подразумевает, как их следует понимать и оценивать, — как провинциальные памятники в их провинциальном контексте. Их большое разнообразие требуется сегодня открыть заново, потому что большая часть его была утрачена из-за коллапса общесредиземноморской державы и последующих процессов приспособления в рамках более мелких государств-преемников⁵, например, византийского иконоборчества. Кое-что из прежнего разнообразия также стало ассоциироваться с различными этническими или национальными Церквями и державами. Таким образом, весьма поучительно открывать, что все это разнообразие или большая его часть изначально присутсвовало в единой Церкви и империи.

¹ См. выше, с. 89, прим. 1.

² *Mango C. St Michael and Attis* // ΔΧΑΕ. 1984. Т. 12. Σ. 48.

³ Евагрий Схоластик. Церковная история III. 8; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire 2: A.D. 395–527. Cambridge, 1980. P. 1200–1202.

⁴ *Menze V.-L.* Johannes von Ephesus und Kaiser Justinian: ein Missionar sein Patron und eine Heidentummission im Kleinasien des 6. Jahrhunderts // Vom Euphrat bis zum Bosporus: Kleinasien in der Antike: Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag / Hrsg. von E. Winter (Asia Minor Studien; 65). Bonn, 2008. S. 451–460; *Leppin H.* Skeptische Anmerkungen zur Mission des Johannes von Ephesos in Kleinasien // Die Christianisierung Kleinasiens in der Spätantike / Hrsg. von W. Ameling (Asia Minor Studien; 87). Bonn, 2017. S. 49–59.

⁵ *Ousterhout R.* The Ecumenical Character of Byzantine Architecture: the View from Cappadocia // Byzantium as Oecumene. Athens, 2005. P. 211–232.

Андрей Виноградов

АФОНСКИЙ ХРАМ ИЛИ АРАБСКИЙ ДВОРЕЦ? КРЕСТОВО-КУПОЛЬНЫЙ ТРИКОНХ И НОВАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИМПЕРИИ

Возобновление активного строительства в Константинополе после «темных веков» привело к рождению новой архитектурной идентичности для всей империи. В отличие от живописи или литературы, где в конце Амorianской и начале Македонской династии стала преобладать ориентация на античность и раннюю Византию, в зодчестве, особенно церковном, происходит, напротив, отказ от старых строительных моделей и принципов и переход к новым, более компактным и иначе сконструированным и декорированным формам. Доминирование купола, наметившееся еще в VI в. и получившее мощное развитие в «темные века», с середины IX в. стало окончательным и бесповоротным, породив многообразие купольных зданий и сочетая старые архитектурные типы с новым принципом перекрытия интерьера. При этом почти каждый такой новый тип храма вызывает дискуссию относительно места его происхождения: был ли он создан в столице и оттуда распространился по империи, или же развивался независимо в разных провинциях

и в столице. Одним из таких типов стал и триконх «афонского типа».

Этот вариант купольного храма типа вписанного креста, с дополнительными апсидами посередине боковых стен, сыграл огромную роль в средне- и поздневизантийской архитектуре балканских провинций империи и сопредельных государств. Но, как показывают последние исследования, дискуссия об эволюции этого архитектурного типа, начатая Г. Милле, еще далека от завершения¹. Последним важным шагом в ней стал пересмотр традиционной хронологии ранних его образцов на Афоне: согласно С. Мамалукосу, первым был построен кафоликон в Ватопеде, по его примеру — в Иvironе, а затем по той же модели был перестроен собор Великой лавры, причем к этому процессу оказался непричастен Протат². В настоящий момент продолжают обсуждаться две основные проблемы: как определить сам тип и каково его происхождение.

При определении триконхов «афонского типа» все исследователи согласны в том, что их наос представляет собой крестово-купольный храм типа вписанного креста на колоннах или столпах с дополнительными апсидами по центру боковых (северной и южной) сторон, так что некоторые ученые логично предлагают называть его «крестово-купольным триконхом»³, каковым термином, как более архитектурным, мы и будем пользоваться в дальнейшем. Сложнее дело обстоит с дополнительными компартиментами: многие исследователи включали в определение типа также наличие двойного нартекса (типичен для ранних афонских памятников) или лити (нартекса на двух или четырех столпах, характерного для поздних храмов) и даже

¹ Библ. см. в: *Mamatoukos S. A contribution to the study of the “Athone” church type of Byzantine architecture* // Ζογραφ. 2011. Т. 35. С. 39–44; Мальцева С. В. Архитектура Сербии второй половины XIV — первой половины XV века. Моравская школа. Дисс. ... к. иск. СПб., 2016. С. 165–171.

² Μαμαλούκος Σ. Το καθολικό της μονής Βατοπεδίου: ιστορία και αρχιτεκτονική. Diss. Αθήνα, 2001; *Mamatoukos S. A contribution...*

³ См.: Мальцева С. В. Архитектура... С. 167.

парэклисиев рядом с нартексом, хотя последние имеются у меньшинства памятников. Недавний обзор В. Мессиса показал, что вышеописанные типы нартекса присутствуют только в афонских кафоликонах: у афонских парэклисиев данного типа, а также в большинстве таких памятников вне Афона вместо них чаще всего встречаются простые нартессы¹. Таким образом, тот или иной тип нартекса нельзя считать конституирующей чертой крестово-купольного триконха, который определяется, следовательно, лишь вышеописанным типом наоса, причем обоих изводов: как сложного (с вимой), так и простого (без вимы²).

Вопрос же об истоках типа крестово-купольного триконха разделяет исследователей на несколько групп, которые, обобщая, можно назвать сторонниками его афонского и не-афонского происхождения³. Первые представлены П. Милонасом, Х. Бурасом, Р. Остерхаутом и В. Мессисом. Вторые, в свою очередь, делятся на сторонников зарождения этого типа на Кавказе и/или в Трапезунте (Г. Милле, Й. Стржиговский, Ф. В. Хаслак, Г. Сотириу, Н. Гьолис, А. Ю. Казарян), в Македонии (П. Вокотопулос, Г. Веленис) и, конкретнее, Фессалонике (Н. П. Кондаков) или Перистери (С. Манго, Т. Штеппан), в Адрианополе (Т. Папазотос) или Константинополе (см. ниже). Реже встречаются комбинированные теории: «кавказско-константинопольская» (А. Орландос) и «общевизантийская» (Г. Димитрокаллис). «Константинопольская» гипотеза также весьма гетерогенна: начиная с О. Шуази, образцом здесь считали столичный храм св. Андрея в Суде; позднее Т. Штеппан выводил данный тип из триконхиальных боковых вим Мирелейона, А. Танцис — из подражания Влахернской и Халкопратийской базиликам, а С. Мамалукос — из столичной архитектуры вообще.

¹ Μέσσης В. Ναοί αθωνικού τύπου. Diss. T. 1–2. Θεσσαλονίκη, 2010.

² На Балканах представлен только кафоликоном Великой лавры и отчасти храмами в болгарских Винице и Кырджали и моравской Любостыне.

³ Обзор точек зрения см. в: *Mamatoukos S. A contribution...*

Характерно, что при обсуждении всех перечисленных вопросов исследователи рассматривали крестово-купольные триконхи почти исключительно на Балканах: в Греции и «моравской школе», — на Кавказе им только искали аналогии, а для Константинополя лишь постулировали их возможное существование. Между тем, расширение поля зрения за пределы Балкан, как выясняется, может изменить многие позиции по вопросу происхождения и эволюции данного типа. Но для этого следует сначала рассмотреть все возможные случаи существования крестово-купольных триконхов вне Балкан, а затем проанализировать их генезис и взаимосвязи.

Константинополь

Как указывалось выше, памятники византийской столицы приводились в литературе в качестве не столько прямых прототипов, сколько возможных источников вдохновения при создании крестово-купольных триконхов. Долгое время таким источником считался храм св. Андрея в Суде, с конхами над рукавами, однако позднее было доказано, что эти конхи — результат османской перестройки¹, а сам храм — поздневизантийский². А. Танцис считает искомым прототипом Влахернский и Халкопратийский храмы³, однако следует помнить, что это были базилики, а не купольные церкви, да и от крестово-купольных триконхов реконструированный по письменным описаниям план Влахерн очень далек.

Подлинный крестово-купольный триконх в столице реконструировал С. Манго, отождествив храм Арсланха-

¹ Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Tübingen, 1977. S. 173.

² Marinis V. Architecture and ritual in the churches of Constantinople: ninth to fifteenth centuries. New York, 2014. P. 119–120.

³ Tantis A. The so-called “Athonite” type of church and two shrines of the Theotokos in Constantinople // Зограф. 2010. Т. 34. С. 3–11.

не с гравюры П. Инджиджяна, во-первых, как триконх, а во-вторых, как церковь Христа на воротах Халки Большого императорского дворца, которую Иоанн Цимисхий, согласно Льву Диакону (*Historia* 8, 1) перестроил как четырехколонную¹. Однако сам вопрос об отождествлении храма на гравюре Инджиджяна с Халкинской церковью еще далек от разрешения². Но даже сторонники такой идентификации признают, что у храма на гравюре П. Инджиджяна полукупола были только с востока и запада³, а сам он не похож на Халкинскую крестово-купольную церковь, описанную у Льва Диакона⁴. Не случайно впоследствии Манго сам отказался от своей реконструкции⁵.

Триконх в Большом императорском дворце. В связи с крестово-купольными триконхами Балкан В. Мессис обратил внимание на здание для приемов под названием Триконх в Большом императорском дворце столицы⁶, построенное императором Феофилом (829–842)⁷, возможно, в 839 г.⁸ и описанное у Продолжателя Феофана (*Historia*

¹ Mango C. The Brazen House: a study of the vestibule of the imperial palace of Constantinople. Copenhagen, 1959. Fig. 1.

² Status questionis см. в: Artan T. The making of the Sublime Porte near the Alay Köşkü and a tour of a Grand vizierial palace at Süleymaniye // Turcica: Revue d'études turques . 2011. Vol. 43. P. 145–206.

³ Asutay-Effenberger N., Effenberger A. Zur Kirche auf einem Kupferstich von Gugas Inciciyan und zum Standort der Chalke-Kirche // Byzantinische Zeitschrift. 2004. Bd. 97. S. 56.

⁴ Ibid. S. 59.

⁵ Mango C. A note on Panagia Kamariotissa and some imperial foundations of the tenth and eleventh centuries at Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1973. Vol. 27. P. 132. Note 39 (репр.: *Idem. Studies on Constantinople*. Aldershot, 1993. Study XX).

⁶ О его локализации см.: Westbrook N. An architectural interpretation of the Early Byzantine Great palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Diss. Perth, 2013. P. 258–262.

⁷ Сомнения Н. Вестброка в том, что его строил именно Феофил, основанные только на его сходстве с триконхиальными залами античных дворцов (Ibid. P. 256–258), рассеивает тот факт, что Феофил построил и другой триконх — во Вриантском дворце (см. ниже).

⁸ См.: Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies. Paris, 1910. P. 110. Note 1.

Theophilus, 42): «Рядом с ним Триконх с золоченой крышей, получивший такое название из-за своего облика, ибо возносится тремя конхами: одной восточной (ее подпирают четыре римских колонны) и двумя боковыми, на север и юг. С запада здание поддерживается двумя колоннами, и войти в него можно через три двери: средняя сделана из серебра, крайние — из полированной меди»¹.

К сожалению, почти никто из исследователей не попытался реконструировать облик Триконха². Между тем, его описание содержит некоторые неясности. Главную из них — указание на то, что восточную конху подпирают четыре порфировые колонны, некоторые исследователи воспринимают буквально³, однако такой феномен не известен ни ранне-, ни средневизантийской архитектуре. Н. Вестбрук⁴ предполагает, что эти колонны разделяли оконные проёмы, однако это плохо соответствует, с одной стороны, глаголу ὑποστηρίζεται (букв. «подпирается»), указывающему на опоры конхи (но не на ее отгораживание), а с другой стороны, сопоставлению с колоннами, поддерживающими западную часть здания и явно не связанными с окном. Поэтому нам видится лишь один вариант реконструкции здания, не противоречащий описанию Продолжателя Феофана: под конхой он подразумевает весь опиравшийся на четыре колонны свод восточной — самой важной — части здания,

¹ Перевод Я. Н. Любарского (Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. М. Наука. 1992. С. 62). οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ καὶ ὁ γείτων αὐτῷ κεχρυσωμένην ἔχων ὄφοφήν Τρίκογχος, ἐκ τοῦ σχῆματος τὴν κλῆσιν λαχῶν· τρισὶ γάρ κόγχαις μετεωρίζεται, μιᾶς μὲν κατὰ τὴν ἀνατολὴν συνοικοδόμοιμένος, ἡ καὶ ἐκ τεσσάρων κιόνων Ρωμαίων ὑποστηρίζεται, δυσὶ δὲ ἐγκαρπίαις, κατὰ ἄρκτον καὶ μεσημβρίαν φημί. τὸ πρὸς δύσιν δὲ τοῦ οἴκου μέρος ὑπὸ δύο μὲν κιόνων ἀνέχεται, τριῶν δὲ πυλῶν τὴν ἔξοδον δίδωσιν. τούτων ἡ μέση μὲν ἐξ ἀργύρου κατεσκεύασται, αἱ ταύτης δὲ ἐκατέρωθεν ἐκ γεγανωμένου χαλκοῦ.

² Так, он просто упоминается в новой работе о постройках Феофила в Большом дворце: *Featherstone M. Luxury in the Palace : the buildings of Theophilus // Istanbul Arastirmalari Yiliigi*. 2013. Cilt 2. S. 37–40.

³ Ebersolt J. Le Grand Palais... P. 110.

⁴ Westbrook N. An architectural interpretation... P. 263–264. Note 790.

которая была, соответственно, похожа на восточную часть крестово-купольного триконха сложного извода, только с парой колонн вместо предалтарных столпов¹. С запада же купол или свод центральной ячейки здания опирался на две колонны. В этом случае глагол ἀνέχεται (букв. «поддерживается») указывает, опять же, скорее на опоры свода, чем на замену западной стены на двухколонный портик, как иногда считается². Итак, вероятней всего, дворцовый Триконх был похож по плану на крестово-купольный триконх сложного извода (и именно так он реконструирован на плане Ж. Эберсольта³), только с дополнительной парой колонн вместо предалтарных столпов.

Храм архангела Михаила во Вриантском дворце. От внимания исследователей крестово-купольных триконхов почему-то ускользнул тот факт, что император Феофил построил в 831–832 гг. в загородном Вриантском дворце, на азиатском берегу Босфора⁴, и другой триконх — храм архангела Михаила, который также упоминает Продолжатель Феофана (*Historia Theophilus*, 9): «Занимался же строительством и все делал, следуя описаниям Иоанна, муж по имени Патрикий, удостоенный титула патриархия, который в добавление соорудил только у спальных покоев храм имени святейшей госпожи нашей Богородицы, а у переднего

¹ Конструктивно в такой схеме нет ничего невозможного: в поствизантийский период мы встречаем ее на Афоне в парэклисии Успения Богородицы монастыря Зограф (1764 г.) и кафоликоне монастыря Св. Павла (1817–1845) (*Μέσσης Β. Ναοί...* Т. 2. Σχ. 37, 55).

² *Ebersolt J. Le Grand Palais...* P. 110.

³ *Ibid. Planche.* На плане А. Фогта (*Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. Commentaire / Par A. Vogt.* Paris, 1935. Planche) четыре колонны с востока подпирают свод вимы, а две с запада поставлены между дверями.

⁴ *Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Héllespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique (Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin; 2).* Paris, 1975. P. 52; Дюканж ошибочно поместил его в Большом императорском дворце (*Du Cange C. Constantinopolis Christiana seu Descriptio Urbis. Parisiis, 1680.* P. 99; ср. также: *AAŚS. Sept. Vol. 8. Col. 53*).

зала дворца — триконхиальный¹ храм, красотой красивейший и величиной многих превосходящий; средний придел носит имя архистратига Михаила², оба боковые — святых мучениц»³.

Формально в описании храма ничего не говорится о его конструкции, за исключением его триконхиальности, т. е. наличия трех апсид с севера, востока и юга⁴. Однако обращает на себя внимание упоминание в его составе трех «приделов»⁵, т. е. церквей с собственными алтарями, — центрального (τὸ... μέσον) и двух боковых (τὰ... ἐκατέρωθεν⁶ τούτου). Последние не могли размещаться в апсиде, прорезающих северную и южную стены, а значит, должны были иметь собственные апсиды в восточной части храма. Описанная картина трех параллельно расположенных церквей: центральной и двух по бокам от нее (ἐκατέρωθεν τούτου), в трикохиальном здании — а Продолжатель Феофана ничего не говорит о его пристройках — представима только в виде храма на четырех опорах, где каждый «неф» завершается своей апсидой. В пользу соположения трех алтарей говорит и явно ктиторский характер их посвящения: арх. Михаилу

¹ τρίκογχον; в русском переводе Любарского (см. ниже) ошибочно — «трехпридельный». Исключено, чтобы автор биографии Феофила использовал этот термин в двух разных смыслах (см. выше, о Триконхе в Большом дворце), да и слово τρίκογχος в значении «трехапсидный» нигде не встречается. Ср. верный перевод в: *Mango C. The Art of the Byzantine Empire, 312-1453: Sources and documents*. Toronto, 1972 (repr. 1986). P. 160; *Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur libri I-IV / Rec. ... M. Featherstone et J. Signes-Codoñer (Corpus fontium historiae byzantinae; 53)*. Boston-Berlin, 2015. P. 143.

² Имя восстановлено в: *Ibid.* P. 142.

³ Перевод Я. Н. Любарского (Продолжатель Феофана... С. 46). τὸ κατὰ τὸν κοιτῶν μὲν ἀνεγείρατ ναὸν εἰς ὄνομα ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου, κατὰ δὲ τὸ προαύλιον τῶν τοιούτων παλατίων τὸ τρίκογχον ναὸν κάλλει τε κάλλιστον καὶ μεγέθει πολλῶν διαφέροντα, καὶ τὸ μὲν μέσον εἰς ὄνομα τοῦ ἀρχιστρατήγου, τὰ δὲ ἐκατέρωθεν τούτου εἰς μαρτύρων γυναικῶν ἀγίων ὄνόματα.

⁴ О невозможности его реконструкции как храма с тремя апсидами с востока см. выше, прим. 26.

⁵ Ср. *Janin R. Les églises...* P. 52.

⁶ У воспроизводящего этот пассаж Иоанна Скилицы (*Synopsis historiarum Theophilus*, 9) ошибочно — κάτωθεν «внизу».

— патрону сына (а также отца) Феофила, и двум святым мученицам, которые, очевидно, соотносятся с двумя старшими дочерьми Феофила — Феклой и Анной или Анастасией¹. Все это позволяет нам предложить реконструкцию храма арх. Михаила во Вриантском дворце как крестово-купольного триконха.

Таким образом, наша реконструкция планов Триконха в Большом императорском дворце Константинополя и храма арх. Михаила во Вриантском дворце подтверждает предположение С. Мамалукоса, что план крестово-купольного триконха происходит именно из Константино-поля. Обращение к престижному, дворцовому по своему происхождению плану триконха² при Феофиле связано, очевидно, с возобновлением строительной деятельности во дворцах столицы и ее окрестностей (во Врианте). В двух наших случаях триконх соединяется с набирающим в IX в. популярность планом крестово-купольного здания на четырех колоннах. Пример аналогичного соединения крестово-купольного храма на четырех колоннах и тетраконха (с дополнительными угловыми апсидками) демонстрирует церковь свв. Апостолов на афинской Агоре первой четверти XI в.³ К IX в., вероятно, относится и эксперимент по созданию «крестово-купольного тетраконха» с изолированными угловыми ячейками (храм св. Константина на о. Фасий в Аполлонийском озере в Геллеспонте)⁴. Важно, однако, что Продолжатель Феофана воспринима-

¹ Ср. строительство Феофилом храма св. Михаила близ опочивальни Камиласа и св. Анны, в честь рождения дочери Анны (*Berger A. Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos (Poikila Byzantina; 8). Bonn, 1988. S. 441.*)

² См., например: *Keshani H. The Abbāsid palace of Theophilus: Byzantine taste for the arts of Islam // Al-Masaq: Islam and the Medieval Mediterranean. 2004. Vol. 16. P. 86–87.*

³ Ср.: *Sharp R. S. The Outside Image. A Comparative Study of External Architectural Display on Middle Byzantine Structures on the Black Sea Littoral. Diss. Birmingham, 2010. P. 40–41.*

⁴ *Kappas M., Mamaloukos S. The church of St. Constantine on lake Apollonia, Bythinia, revisited // ΔΧΑΕ. Т. 38. 2017. Σ. 87–103.*

ет оба разбираемых дворцовых здания не как постройки типа вписанного креста на четырех колоннах, но именно как триконхи.

С другой стороны, строитель Вриантского дворца Патрикий, работавший под руководством синкелла Иоанна (будущего патриарха-иконоборца Иоанна Грамматика), воспроизводил там тип омейядских дворцов. Храм арх. Михаила, построенный, видимо, раньше Триконха в Большом дворце, описан у Продолжателя Феофана как христианское добавление к арабскому дворцу, но его план в виде крестово-купольного триконха, реконструированный нами находит параллель в омейядской дворцовой архитектуре: в банях дворца халифа Хишама (724–743) в Хирбат аль-Мафджар есть купольный зал с 16 колоннами (4x4), где с каждой стороны трем центральным «нефам» соответствуют 3 апсиды (с восточной, из-за входа, их 2)¹. Поэтому нельзя исключать, что и план крестово-купольного триконха был заимствован в Константинополь с Востока, в широм смысле этого слова. Действительно, аналогичный 16-колонный извод мы находим в «церкви с гранитными колоннами» в нубийской Старой Донголе (VIII в.)², а своеобразный вариант без опор – уже в храме Рождества в Вифлееме VI в.³

Примечательно, что Продолжатель Феофана (*Historia Theophilus*, 42) сообщает и о строительстве по образцу Триконха еще двух построек во дворце: Мистирия и Тетрасепра, – очевидно, что «красотой красивейший и величиной многих превосходящий» Триконх мог стать образцом для дальнейшего подражания.

¹ См.: *Hamilton R. W. Khirbat al Mafjar. An Arabian mansion in the Jordan valley*. Oxford, 1959. P. 45–105. Fig. 25–27.

² См.: *Grossmann P. Mittelalterliche Langhaus-Kuppelkirchen und verwandte Typen in Oberägypten*. Glückstadt, 1982. S. 97–100.

³ Так, исследователи кавказской архитектуры признают возможное влияние Вифлеема на доарабские крестово-купольные триконхи Армении (*Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века*. Т. II. М., 2012. С. 426–427).

Малая Азия

О крестово-купольных триконхах в монастырях Малой Азии до 1000 г. говорил — чисто теоретически — Г. Сотириу, но он имел в виду Трапезунт, как родину св. Афанасия Афонского¹. Поскольку же сейчас первенство построенного тем кафоликона Великой Лавры среди балканских крестово-купольных триконхов отвергнуто (см. выше), то утрачивается и этот аргумент в пользу связи данного типа храмов с Малой Азией². В том же русле, Трапезунт-Афон, мыслила и Ж. Лафонтен-Дозонь — единственный исследователь, кто подошел к дискуссии о генезисе крестово-купольных триконхов с «малоазийской» стороны, включив в нее такой важный, но, увы, недооцененный учеными³ памятник, как Сарыджа Килисе.

Сарыджа Килисе. Каппадокийская пещерная церковь Сарыджа (Кепез) Килисе⁴ близ Агиос Прокопиоса (совр. Юрѓуп) — крестово-купольный храм типа вписанного креста простого (без вим) извода на четырех колоннах (рис. 11); восточные боковые апсиды превратились здесь в

¹ Σωτηρίου Γ. Χριστιανική και Βυζαντινή Αρχαιολογία. Т. 1. Αθήνα, 1942. Σ. 458.

² Не слишком удачной оказалась попытка А. Ю. Казаряна проследить кавказское влияние на триконхи «афонского типа» через кафоликон Ивиона (Казарян А. Ю. Триконховые крестово-купольные церкви в зодчестве Закавказья и Византии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., 2005. С. 13–30), так как теперь мы знаем, что последний копирует кафоликон Ватопеда, никак с Кавказом не связанный (см. выше).

³ Его упоминает только Мессис (*Μέσσης Β. Ναοί...* Т. 2. Σ. 104. Σημ. 341), но наряду с другими каппадокийскими триконхами иных типов и безо всякого анализа.

⁴ Как Сарыджа Килисе храм обозначают Г. Рот (*Rott H. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien*. Leipzig, 1908. S. 208–209) и Ж. Лафонтен-Дозонь (*Lafontaine-Dosogne J. Sarica kilise en Cappadoce // Cahiers archeologiques*. 1962. Vol. 12. P. 263–284), как Кепез Килисе — С.-Э. Воллэс (*Wallace S.-A. Byzantine Cappadocia: The Planning and Function of its Ecclesiastical Structures*. Diss. Canberra, 1991. Vol. II. P. 25–37).

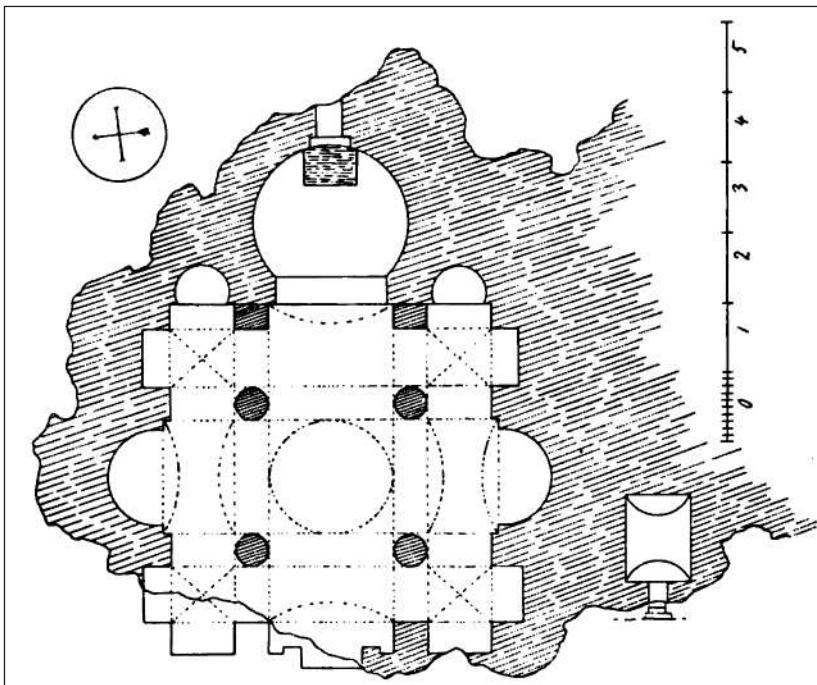

Рис. 11. Сарыджакилисе, план (по Г. Ротту)

высокие полукруглые арочные ниши. К северному и южному «рукавам» креста примыкают во всю их ширину и высоту апсиды, полукруглые в плане, в отличие от подковообразной формы восточной апсиды, вызванной необходимостью полностью заключить в себе алтарь. Северная и южная апсиды были в нижней своей части пробиты позднее склепами.

В архитектуре храма заметно старание подражать высококлассному наземному образцу: сплошной карниз под сводами «рукавов» креста (под малыми подпружными арками — импосты) и под барабаном, сам барабан высокий и разделан восемью скругленными арочными нишами,

угловые ячейки перекрыты крестовыми сводами, у колонн вытесаны базы и капители. В свою очередь, данный храм стал образцом для подражания при строительстве соседних церквей в том же комплексе: в двух из них (Кепез Дере 2а и 3) есть ниши вместо боковых апсид и аркада в барабане (в одном нарисованная охрой), а в одной (Кепез Дере 3¹) — дополнительные апсиды, но только обе подняты над полом наоса на полметра, а одна перемещена с севера на запад, что свидетельствует об утрате понимания триконхиального образца (об упрощении говорит и замена крестовых сводов на купольные).

Живопись Сарыджа Килисе Ж. Лафонтен-Дозонь датирует временем вскоре после середины XI в.², однако С.-Э. Воллэс, по такой архаической черте, как синтрон с горним местом, склонна относить само строительство храма к рубежу IX–X вв. Итак, Сарыджа Килисе — ясный пример средневизантийского крестово-купольного триконха в Центральной Анатолии. Лафонтен-Дозонь считала его представителем того малоазиатского типа, который св. Афанасий перенес на Афон, а само появление этого типа в Анатолии связывала с влиянием доарабской архитектуры Армении. Однако, как мы видели выше, гипотеза о первенстве св. Афанасия в строительстве триконхов на Афоне теперь отвергнута. Что же касается происхождения архитектуры Сарыджа Килисе, то в ней мы не видим никаких специфических закавказских

¹ Ibid. P. 60–73.

² Часть существующих датировок основана на недоразумениях или натяжках: датировка XIV в. у Г. де Жерфаньона и Х. Винер-Эмс (см.: *Wiener-Ems H. Die Sarica Kilise: eine Kirche der spätbyzantinischen Zeit in Kappadokien // Istanbuler Mitteilungen*. 1997. Bd. 47. S. 415–428) базируется на идее о влиянии триконхов «афонского типа», к тому же в старой их хронологии, и (у последней) на ошибочной датировке живописи, как и датировка XIII в. у итальянских исследователей (*Pelosi C. et al. The rock hewn wall paintings in Cappadocia (Turkey) // e-PS*. 2013. Vol. 10. P. 99–108), датировка живописи временем ок. 1100 г. у М. Рестле невозможна, если учесть, насколько близка к этой дате манцикерская катастрофа 1071 г. (см.: *Wallace S.-A. Byzantine... Vol. II. P. 25*).

черт (например, удлинения восточных и западных ячеек) — напротив, крестовые своды квадратных угловых ячеек, сплошной карниз, разделка купола скругленными нишами и синтрон с горним местом указывают на влияние византийского и даже константинопольского зодчества. Местным образцом для Сарыджа Килисе мог быть знаменитый соседний храм Св. Креста в Сирихе, хранивший реликварий с частицей Животворящего Древа и существовавший уже к началу X в.¹

Исламкёй. От внимания исследователей ускользнул еще один триконхиальный храм в самом сердце Анатолии — в писидийском Исламкёе, известный лишь по описанию и одной фотографии Г. Ротта (рис. 12): «Эти византийские рельефы, несомненно, происходят из бывшей христианской церкви посреди села, которая была превращена в мечеть. Ориентированная на восток трехнефная базилика на колоннах с подобными триконхам апсидами в восточной, северной и южной стенах, она сегодня полностью разрушена и перестроена со стороны портала, равно как и внутри; кроме того, варварским образом пробиты окна. Пилястры, сложно профилированные глухие арки и круглые ниши над ними оживляют фасады, которые сооружены из регулярно чередующихся поясов кирпича и квадров. Последние происходят из какой-то более древней постройки, возможно, некой первой церкви, тогда как наше сооружение уже хотя бы по своей технике можно отнести, самое раннее, к началу второго тысячелетия. Барабаны колонн, диаметром 0,6 м внизу, с византийскими капителями, украшенными крестами, лежат в интерьере, от системы опор которого сохранились только пилястры в стенах толщиной 0,9 м, указывающие, что его когда-то перекрывали своды. Базы, которые лежат перед входом, как кажется, несли на себе некогда колонны вестибюля. Глубоко профилированный, но сейчас

¹ Ahrweiler H. Sur la localisation du couvent de Timios Stavros de Syricha // *Geographica Byzantina*. Vol. 3. Paris, 1981. P. 9–15.

Рис. 12. Исламкей, вид на храм с юго-востока (фото Г. Ротта)

почти полностью разрушенный карниз обходил некогда все здание на высоте подоконника. Внутри я измерил ширину — 8,2 м, и длину — 12,5 м. Поскольку церковь стиснута домами, я смог сделать только один ее убогий снимок»¹.

По этому описанию церкви, а также по фотографии, на которой представлены ее наружный юго-восточный угол, восточная апсида и восточная часть южной апсиды, можно реконструировать в общих чертах облик здания. В его восточной части, на равном расстоянии от углов, северная, восточная и южная стены были прорезаны полукруглыми снаружи апсидами, разделанными изнутри тремя скругленными нишами наподобие триконха (были ли в толще восточной стены боковые апсиды, неизвестно). По сторонам от трех апсид размещались пилястры, причем как снаружи, так и внутри. На фасадах аналогичные пилястры были и на углах здания, а между ними были помещены сложно

¹ Rott H. Kleinasiatische... S. 10–11. Abb. 3.

профилированные двухступчатые плоские ниши: круглые наверху, над карнизом, отмечающем уровень пят малых подпружных арок, и узкие арочные под ним; аналогичными тремя арочными нишами, соответствующими трем нишам внутри (см. выше), были разделаны и все апсиды. В интерьере же на пилястры опирались малые подпружные арки, опускавшиеся другим концом на колонны, которые образовывали таким образом подкупольный квадрат и квадратные угловые ячейки. Такая конструкция крестово-купольного триконха, в его простом (без вим) изводе (о нем см. выше), исключает реконструкцию храма в качестве базилики, как ее описывает Ротт¹, очевидно, из-за удлинения его западной части на 4,3 м в интерьере и разрушения купола (вместе со сводами)². Если к западу от западных угловых ячеек на боковых стенах также размещались пилястры, то они могли отвечать как еще одной паре колонн, так и паре столпов: как бы то ни было, и те, и другие образовали три прохода из наоса в нартекс нормальной шириной ок. 3,5 м (4,3 м разницы минус 0,9 м внутренней стены), перекрывавшейся притолоками или сводами. С запада к храму, по всей видимости, примыкал колонный экзонартекс (рис. 13). Такая реконструкция церкви в Исламкёе как крестово-купольного триконха простого (без вим) извода совершенно точно соответствует устройству Сарыджа Килисе.

По фасадной декорации ближайшим аналогом нашему храму оказывается церковь Богоматери в константинопольском монастыре Константина Липса (904 г.) и собор в Маставре (совр. Дере-Агзы) в соседней Ликии: особенно показательны уникальные сложно профилированные круглые ниши типа *œil de bœuf*. Присутствует там и карниз на

¹ Впрочем, этот термин у Ротта не всегда обозначает собственно базилику: так, вышеупомянутую Сарыджа Килисе он называет «купольной базиликой» (*Ibid. S. 208*).

² Не поможет здесь и параллель с реконструкцией Влахернской базилики (см. выше): там мы видим не выступающие наружу апсиды, а экседры между центральным и боковым нефами.

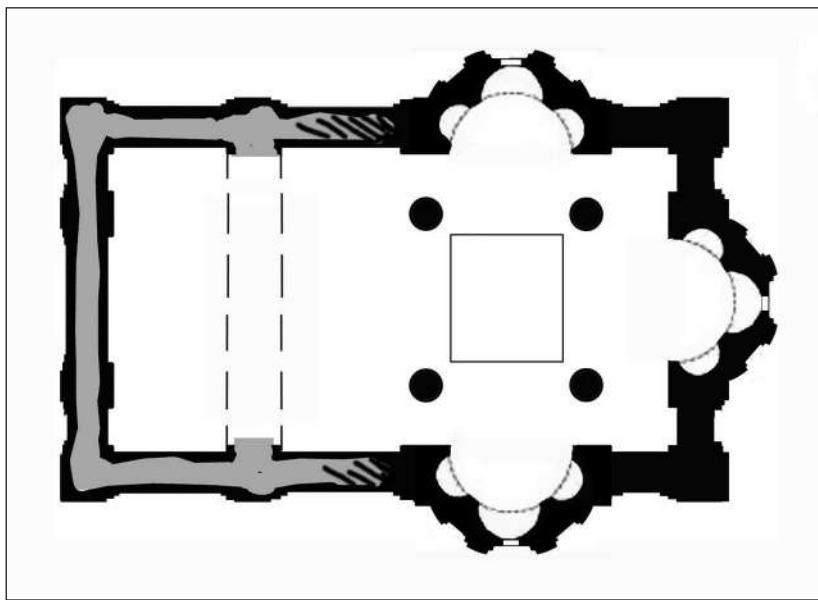

Рис. 13. Исламкей, план храма
(реконструкция Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова)

апсидах на уровне подоконников, и кладка *opus mixtum*, хотя ее характер в Исламкёе (5–7 рядов плинфы и 1 ряд квадров) схож скорее с кладкой фасадов в константинопольской Вефа Килисе Джами, не имеющей точной даты. Также весьма показателен прием разделки северной, восточной и южной апсид тремя нишами наподобие триконха: он встречается во всех апсидах столичного тетраконха Панагии Мухлиотиссы (нач. XI в.)¹ и в восточной апсиде церкви Синайтик в Адрианополе (совр. Эдирне, XII в.)², а также во всех трех апсидах Сан-Марко в Венеции (ок. 1063 г.), копирующего юстиниановский храм свв. Апостолов в Константинополе.

¹ См.: Marinis V. Architecture and ritual in the churches of Constantinople: ninth to fifteenth centuries. New York, 2014. P. 199–200.

² Gurlitt C. Die Baukunst Konstantinopels. Berlin, 1912. S. 37. Abb. 48.

Упомянутая Роттом надпись, вероятно, метрическая¹, была высечена на дверной притолоке, которая украшена на лицевой стороне рельефной аркадой с пальметтами и крестами: по стилю (как и архитрав алтарной преграды из соседних Агр²) и палеографии она датируется IX–X вв. Сам Исламкёй расположен между древним писидийским городом Селевкия Сидира и византийским городом Агры, куда между 787 и 869/70 г. переместилась епископская кафедра Селевкии³. Таким образом, вероятней всего, что крестово-купольный триконх простого извода (сопоставимый по времени с Сарыджа Килисе и храмами в болгарских Винице и Кырджали) в Исламкёе был построен в конце IX — начале X в., возможно, по столичному образцу и, очевидно, столичными мастерами. Причиной для появления столь высококлассных строителей можно считать оживление жизни здесь во второй половине IX в., отразившееся в переносе епископской кафедры из заброшенной Селевкии Сидиры в новый центр по соседству — Агры.

Влияние типа крестово-купольного триконха чувствуется также в триконхе, построенном в ранне- или средневизантийское время на месте римского тетракиония в кариийской Афродисиаде (рис. 14)⁴. В вынутые четверти внутренних углов здесь были вставлены (возможно, при перестройке X–XI вв.) колонны, не образующие, однако, полноценных угловых ячеек, что делает храм похожим на Св. Илию в Фессалонике.

¹ Возможна реконструкция в виде двух двенадцатисложников: Ἐποίσε e.g. τοῦτο τὸ ἔργον ἐν Χριστῷ Γαβριήλ, τῶν θεῶν [θερμῶς ἰκετεύων e.g. «Выстроил (?) это»] здание во Христе Гавриил, Бога [умоляя горячо (?)»]; cf.: Manuel II Palaeologus. Canon supplicationis 71; Feissel D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle. Athènes, Paris, 1983. N. 226; Ameling W. Die Inschriften von Prusias ad Hypium (Inscriptions griechischer Städte aus Kleinasiens; 27). Bonn, 1985. Nr. 119.

² Rott H. Kleinasiatische... S. 13. Abb. 4.

³ Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien (Tabula Imperii Byzantini; 7). Wien, 1990. S. 172, 283, 378.

⁴ Библ. см. в: Dalgıç Ö., Sokolicek A. Aphrodisias // The Archaeology of Byzantine Anatolia / Ed. by Ph. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 278. Note 78.

Таким образом, очевидно, что крестово-купольные триконхи в Малой Азии средневизантийского времени были известны и в Каппадокии, и в Писидии, и в Карии, и все они ориентировались на образец — судя по высокому уровню исполнения, столичный. Притом образец этот был простого (без вим) извода, что соответствует ранней стадии соединения триконха с крестово-купольным храмом на четырех колоннах, — в этом смысле не удивительно, что малоазийские крестово-купольные триконхи, все простого типа, опережают по времени афонские, преимущественно сложного типа. При этом следует помнить, что тема соединения храма типа вписанного креста с триконхом разрабатывалась в сопредельных Малой Азии кавказских областях: в доарабское время это происходило в армянских землях (с VII в.: Двин, Талин), а в послеарабский период — у грузинских

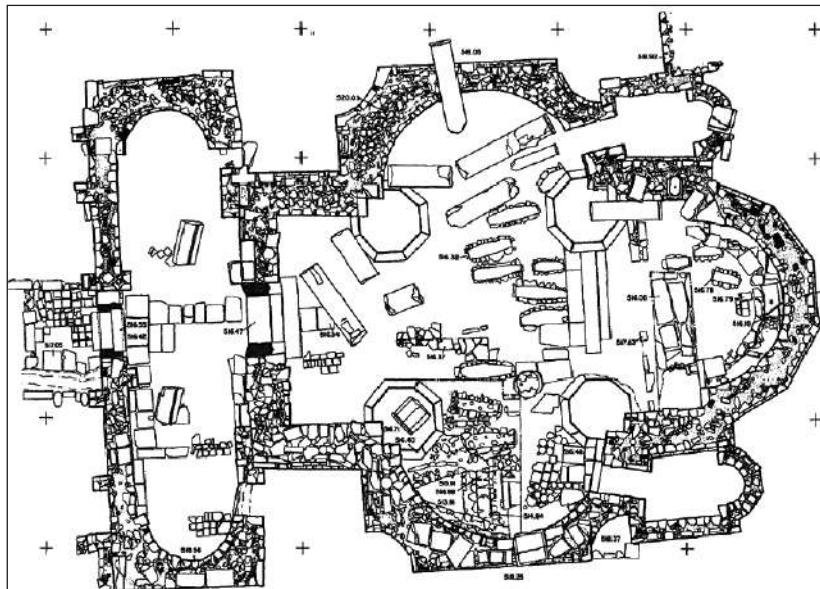

Рис. 14. Афродисиада, триконх на тетракионии, план (по О. Далгичу)

Багратидов (с 963 г.: Ошки, храм Баграта в Кутаиси; ср. также кахетинское подражание в Алаверди)¹. Однако прямую генетическую связь между этими памятниками и малоазийскими триконхами проследить не удается: нет сходства ни в типе крестово-купольного триконха (сложный <> простой), ни в выборе опор (столпы <> колонны), ни в завершении боковых нефов (изолированные пастофории <> разные варианты)², хотя квадратные угловые ячейки могут свидетельствовать о некотором византийском влиянии на грузинские триконхи (в ранних армянских триконхах они были прямоугольными). Итак, учитывая столичную архитектурную декорацию в Исламкёе и Сарыджа Килисе, приходится признать, что и тип простого крестово-купольного триконха пришел в Малую Азию из Константинополя, очевидно, вместе со строившими его мастерами.

Древняя Русь

Памятники домонгольской Руси обычно не рассматриваются в контексте дискуссии о крестово-купольных триконхах. Даже последнее их обобщение³ опирается, к сожалению, на уже устаревшие к настоящему моменту представления о генезисе крестово-купольных триконхов,

¹ См.: Казарян А. Ю. Триконховые...

² Сходство в разделке апсид полукруглыми нишами в Исламкёе и Алаверди мнимое, так как в последнем частично разделана ими только северная апсида (по подобию алтарных апсид других грузинских храмов), да и то лишь частично и из-за размещения здесь могилы ктитора, причем все апсиды у грузинских памятников такого типа вписаны в прямоугольник. Источник данной композиции в Алаверди — несомненно, зодчество Давида Куропалата и Баграта I (см.: Виноградов А. Ю. Христианское зодчество после арабов: в поисках новой идентичности. Абхазское царство, Тао-Кларджетия, Картли и Кахетия // Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М., 2017. С. 129).

³ Седов Вл. В. Афон и русская архитектура начала XIII в. (причины влияния) // Архитектура в истории русской культуры. М., 1996. С. 39–45.

а главное, не анализирует детально архитектурно-типологические особенности русских триконхов. А ведь на Руси существуют, как минимум, три памятника, формально относящихся к этому типу. Сразу следует оговориться, что с триконхами «афонского типа» не связан собор Рождественского монастыря во Владимире¹, где дополнительные апсиды примыкают к северной и южной стенам галерей, так как и их расположение (у галерей и не по оси купола), и их функция (для погребения и для лестницы) совершенно иные, чем на Афоне: ближайший аналог данному феномену — дополнительная апсида у южного обхода Св. Георгия в Манганах (1042–1055)².

Бельчицкий триконх. Первый из русских крестово-купольных триконхов — безымянный храм в Бельчицком монастыре Полоцка, разрушившийся еще в древности и частично раскопанный в конце XVIII в. при добыче песка (рис. 4.5)³; его остатки были видны еще в начале XX в. Храм был сложен из плинфы (в т. ч. лекальной для полуколонн) с бутовым заполнением из камня и цемяночного раствора с дробленым камнем⁴; в апсиде была очень глубокая яма, возможно, на месте крипты. При раскопках был сделан схематический план, на котором храм выглядит крестово-купольным триконхом, вытянутым по продольной оси, на

¹ Вопреки: *Иоаннисян О. М. Зодчество второй половины XII века // История русского искусства. Т. 2.2. М., 2015. С. 133; Седов Вл. В. Гора Афон и древнерусская архитектура // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума. М., 2017. С. 77–78.*

² См.: *Demangel R., Mambrony E. Le quartier des Manganes et la premier region de Constantinople. Paris, 1939. Pl. V.*

³ Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка. Деревянные церкви в г. Витебске // Труды 9 Археологического съезда в Вильне. Т. 1. М., 1895. С. 12; Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века // Краткие сообщения Института археологии. 1962. Вып. 87. С. 102–104; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 99.

⁴ У Павлинова сказано, что фракции толченого кирпича достигали величины «кедрового ореха»; у Воронина и Раппопорта орех превратился в грецкий.

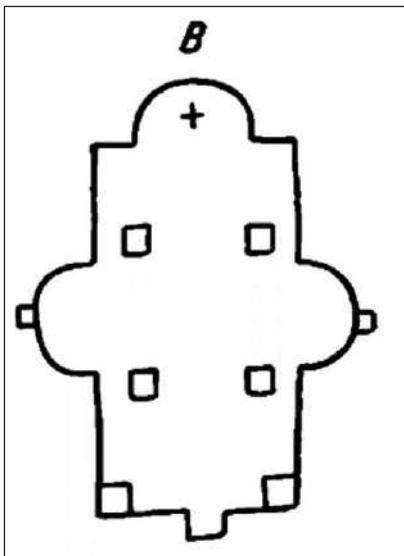

Рис. 15. Полоцк, триконх
в Бельчицком монастыре, план
(по П. А. Раппорту)

ха, а именно наличие проходов (с крыльцами?) по центру северной и южной апсид. Такая редкая черта (причем тоже с крыльцами) известна в кафоликоне Хиландара, построенном в начале XIV в. (а под его влиянием — в «моравской школе»), однако вероятно, что они были еще в первом хи-ландарском кафоликоне XI в.¹ Кроме того, сильно вытянутые в продольном направлении восточные ячейки напоминают крестово-купольные триконхи сложного извода (к которому относится и вышеупомянутый большой собор Бельчиц), однако такое удлинение бывает и в представите-лях простого типа (в Новгород-Северском и Путивле (см. ниже), а также в болгарском Кырджали²).

четырех квадратных стол-
пах. В западных углах на
плане показаны еще какие-
то квадратные столбы (пи-
лястры для хор?). Судя по
рисунку, в храм вели три
входа (с крыльцами?) по
центру западной, северной
и южной стен, т. е. в т. ч. и
через северную и южную
апсиды. Апсид по сторонам
от центральной нет, но на
их месте могли быть ниши
в толще стены (как в Бори-
соглебской церкви того же
монастыря).

При всей схематично-
сти плана конца XVIII в.
на нем видна одна особен-
ность бельчицкого трикон-
ха.

¹ Μέσσης В. Ναοί... Т. 2. Σ. 60–66. Σχ. 12–13.

² Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура на Първата българска държава. София, 1984. С. 155–159. Фиг. 106.

По свидетельству Павлинова, плинфа церкви имела тот же размер, что и плинфа большого монастырского собора, который датируется Н. Н. Ворониным 1120–1130-ми гг.¹, — это позволило последнему предложить датировку триконха тем же временем². П. А. Раппопорт датировал храм вначале осторожнее — XII–XIII вв.³, хотя позднее сузил датировку до 1140–1170-х гг.⁴ Седов в начале своей статьи относит бельчицкий триконх к постройкам конца XII — начала XIII в., вероятно, чтобы сблизить с храмами в Путивле и Новгород-Северском (о них см. ниже) и тем самым обосновать свою гипотезу об афонском влиянии на Русь в начале XIII в.⁵ Сходство размеров полоцкой плинфы, типичной для XII в.⁶, и строительной техники (плинфяная кладка с использованием бута в нижней части) не позволяет датировать бельчицкий триконх точнее в ряду других полоцких памятников.

Н. Н. Воронин связал возможное балканское влияние с византийскими связями княгини Евфросинии Полоцкой, однако у нас нет никаких свидетельств о ее связи с Бельчицами и их храмами. Связь же бельчицкого триконха с Евфросинией нужна была Воронину, чтобы доказать его монастырский характер, но следует помнить, что кресто-

¹ См.: *Раппопорт П. А. Русская архитектура...* С. 98. Его передатировка В. А. Булкиным на последнюю треть XI в. (Булкин В. А. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода // СОФИА: сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М., 2006. С. 89–100) вызывает сомнения, так как базируется на передатировке типологически связанного с ним храма Спаса на Берестове на 1060-е гг., не получившей поддержки у исследователей (см.: Комеч А. И. Архитектура конца X — середины XI века // История русского искусства. Т. 1. М., 2007. С. 378–379; Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа X–XIII вв.: опыт типологии // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. К., 2017. С. 96–126).

² Воронин Н. Н. К истории... С. 103.

³ *Раппопорт П. А. Русская архитектура...* С. 98.

⁴ Он же. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 84.

⁵ Седов Вл. В. Афон... С. 39

⁶ См.: Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа...

во-купольный триконх совсем не обязательно должен быть монастырской церковью: вриантский триконхиальный храм арх. Михаила был, например, дворцовым, а на Руси мы знаем такую церковь, как собор Путивля (см. ниже)¹. Кроме того, нахождение бельчицкого триконха рядом с большим собором показывает его вспомогательный характер, тогда как все ранние монастырские крестово-купольные триконхи — кафоликоны (первый парэкклисий такого типа — храм Богородицы Портактиссы в Иvironе, построен только в 1680 г.²). Наконец, и сами Бельчицы впервые упоминаются в Ипатьевской летописи под 1159 г. не как монастырь, а как резиденция князя Ростислава.

По своему плану бельчицкий триконх особенно близок полоцкому храму в Детинце и родственной ему смоленской церкви арх. Михаила: его отличает от них, по сути, лишь замена северного и южного зальных парэкклисиев на апсиды по образцу крестово-купольных триконхов. Церковь в детинце, сложенную из плинфы аналогичного формата и в аналогичной полубутовой технике, П. А. Раппопорт датирует по архитектурному сходству со смоленским храмом арх. Михаила (построен до 1197 г.) 1160–1180-ми гг., предполагая, что полоцкий мастер перешел позднее в Смоленск³. В Полоцке большую часть 1160–1170-х гг., после Василька-Рогволода Борисовича-Рогволодовича (1144–1151, 1159–1162), княжил Всеслав Василькович (1162–1167, 1167–1175, 1178–1180). Оба они, а также отец последнего Василько Святославич (полоцкий князь в 1132–1144 гг.), очень вероятно, были в числе полоцких князей, сосланных в Константинополь в 1130 г. Мстиславом Владимировичем. Были среди них, вероятно, и дядя обоих Васильков — Давыд Всеславич (полоцкий князь в 1101–1127, 1128–1129 гг.), и его сын Брячислав Изяславский, чья жена Аксинья (дочь Мстислава

¹ Ср.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 210.

² Μέσσης В. Ναοί... Т. 2. Σ. 109.

³ Rappoport P. A. Зодчество... С. 86.

Владимира Киявского), по сообщению Антония Новгородца, была погребена близ Константинополя, в монастыре прп. Даниила Столпника. Поэтому один из полоцких князей второй половины XII в. вполне мог ориентироваться при строительстве бельчицкого триконха на какой-то лично знакомый ему византийский образец¹, например, на храм арх. Михаила во Вриантском дворце или на один из афонских триконхов, хотя наличие крипты в восточной части бельчицкого триконха может указывать на его погребальный характер. Важно, что в таком случае речь идет о простом перенесении идеи крестово-купольного триконха из Византии на Русь, тогда как для ее воплощения вполне могло хватить сил местных мастеров (хотя их византийского — полного или частичного — происхождения исключать также нельзя).

Храм Спасского монастыря в Новгороде-Северском и собор в Путивле. Два аналогичных по плану и строительной технике крестово-купольного триконха были раскопаны в Черниговской земле: в детинце Путивля² (рис. 16) и в Спасском монастыре Новгорода-Северского³ (чуть большего размера; рис. 17), хотя как монастырь последний комплекс известен только с XVIII в. Новгород-северский

¹ Ср. возможный приход византийских мастеров в Витебск в 1140 г. (*Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века // Советская археология*. 1980. № 3. С. 157–158).

² Холостенко Н. В. Исследование памятника XII в. в г. Новгород-Северске // Сборник сообщений института «Киевпроект». Киев, 1958. № 1–2. С. 34–43; *Раппопорт П. А. Русская архитектура... С. 47–48; Коваленко В. П., Кузя А. В., Моця А. П. Работы Новгород-Северской экспедиции 1982 года // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 272; Кузя А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 60–61; Карнабед А. А. Новые данные о памятниках Чернигова XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 38–40.*

³ Богусевич В. А. Розкопки в Путивльском кремле // Археология. Киев, 1963. Т. 15. С. 165–174; Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле // Археологические открытия 1965 г. М., 1965. С. 154–156; *Раппопорт П. А. Русская архитектура... С. 47.*

триконх не имеет точной датировки, но судя по принципам профилировки пилястр, относится к концу XII — началу XIII в., а храм в Путевле, судя по нахождению строительного мусора непосредственно под слоем разрушения 1238 г., построен где-то в первой трети XIII в.

План обеих церквей аналогичен: это трехапсидные храмы простого варианта вписанного креста со значительно удлиненными угловыми ячейками, как в бельчицком триконхе, причем восточные отгорожены стеной от центральной ячейки, что типично в т. ч. для Чернигова. К основному объему примыкает с запада притвор (вероятно, в обоих случаях открытый внутрь), а с севера и юга — две дополнитель-

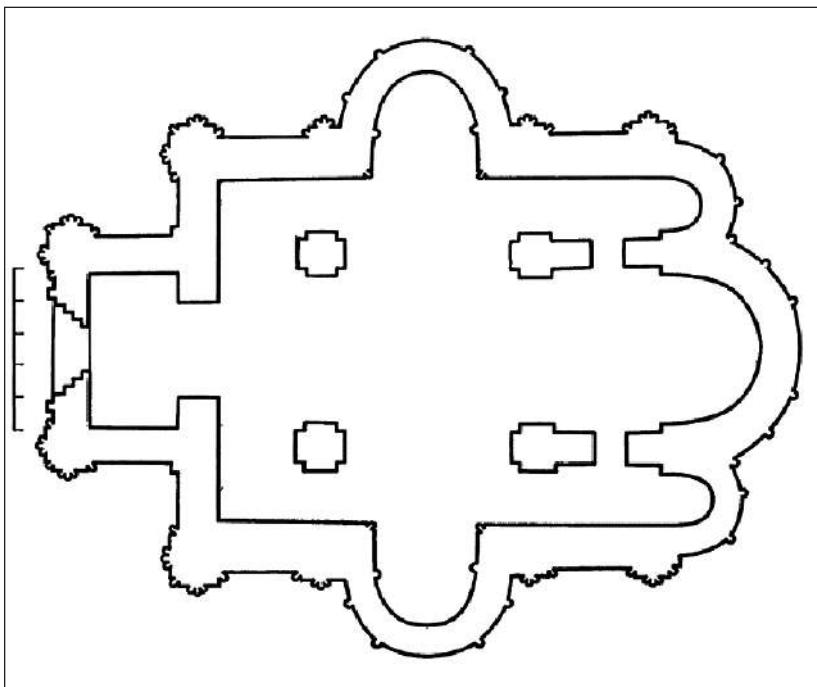

Рис. 16. Новгород-Северский, храм в Спасском монастыре, план
(по Б. А. Рыбакову)

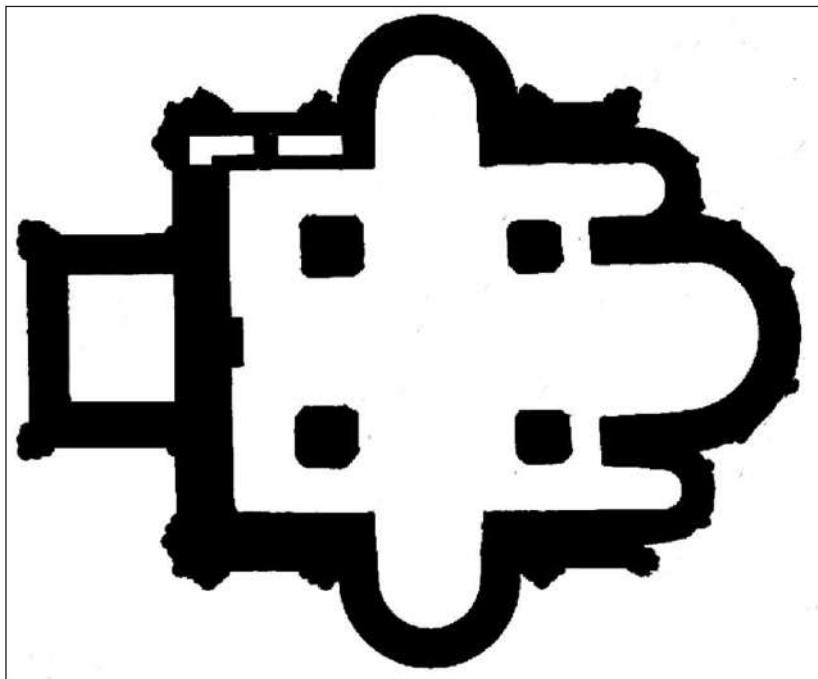

Рис. 17. Путивль, храм в детинце, план (по А. А. Карнабеду)

ные апсиды, причем внешнее и внутреннее закругление апсиды начинается только с линии фасада, из-за чего внутри они имеют U-образную форму. Идентично в обоих храмах и размещение сильно развитых пучковых пилястр и полуколонн на фасаде. Правда, в новгород-северском триконхе фасадный декор усложнен: добавлены закругленные тяги на углах и стенах северной и южной апсид, усложнен профиль пучковых пилястр.

Новгород-северский и путивльский триконхи отличают две планировочные особенности. Первая — это U-образная внутренняя форма северной и южной апсид, которая в крестово-купольных триконех Балкан появляется впервые в

кафоликоне монастыря Кутулмуш на Афоне (1370–1378)¹; впрочем, нельзя исключать, что U-образные северная и южная апсиды старого кафоликона (ок. 1000 г.) афонского монастыря Ксенофонт² были добавлены еще в конце XI в.³ Вторая — значительное удлинение угловых ячеек наоса (в пропорции, близкой 1:2, кроме западных ячеек в Путивле), не характерное для домонгольского зодчества Руси и встречающееся менее чем в десятке памятников⁴, из которых следует особо выделить близкие нашим храмам по декору Пятницкие церкви в Смоленске (нач. XIII в.) и особенно в Чернигове (кон. XII — первая треть XIII в.)⁵.

Последнюю объединяет с путинским триконхом и аналогичная профилировка пилястр, и редкая форма столпов — квадратная со скошенными углами, причем идентичного размера; схожи в них и знаки на плинфе. В свою очередь, П. А. Раппопорт приписал Пятницкую церковь Чернигова артели Петра Милонега, работавшей на князя Рюрика Ростиславича и пришедшей, возможно, из Гродно, где также известны не встречающиеся нигде более квадратные столпы со скошенными углами⁶.

Появление артели Петра Милонега в Чернигове Раппопорт связывал с княжением Рюрика в Черниговской земле в 1210–1215 гг.⁷ Сторонники же гипотезы о смерти Рюрика в 1208 г. в Киеве предполагают переход его артели к победившему Рюрику представителю черниговской династии Всеволоду Святославичу Чермному, который вместе с бра-

¹ Μέσσης В. Ναοί... Σ. 85. Σχ. 18.

² Ibid. Σ. 54. Σχ. 8

³ Μαμαλούκος Σ. Το καθολικό... Σ. 292.

⁴ В Св. Василии в Киеве, малом храме Зарубинец, церкви в Турове, Успенском соборе Владимира-Волынского, церкви в Василеве, храме в Новогрудке.

⁵ О них см.: *Rappoport P. A. Русская архитектура...* С. 44–45, 88.

⁶ В Нижней (2 пол. XII в.), Пречистенской и Борисоглебской (кон. XII в.) церквях.

⁷ *Rappoport P. A. Архитектура средневековой Руси: Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения.* СПб., 2013. С. 145.

том Глебом построил Пятницкую церковь в Чернигове¹, в пользу чего говорит наличие на плинфе Пятницкой церкви княжеских знаков старших Ольговичей. В любом случае, Пятницкая церковь была построена где-то в 1208–1217 гг. Но как мастера Пятницкой церкви могли оказаться в Путинье? Откуда пришли строители триконха в Новгороде-Северском? И, наконец, какой из этих триконхов построен первым?

Поскольку архитектурная археология не может ответить на эти вопросы, попробуем найти их решение в политической истории Черниговской земли. Как политический центр Новгород-Северский был значительно важнее Путиня: это был второй по значению стол Черниговской земли, где обычно сидел старший представитель Игоревичей — младшей ветви Ольговичей, которой принадлежал и Путинль. Однако в 1206 г. или вскоре после этого и до 1226 г. Новгород-Северский оказался в руках представителей старшей ветви Ольговичей, к которой принадлежали вышеупомянутые Всеволод и Глеб Святославичи, добившиеся для представителя младшей линии Владимира Игоревича важного стола в Галиче. После его отъезда в Новгороде-Северском правил сперва, очевидно, младший брат Глеба Мстислав, а с 1216 г., когда он стал Черниговским князем, его племянник Михаил и, наконец, после 1223 г. сын последнего².

Что же касается Путиня, то маловероятно, чтобы высококлассная артель строителей Пятницкой церкви в Чернигове — откуда бы они ни были — беспринципно перешла от старшей ветви Ольговичей к младшей — скорей, это Путинль оказался на некоторое время в руках старшей ветви рода. Логичней всего связать это с повторным отъездом местного князя Владимира Игоревича в Галич в 1209 г. (где

¹ Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. Cambridge, 2003. P. 281–284.

² Ibid. P. 304.

он и погиб в 1211 г.): так как старший сын Владимира Изяслав также уехал княжить в Теребовль, а все Игоревичи погибли в 1210–1211 гг., кроме Олега Курского, который тогда был, очевидно, еще мал, то Путивль, как и Новгород-Северский, мог временно отойти старшей ветви Ольговичей, помогавшей Владимиру в окняжиться в Галиче. Большая близость пущивльского триконха к Пятницкой церкви в Чернигове указывает на то, что он был построен вскоре после нее, т.е. где-то в 1210–1225 гг.

Очевидно, что явное сходство соседних и близких по времени триконхов в Путивле и Новгороде-Северском (см. выше), при строительстве которых работали, однако, разные строители и плинфоторители, указывает на подражание одного триконха другому. Но какой из них был построен первым, выяснить сложно: возможно и то, что старшие Ольговичи подражали в Путивле более раннему новгород-северскому триконху (как считают Вл. В. Седов и др.), построенному Игоревичами до 1206 г. или самими старшими Ольговичами после этого, и то, что в Новгороде-Северском старшие Ольговичи, в 1206–1226 гг., или Игоревичи, после 1226 г., подражали недавно построенному пущивльскому триконху.

У Игоревичей контакты с Византией не известны, а вот представители старшей ветви Ольговичей с империей были связаны напрямую: в 1194 г. к Евфимии, дочери вышеупомянутого Глеба Святославича, сватался византийский «цесаревич». Кроме того, матерью Глеба и Мстислава Святославичей, правивших в Черниговской земле во второй половине 1210-х – 1220-х гг., была дочь полоцкого князя Василька Святославича и, соответственно, сестра Всеслава Васильковича, при которых, вероятно, был построен бельчицкий триконх (см. выше), близкий по форме (ср. вытянутость угловых ячеек) новгород-северскому и пущивльскому. Как и в Полоцке (см. выше), здесь могло иметь место заимствование из Византии или даже из Полоцка лишь идеи

крестово-купольного триконха — возможно, как погребального храма (ср. выше, о бельчицком и северском триконхах) — которая была реализована силами местной артели. Принимая во внимание эти связи старших Ольговичей и с Византией, и с Полоцком, вероятней, что именно они заказали первый триконх на Черниговщине — в Путивле, воздигнутый между 1215 и 1225 г. строителями Пятницкой церкви в Чернигове. Учитывая же отличие знаков на северской плинфе от знаков в Путивле, предпочтительней считать триконх в Новгороде-Северском постройкой Игоревичей, возведенной после 1226 г. (т.е. при Олеге Курском) и подражающей путивльскому триконху старших Ольговичей.

Тогда получается, что сначала в Полоцке был скопирован византийский прототип, потом в черниговской земле был построен один триконх (в Путивле?) по образцу византийского или полоцкого, а затем — в подражание ему другой (в Новгороде-Северском?), причем каждый раз триконхи строили разные мастера — на Черниговщине, явно, местные. По крайней мере, такая версия выглядит правдоподобнее, чем предполагаемое Вл. В. Седовым некое общее афонское влияние на Русь после 1204 г., о котором ничего более не известно. П. А. Раппопорт¹ предполагал, что русский зодчий триконхов или, по крайней мере, их заказчик должен был посещать Афон, однако, как кажется, здесь вполне достаточно и знакомства заказчика с неким крестово-купольным триконхом, причем совсем не обязательно именно афонским — им мог быть и константинопольский, и малоазийский триконх, а для черниговских храмов — даже триконх Бельчиц. Более того, в отличие от подавляющего большинства афонских триконхов, русские триконхи — крестово-купольные храмы не сложного, а простого (без вим) типа, которые мы встречаем как раз в Малой Азии.

¹ См.: Раппопорт П. А. Архитектура средневековой Руси... С. 71–72, 120–121.

Наконец, храм в Путивле — городской собор, а монастырский характер бельчицкого и новгород-северского триконхов в домонгольское время весьма сомнителен, что, опять же, ставит под вопрос концепцию афонского влияния на них.

Заключение

Итак, наш обзор крестово-купольных триконхов вне Балкан показал, что этот архитектурный тип фиксируется и в других областях византийского мира, причем одновременно с первыми афонскими триконхами или даже раньше. Несомненно присутствие крестово-купольных триконхов в Малой Азии (Исламкёй в Писидии и Сарыджа Килисе в Каппадокии), причем с местными модификациями (в карийской Афродисиаде). При этом все эти анатолийские памятники вряд ли могут происходить от афонских триконхов и по хронологии, и потому, что имеют в основе план простого, а не сложного вписанного креста (в кафоликоне же Великой Лавры совсем другая форма опор). Эта черта отличает их и от крестово-купольных триконхов Закавказья, как доарабских армянских, так и послеарабских картвельских. В Исламкёе конструкция (разделка апсид трёх полукруглыми нишами, сплошные карнизы, в т. ч. под окнами) и декорация (*opus mixtum*, ниши типа *oeil de bœuf*) указывают на Константинополь как родину их мастеров.

В самой столице крестово-купольные триконхи также, по всей вероятности, существовали. При этом обе известных нам постройки такого типа относятся к одному и тому же времени и были сооружены по заказу императора Феофила (829–843) для его дворцов: Большого Константинопольского и Вриантского, отсылая к античной традиции дворцовых залов. Первая была светским залом для приемов, возможно, сложного извода вписанного креста, а вто-

рая — дворцовым патрональным храмом, с двумя дополнительными алтарами в боковых «нефах». Во втором случае создание триконха во дворце «на арабский лад» связывается с именами зодчего Патрикия и будущего патриарха Иоанна Грамматика.

Именно Константинополь, где могли быть представлены как сложный, так и простой вариант крестово-купольного триконха, и стал, вероятно, центром распространения этого типа по империи. На Балканах доминирует его сложный извод, хотя простой также присутствует с раннего времени (кафоликон Великой Лавры на Афоне); в Малой Азии мы видим только второй. Последний вариант попадает и на Русь, где впервые мы видим крестово-купольный триконх в Бельчиках под Полоцком. В первой трети XIII в. еще два крестово-купольных триконха, под влиянием Византии или Бельчиц, возникают в Черниговской земле (в Новгороде-Северском и Путивле). При этом во всех трех случаях мы видим в остальных параметрах сходство триконхов с местными храмами типа вписанного креста, т. е., по всей видимости, византийская идея была реализована преимущественно местными мастерами в рамках локальной архитектурной традиции, методом трансформации региональных храмовых типов, что объясняет в т. ч. некоторые странности (например, проходы в боковых апсидах в Бельчиках, У-образную форму боковых апсид на Черниговщине). Полоцкий храм мог быть дворцовым (как Врангский) или погребальным, а черниговские были, по всей видимости, городскими соборами.

Итак, для крестово-купольных триконхов Балкан, Малой Азии и Руси архитектурным источником был, по всей вероятности, Константинополь. Но в этой связи возникает другой вопрос: как и когда появился этот тип в самой столице? Существовал ли он до Феофила и как соотносится с армянскими крестово-купольными триконхами VII в.: собором в Двине (640-е гг.) и копирующим его собором в

Талине (2 пол. VII в.)¹? Армянские храмы принадлежат к сложному изводу данного типа и демонстрируют ряд специфических особенностей. Часть их (например, изолированные пастофории и обязательные боковые входы) может быть объяснена общими приемами доарабской армянской архитектуры. Значительное удлинение по оси запад-восток объясняется тем, что триконх в Двине был построен на основаниях старой базилики, а в Талине — копированием двинского собора. Важно также отметить, что дополнительные боковые апсиды воспринимались здесь как обособленные, непроходные компартименты (что привело к устройству боковых входов по сторонам от них).

Поднятый выше вопрос усложняется тем обстоятельством, что не ясно и происхождение планов данных армянских соборов². Теоретически здесь рассматривалось два пути, причем оба эволюционистские. Первый — усечение на одну апсиду (западную) и удлинение по оси запад-восток плана Эчмиадзина-Багарана. Этому, однако, противоречат высокая степень центричности такого плана и восприятие в нем дополнительных апсид как проходных компартиментов. Второй путь — наоборот, добавление боковых апсид к плану типа вписанного креста типа Багавана-Мрена. Однако в таком случае сложно объяснить происхождение этих апсид: в плане Эчмиадзина-Багарана, как указывалось выше, они проходные, равно как и в других значительных типах с дополнительными боковыми апсидами (типе Авана-Рипсиме и типе Мастары).

Эта «непроходимость» боковых апсид говорит в пользу того, что данный тип имеет общее происхождение с византийскими крестово-купольными триконхами, где проходы в них — редкое исключение (см. выше). По мнению армян-

¹ Казарян А. Ю. Церковная архитектура... Т. II. С. 479–491; Т. III. С. 146–183.

² К сожалению, А. Ю. Казарян обошел молчанием этот сложный вопрос в своем фундаментальном труде об армянской архитектуре VII в. (Там же).

ских историков архитектуры, в пользу связи плана Двина с Византией говорит и нетипичное для Армении устройство прохода из пастофориев в центральную виму, а не в «неф»¹. Кроме того, в византийском мире план крестово-купольного триконха мог легко удлиняться или укорачиваться по оси запад-восток (см. выше), что объяснило бы его удлинение в Армении VII в. Наконец, о существовании такого крестово-купольного триконха на ранневизантийском Востоке говорит его появление и трансформация в Нубии начала VIII в. (см. выше).

Таким образом, можно осторожно предположить, что и тип крестово-купольного триконха был принесен в Армению из Византии, вероятно, католикосом Нерсесом III Строителем, ориентировавшимся при восстановлении своего собора в Двине на какой-то важный сирийский образец, как и в случае Звартноца. Эта предполагаемая сирийская традиция крестово-купольных триконхов могла стать основой и для усложненного его варианта в омейядском дворце, построенном при участии греческих зодчих. В свою очередь, тот повлиял, вероятно, на константинопольское зодчество эпохи Феофила, когда этот тип и появился в столице, чтобы затем, самое позднее, с X в., перейти и в другие провинции империи.

С другой стороны, эти сирийские крестово-купольные триконхи находят ближайшую параллель в крестово-купольных тетраконхах, аналогичных по устройству и восходящих, очевидно, к раннему образцу, которые распространены как в доарабской Армении (Багаран), так и, с IX в. на Западе, где они порой приобретают форму триконхов (перестройка Сан-Сатиро в Милане, храм в монастыре делла Пустерия в Павии)². То обстоятельство, что все эти храмы

¹ Там же. Т. II. С. 481.

² См.: *Dimitrokallis G. Osservazioni sull'architettura di San Satiro a Milano e sull'origine delle chiese tetraconche altomedioevali // Archivio storico lombardo. Vol. 95. 1968. P. 127–140.*

относятся к простому изводу вписанного креста, говорит в пользу первичности этого варианта и для византийских крестово-купольных триконхов — их сложный извод выработался уже в столичной или даже балканской традиции средневизантийской архитектуры.

Итак, на примере крестово-купольного триконха мы видим всю сложность и неоднозначность процесса формирования новой архитектурной идентичности империи после окончания «темных веков». Подражая залам арабских дворцов, Иоанн Грамматик и зодчий Патрикий строят для императора Феофила два таких триконха, причем один как парадный зал дворца, а другой как семейный храм. Легко опознанный как греко-римский по своему происхождению и потому воспринятый столичной архитектурой, крестово-купольный триконх быстро модифицируется, демонстрируя разные изводы (с вимами и без них), и распространяется по империи, как на запад (Афон и затем Греция и Сербия), так и на восток (Каппадокия, Писидия) и на север (Русь). Попадая на новую почву, этот тип храма зачастую становится маркером локальной архитектурный идентичности (на Афоне, в «моравской школе», в Кепез Дере, на Черниговщине), но зачастую теряет со временем связь со своим константинопольским прототипом и «врастает» в традиции местного зодчества. Не став доминирующим нигде, кроме Афона, крестово-купольный триконх демонстрировал в провинциях и на периферии Византии скорее архитектурную связь со столицей и ее престижными постройками, а через это — с античным и ранневизантийским культурным наследием.

Михалис Каннас

АРХИТЕКТУРНЫЙ «ИДИОЛЕКТ» ФЕССАЛОНИКИ В СРЕДНЕ- И ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕРИОДЫ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

В 1916 г., в рамках своего фундаментального труда по «элладской школе», знаменитый византинист Габриэль Милле предпринял первую попытку распределить византийскую архитектуру по отдельным географическим областям, базируясь на их типологических, морфологических и структурных характеристиках¹. Опираясь главным образом на свои пионерские исследования сотен византийских памятников, которые Милле осмотрел во время своих многочисленных путешествий по Греции, Турции и Балканам, он выделил две основные школы: константинопольскую и греческую, или точнее «элладскую»². Под термином «школа» он подразумевал скорее нечто подобное косяку рыб (которые объединяются вместе на основе своего сходства), чем образовательное учреждение:

¹ Millet G. L'école grecque dans l' architecture byzantine. Paris, 1916.

² Vocopoulos P. L. The Role of Constantinopolitan Architecture during the Middle and the Late Byzantine Period // JÖB. 1981. Bd. 31/2. S. 558. Anm. 30.

архитектурные навыки приобретались благодаря участию в артели, а не собственно в школе¹. Как бы мы ни называли данный феномен, речь идёт о примечательной архитектурной преемственности.

Хотя с тех пор минуло столетие и появились бесчисленные публикации византийских памятников, международное академическое сообщество сохранило эту изначальную классификацию, предложенную великим французским учёным.

Фессалоника вместе с большей частью Центральных Балкан и Северо-западной Малой Азией была включена им в область, которая составляла так называемую константинопольскую школу². В обобщающих монографиях ее памятники представлялись наряду с памятниками Константинополя, а в некоторых исследованиях их сходства переоценивались, в то время любые отличия оставлялись без внимания и, конечно, не комментировались³.

Первым, кто высказал некоторые оговорки касательно роли Фессалоники в византийской архитектуре, был греческий академик Панайотис Вокотопулос. В статье о церквях второго города империи он вышел за рамки документирования их связей с архитектурной традицией столицы, перечислив ряд морфологических особенностей, которые раскрывают их особую связь с некоторыми памятниками Южной Греции⁴. Позднее в своей докторской диссертации Георгиос Веленис указал на значительные расхождения в

¹ Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton, 1999. P. 49–57.

² Millet G. L'école grecque... P. 57.

³ Mango C. Byzantine Architecture. New York, 1976. P. 155–156; Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture, 4th ed. revised by R. Krautheimer and Sl. Ćurčić. Kingsport, 1986. P. 373–375; Μπούρας Χ. Βυζαντινή και Μεταβυζαντινή αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Αθήνα, 2001. Σ. 199–204.

⁴ Βοκοτόπουλος Π. Λ. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης και η θέση τους στα πλαίσια της βυζαντινής ναοδομίας // Η Θεσσαλονίκη μεταξύ Ανατολής και Δύσης, Πρακτικά Τεσσαρακονταετηρίδος της Εταιρίας Μακεδονικών Σπουδών (30 Σεπτεμβρίου – 1 Νοεμβρίου, Θεσσαλονίκη 1980). Θεσσαλονίκη, 1982. Σ. 97–110.

практике строительства между одноовременно возведенными церквями в этих двух городах¹. Он же, углубившись в эту проблему в своих более поздних исследованиях, подробнее рассмотрел отличительные черты архитектурной традиции Фессалоники и даже предположил существование — не ранее средневизантийского периода — независимой школы в македонском регионе, сосредоточенной вокруг Фессалоники. Эта точка зрения вызывала и продолжает вызывать активные споры среди византинистов².

Совсем недавно Слободан Чурчич в своей монументальной монографии об архитектуре Балкан от Диоклетиана до Сулеймана Великолепного, расширил наши представления о том, что составляет «локальный стиль» второго города империи в эпоху Палеологов. Он связал истоки зодчества поздневизантийской Фессалоники с архитектурной традицией двух более ранних периферийных центров XIII в. — Арты и Никеи³.

В этом эссе я пытаюсь сфокусироваться на наиболее важных сохранившихся памятниках города средне- и поздневизантийского периодов (рис. 18), и, учитывая, что сходства были уже показаны в достаточной степени,

¹ Βελένης Γ. Ερμηνεία του εξωτερικού διακόσμου στη βυζαντινή αρχιτεκτονική, Διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 239–296.

² Velenis G. Building Techniques and External Decoration During the 14th Century in Macedonia. // *L'art de Thessalonique et des pays Balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle. Recueil des raports du IVe colloque Serbo-Grec* (Belgrade 1985). Belgrade, 1987. P. 95–105; *Idem. Macedonian School in Architecture of the Middle and Late Byzantine Period* // *Byzantium: Identity, Image and Influence*, XIX International Congress of Byzantine Studies / Ed. by K. Fledelius. Vol. I. Copenhagen, 1996. P. 500–505; *Idem. Η αρχιτεκτονική Σχολή της Μακεδονίας κατά την μέση και ύστερη Βυζαντινή περίοδο* // *Σύναξη*. 1997. Τ. 63. Σ. 49–59; *Idem. Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης. Αισθητική προσέγγιση* // *Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρη Κίσσα. Θεσσαλονίκη*, 2001. Σ. 1–25; *Idem. Μεσοβυζαντινή ναοδομία στη Θεσσαλονίκη. Μνήμη Μανόλη Χατζήδακη*. Αθήνα, 2003.

³ Čurčić S. Architecture in the Balkans. From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven — London, 2010. P. 545–559. См. также: *Idem, The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Architecture in the Balkans* // *Dumbarton Oaks Papers*. 2003. Vol. 57. P. 65–84.

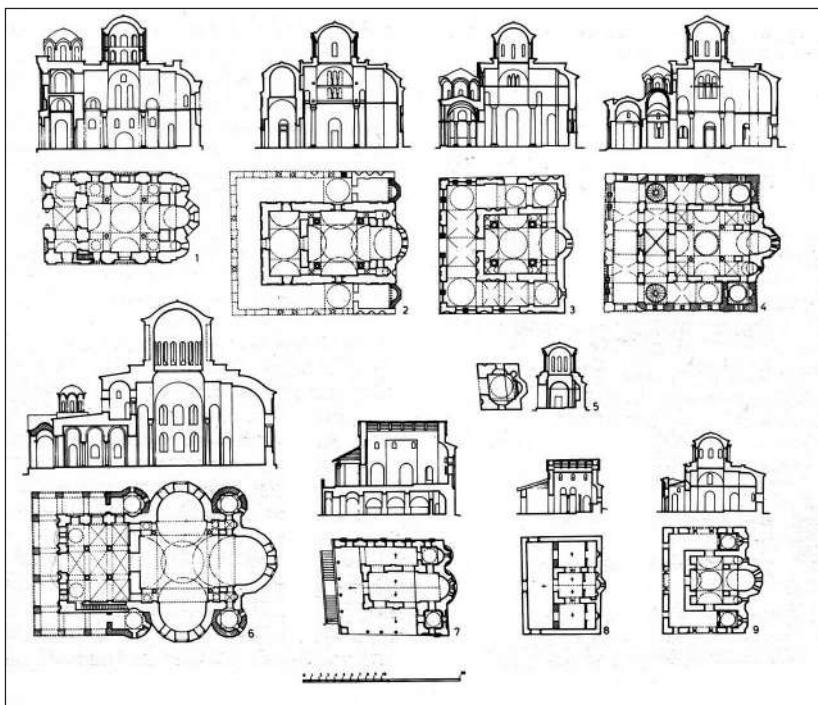

Рис. 18. Планы церквей в Фессалонике:

1. Панагия тон Халкеон; 2. церковь св. Пантелеймона;
3. храм св. Екатерины; 4. церковь свв. Апостолов;
5. церковь Преображения близ Камары; 6. церковь пророка Илии;
7. церковь свв. Таксиархов; 8. церковь св. Николая Орфаноса;
9. монастырь Влатадон (по П. Милонасу).

подчеркну, чем они отличаются от константинопольской традиции¹.

¹ Я не буду упоминать храмы, которые были раскопаны в последние десятилетия, например, под современной церковью Святой Феодоры (Министерство культуры Греции, 9-й Эфорат византийских древностей, Фессалоники; Σωστικές Ανασκαφές 1999–2000. Θεοφαλούκη, 2001. Σ. 8) или большой крестово-купольный храм с галереей в Верхнем городе, так как подробная публикация их археологических данных все еще не завершена.

Свидетельства о памятниках средневизантийского периода в Фессалонике скучны, но достаточны, чтобы позволить нам описать основные направления ее архитектурного развития. Наиболее важные памятники этого периода, в хронологическом порядке, — это парэклисий святого Евфимия¹, который был убедительно датирован концом X в. (рис. 19), и церковь Панагия тон Халкеон² (илл. 3.1), возведение которой надпись надежно датирует 1028 г.³ Средневизантийские строительные фазы могут быть надежно прослежены только в соборе Святой Софии⁴, но, вероятно, присутствуют и в группе более поздних памятников, например, в изначальном ядре кафоликона монастыря Влатадон⁵, в крипте церкви, ныне посвященной Таксиархам⁶, в главной церкви Святого Николая Орфаноса⁷ и в некоторых дру-

¹ Μουτζόπουλος Ν. Το παρεκκλήσιο του Αγίου Ευθυμίου στη βασιλική του Αγίου Δημητρίου, Χριστιανική Θεοσαλονίκη // Γ' Επιστημονικό Συμπόσιο, Ιερά Μονή Βλατάδων (18–20 Οκτωβρίου 1989). Θεοσαλονίκη, 1991. Σ. 154–158; Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 8–16; *Idem*. Ο γλυπτός διάκοσμος της Παναγίας των Χαλκέων στη Θεοσαλονίκη // La sculpture byzantine, VIIe–XIIe siècles, Actes du colloque international organisé par la 2e Ephorie des antiquités byzantines et l'École française d'Athènes, 6–8 septembre 2000 / Ed. par Ch. Pennas, Ch. Vanderheyde (BCH. Suppl.; 49). Athènes — Paris, 2008. P. 231–247; Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 371–373.

² Εναγγελίδης Δ. Η Παναγία των Χαλκέων. Θεοσαλονίκη, 1954; Mango C. Byzantine Architecture... P. 113–115; Krautheimer R. Architecture... P. 373–374; Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 16–33.

³ О метрической надписи церкви Панагия тон Халкеон см., среди прочего: Rhöby A. Byzantinische Epigramme auf Stein, nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2. Wien, 2014. S. 384–388 (там же см. библиографию).

⁴ Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 100–104.

⁵ Ξυγγόπουλος Α. Τέσσερες μικροί ναοί της Θεοσαλονίκης εκ των χρόνων των Παλαιολόγων. Θεοσαλονίκη, 1952. Σ. 47–62, 79–85; Αθανασούλης Δ., Κάπτης Μ. Σταυροειδείς εγγεγραμμένοι με συνεπτυγμένο δυτικό σκέλος // Αφιέρωμα στον ακαδημαϊκό Παναγιώτη Λ. Βοκοτόπουλο. Αθήνα, 2015. Σ. 80. Εικ. 2.

⁶ Χαδζιτρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο στην υστεροβυζαντινή εκκλησιαστική αρχιτεκτονική, Σχεδιασμός — Λειτουργία. Θεοσαλονίκη, 2004. Σ. 294–296; Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 107; Mantopoulos-Panagiotopoulou Θ. Το χρονικό των επεμβάσεων στον ναό των Ταξιαρχών στη Θεοσαλονίκη κατά τη δεκαετία 1950–60 // Κίτιωρ. Αφιέρωμα στον δάσκαλο Γεώργιο Βελένη. Θεοσαλονίκη, 2017. Σ. 183–196.

⁷ Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 107–111.

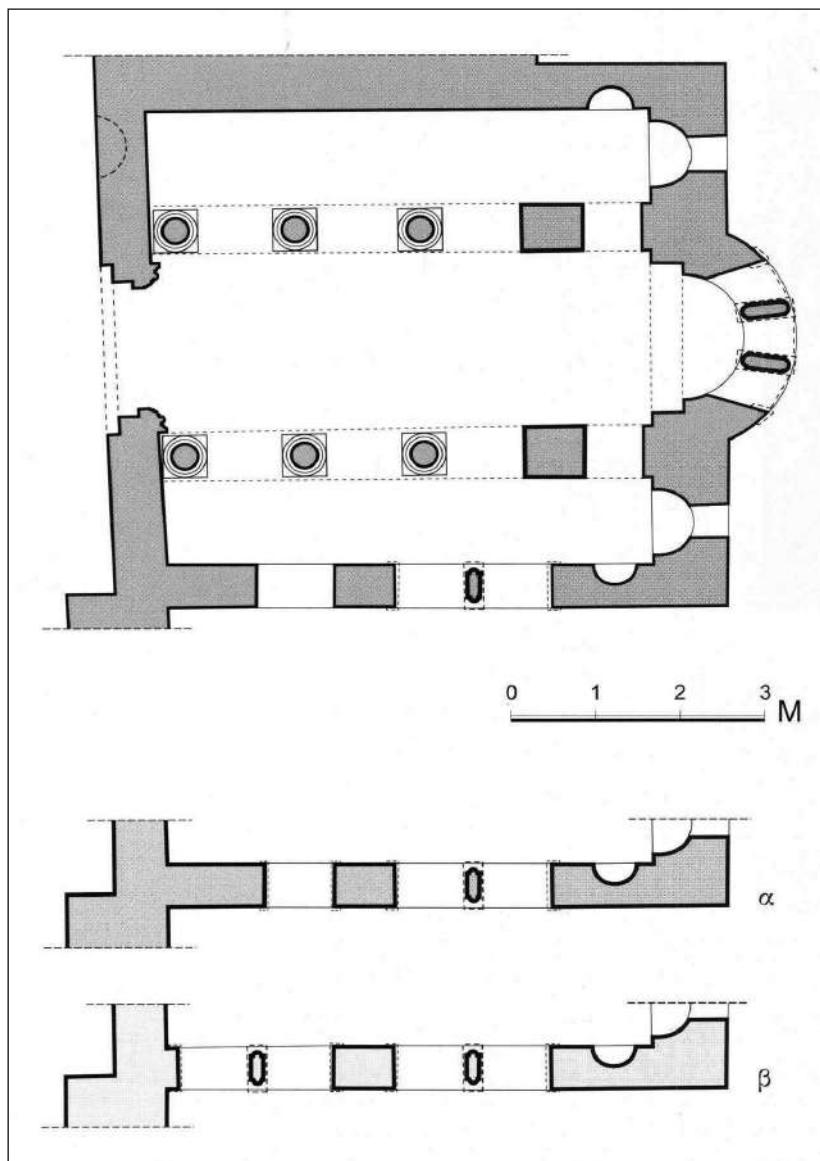

Рис. 19. Фессалоника, придел св. Евфимия, план (по Г. Фустерису)

гих случаях. Еще один памятник, небольшая церковь Спасителя в соседнем Хортиатисе (илл. 3.3), также дает ценную информацию по данному вопросу¹.

Панагия тон Халкеон дала наиболее убедительное доказательство для сторонников идеи, что архитектура Фессалоники полностью зависела от архитектуры Константинополя², вероятно, отчасти из-за аристократического происхождения её ктитора — некоего Христофора, протоспафария и катепана Лагувардии в Южной Италии³. Действительно, типологически Панагия тон Халкеон представляет собой типично константинопольский извод вписанного креста, т. е. его сложный четырехколонный вариант (рис. 18, рис. 20) с обособленной трехчастной вимой, присоединённой к самодостаточному вписанному кресту⁴. Однако этот вариант уже использовался во многих церквях и за пределами Константинополя, причем как в Греции⁵, так и во всей Македонии⁶. Поэтому нет необходимости каждый раз приписывать его прямому константинопольскому влиянию⁷. В македонском регионе было выявлено не менее

¹ Νικονάνος Ν. Η εκκλησία της Μεταμορφώσεως του Σωτήρος στο Χορτιάτη // ΚΕΡΝΟΣ, Τιμητική προσφοράστον καθηγητή Γ. Μπακάλακη. Θεσσαλονίκη, 1972. Σ. 105–110; Vocopoulos P. L. The Concealed Course Technique: Further Examples and Few Remarks // JÖB. 1979. Bd. 28. S. 255. Abb. 11–12.

² Vocopoulos P. L. The Role of Constantinopolitan Architecture... P. 553–556; Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture... P. 373–374; Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 371–373. Про нартекс Панагии тон Халкеон с двумя куполами см.: Ćurčić S. The Twin-domed Narthex in the Paleologan Architecture // ЗРВИ. 1971. Т. 13. С. 333–344; Idem. What Was the Real Function of Late Byzantine Katedchoumena? // 19th Annual Byzantine Studies Conference Abstracts of Papers. 4–7 November, 1993. Princeton, 1993. P. 8–9.

³ Rhoby A. Byzantinische Epigramme auf Stein... S. 385.

⁴ Про разные варианты крестово–купольных храмов см.: Ορλάνδος Α. Η Αγία Τριάς του Κριεζώτη // ΑΒΜΕ. 1939–1940. Τ. 5. Σ. 3–16.

⁵ Μπούρας Χ., Μπούρα Λ. Η ελλαδική ναοδομία κατά τον 12^ο αιώνα. Αθήνα, 2002. Σ. 346–348.

⁶ Βοκοτόπουλος Π. Λ. Ο βυζαντινός ναός της Ολύνθου // Διεθνές Συμπόσιο Βυζαντινή Μακεδονία 324–1430 μ.Χ. Θεσσαλονίκη, 1995. Σ. 45–56.

⁷ Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 30–31.

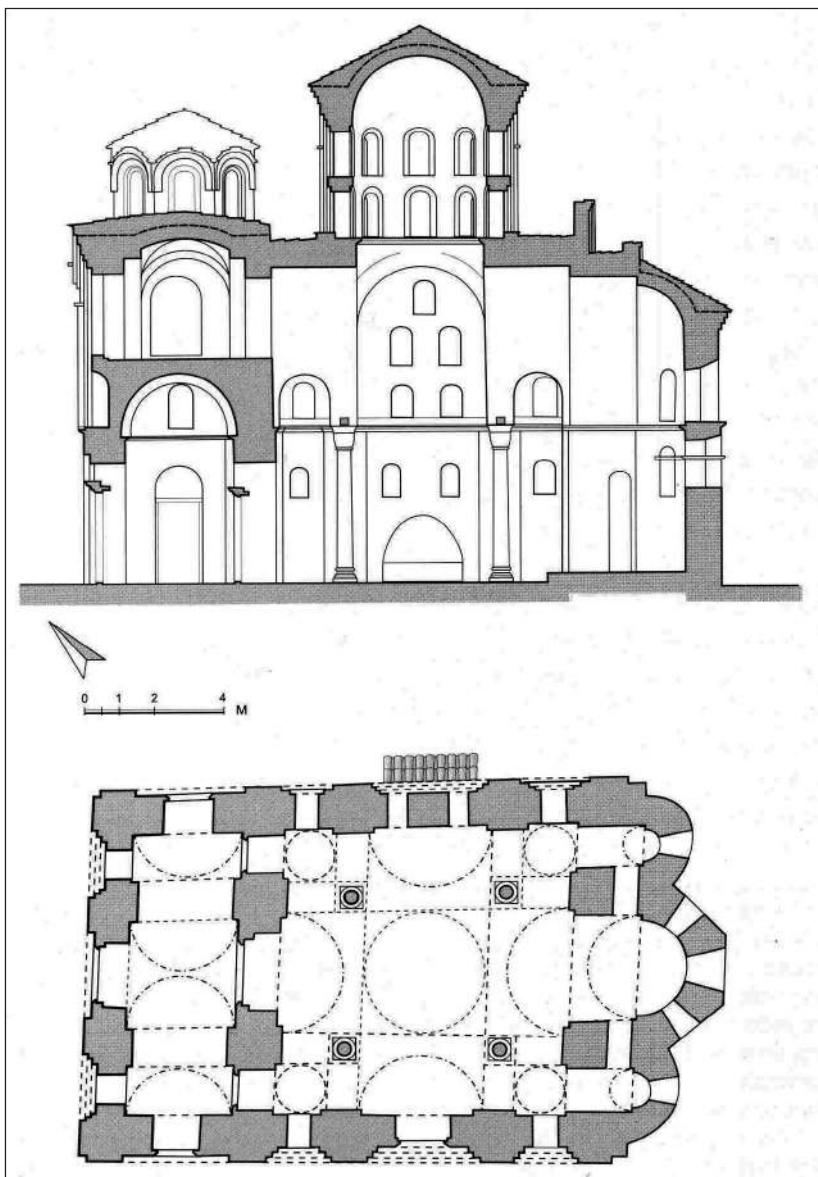

Рис. 20. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, план (по Г. Фустерису)

семи четырехколонных церквей сложного извода¹, в то время как в Греции в этом изводе построено более двадцати храмов², из которых только церковь Богородицы в монастыре Осиос Лукас типологически может быть связана с прямым влиянием Константинополя³.

Более того, в Панагии тон Халкеон отсутствуют некоторые из специфических решений в устройстве отдельных компартиментов, которые могли бы предоставить убедительные доказательства ее прямой связи с архитектурой столицы, например, апсидиолы в торцах центральной вимы и нартекса или тетраконхиальные пастофории, — детали, типичные почти для всех соответствующих константинопольских примеров⁴. Таким образом, даже если основная идея храма типа вписанного креста и имеет, как считается, константинопольское происхождение, детали его реализации отдаляют получившееся здание от столичной традиции.

Простая и несколько консервативная форма восточно-го фасада Панагии тон Халкеон (илл. 3.1), по-видимому, была вдохновлена соседней Святой Софией с ее трехгранной центральной апсидой и полуциркульными боковыми, что подтверждает важную роль, которую играл кафедральный собор Фессалоники в формировании особой архитектурной идентичности региона в целом⁵.

¹ Ćurčić S. Architecture in the Balkans... Fig. 450–452.

² Ορλάνδος Α. Η Αγία Τριάς... Σ. 3–16; Μπούρας Χ. Η αρχιτεκτονική της Μονής του Οσίου Λουκά, Αθήνα, 2015. Σ. 23.

³ Μπούρας Χ., Μπούρα Λ. Η ελλαδική ναοδομία... Σ. 346–348; Μπούρας Χ. Η αρχιτεκτονική της Μονής... Σ. 22–23.

⁴ Marinis V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople, Ninth to Fifteenth Centuries. New York, 2014. P. 138–142 (Эски Имарет Джами), 172–175 (Мирелон), 182–191 (Богородица в монастыре Липса), 204–207 (Вефа Килисе Джами).

⁵ Βελένης Γ. Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης... Σ. 7–8. Εικ. 6; *Idem*. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 66–69. Εικ. 9. О роли Святой Софии в Фессалонике как местного образца для подражания, повлиявшего на формирование многих более поздних церквей в городе, см.: Rautman M. Patrons and Buildings in Late Byzantine Thessaloniki // JÖB. 1989. Bd. 39. S. 312.

Как техника со скрытым рядом, так и артикуляция фасадов Панагии тон Халкеон в прошлом приписывались влиянию столицы¹. Однако в отдельных деталях эта фессалоникская церковь явно отличается от любой известной нам константинопольской модели. Так, в Панагии тон Халкеон техника скрытого ряда не применялась при возведении арок (илл. 3.2), которые несколько неуклюже соединяются с окружающей кладкой². Такой эстетический дефект, который, похоже, не беспокоил артель, строившую эту церковь в Фессалонике, заставил их коллег в Константинополе прийти к изобретательным решениям, чтобы достичь желаемой непрерывности между арками и окружающей кладкой³.

Более того, артикуляция фасадов Панагии тон Халкеон, с ее глухими арками и нишами, как кажется, основана больше на местной архитектурной традиции, чем на константинопольской⁴. Посмотрим внимательней на трехчастную артикуляцию боковых сторон крестообразного ядра. Чтобы достичь этого симметричного устройства, пространство, занимаемое вимой, было очень сильно сокращено снаружи. Это специфическое решение подходит скорее для церквей на четырех столпах простого извода и не встречается ни в одной из сохранившихся церквей Константинополя. При сравнении симметричной трехчастной артикуляции ядра Панагии тон Халкеон с ассиметричным четырехчастным устройством соответствующего пространства в церкви Мирелеона, представляющим решение, типичное для константинопольских церковных построек, разница в традициях становится еще яснее (рис. 21).

¹ Voutopoulos P. The Role of Constantinopolitan Architecture... P. 553–556.

² Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 30.

³ Веленис в своей книге о керамической декорации в византийской архитектуре и Оустерхаут в «Master Builders» прокомментировали это решение, см.: Βελένης Γ. Ερμηνεία... Σ. 65–98. Εικ. 31; Ousterhout R. Master Builders... P. 199–200. Fig. 162.

⁴ Βελένης Γ. Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης... Σ. 10–11; *Idem*. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 31.

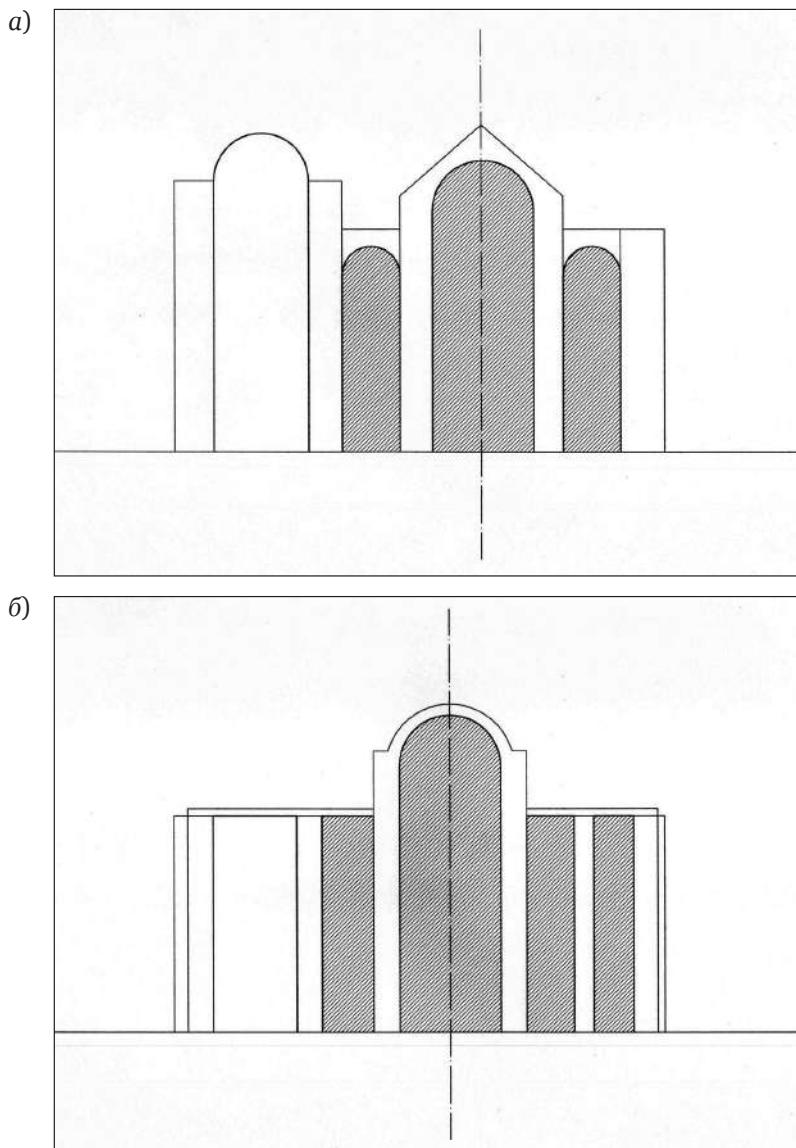

Рис. 21. Артикуляция фасадов:
а — Панагия тон Халкеон; б — Мирелейон (по Г. Ниносу)

Церковь Преображения в Хортиатисе (илл. 3.3) обычно датируется серединой XII в. и принадлежит к типу простого октагона на тромпах, создание которого приписывают Константинополю¹.

При возведении арок техника кладки со скрытым рядом применена², но использована в крайне специфической манере, отличающейся от известных константинопольских вариантов. В данном случае арки явно отделены от кладки стен «бровкой» из кирпича — деталь, которую невозможно найти ни в одном средневизантийском памятнике Константинополя или его окрестностей.

Аналогичным образом техника кладки со скрытым рядом использована в арочных завершениях окон средневизантийской фазы храма Святой Софии в Фессалонике, а также в ряде памятников всего македонского региона: в церкви св. Николая в деревне Элеонас близ Серр³, в церкви Успения в Эани⁴ и церкви св. Пантелеймона в Нерези близ Скопье⁵. Г. Веленис атрибуировал эти постройки нескольким артелям мастеров, скорее всего, из Фессалоники, действовавшим вскоре после середины XII в.⁶ Применение схожих техник в церквях Северной Македонии XIII в. заставляет расширить географический и хронологический горизонт фессалоникских артелей. Один из самых интересных случаев — церковь св. Димитрия в Прилепе, по-

¹ Νικονάνος Ν. Εκκλησία της Μεταμορφώσεως... Σ. 105–110.

² Vocotopoulos P. The Concealed Course Technique... P. 255.

³ Καλπάς Μ. Εφαρμογή του σταυροειδούς εγγεγραφμένου στη Μέση και την Ύστερη Βυζαντινή περίοδο. Το παράδειγμα του απλού τετρακιόνιου/τετράστυλου. Diss. T. 2. Θεσσαλονίκη, 2009. № 120, 414–416 (с ранней библиографией; электронную версию см.: ikee.lib.auth.gr/record/112442).

⁴ Πελεκανίδης Σ. Ἐρευναι εν Ἀνω Μακεδονίᾳ // Μακεδονικά. 1961–1963. Т. 5. Σ. 366–380. Εικ. 1–4; Vocotopoulos P. The Concealed Course Technique... P. 256. Fig. 13; Βελένης Γ. Ερμηνεία... Σ. 84, 142, 231.

⁵ Sinkević I. The Church of St. Pantaleimon at Nerezi, Architecture, Programme, Patronage. Wiesbaden, 2000.

⁶ Βελένης Γ. Η αρχιτεκτονική Σχολή της Μακεδονίας... Σ. 51; *Idem*. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 102–104.

строенная вскоре после 1250 г., где техника скрытого ряда сочетается с обрамлением выступающими арками, использованным в портике, который изначально обрамлял северный фасад церкви¹.

То, что считается начальной фазой кафоликона монастыря Влатадон², несмотря на отсутствие точной датировки, также должен вызывать особый интерес с точки зрения типологии. Примененный здесь архитектурный тип, который был сохранен практически без изменений после палеологовской перестройки здания, представляет собой вариант переходного «элладского» храма типа вписанного креста с усеченным западным рукавом (рис. 22). Хотя два памятника в сфере влияния Константинополя свидетельствуют, что подобный вариант был известен столице³, географически та территория, на которой находится большая часть соответствующих примеров, простирается от Эвбей до Южного Пелопоннеса. Недавно Димитрис Афанасулис и Михалис Каппас опубликовали подробное исследование этого особенного варианта вписанного креста, где было выделено более двадцати подобных примеров в Южной Греции, обычно датируемых X–XI вв.⁴ В Северной Греции, вдобавок к монастырю Влатадон, подобная постройка недавно была прослежена в разрушен-

¹ Korunovski S., Dimitrova E. Macédoine Byzantine, Histoire de l'Art macédonien du IXe au XIV siècle. Paris, 2006. P. 89–91. Fig. 67; Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 605. Fig. 700–701.

² Μαυροπούλου-Τσιούμη Χ. Μονή Βλατάδων (Δημοσίευμα Ιδρύματος Μελετών Χερσονήσου του Αίμου; 212), Θεσσαλονίκη, 1987; *Eadem*. Ανασκαφικές έρευνες και ανακάλυψη τοιχογραφιών στη Βλατάδων Μ., Συμβολή στην ιστορία της μονής // Επιστημονικό Συμπόσιο «Χριστιανική Θεσσαλονίκη», Σταυροπηγιακές και ενοριακές μονές, Ιερά Μονή Βλατάδων, 18–20 Οκτωβρίου 1993. Θεσσαλονίκη, 1995. Σ. 163–188; Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 105–106; Vocopoulos P. Church Architecture in Thessaloniki... P. 114. Fig. 5.

³ Церковь Предтечи в Родопах (Ovčarov N. Das byzantinische Kloster H. Johannes Prodromos in den östlichen Rhodopen (Achridos) // JÖB. 1993. Bd. 43. S. 329–348) и церковь Спасителя на о. Антигони (Oosterhout R., Akyürek E. The Church of the Transfiguration on Burgazada // CahArch. 2001. Vol. 49. P. 5–14).

⁴ Αθανασούλης Δ., Κάπτας Μ. Σταυροειδείς εγγεγραμμένοι...

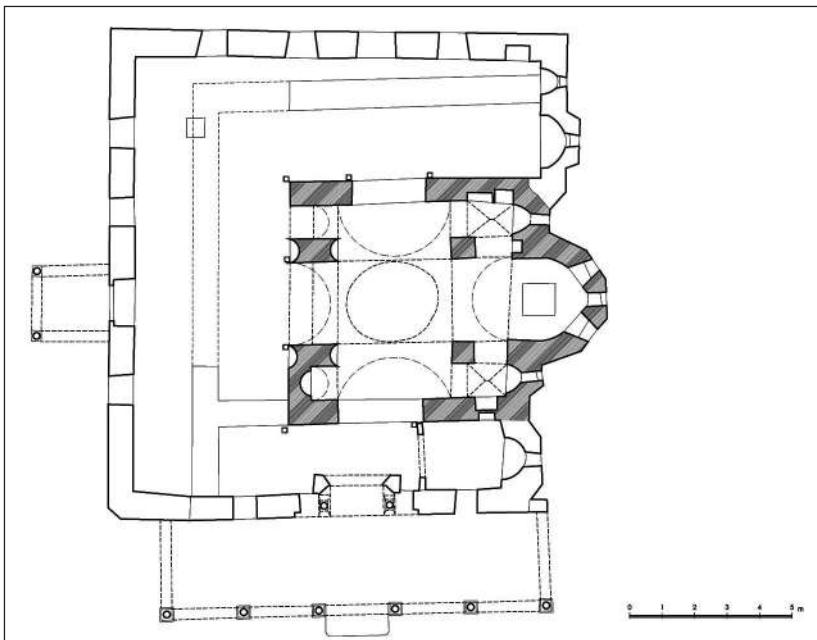

Рис. 22. Фессалоника, монастырь Влатадон, план (по Г. Ниносу)

ном кафоликоне монастыря Вороскопу на горе Афон¹, что подтверждает тесную связь между вторым городом империи и монастырским сообществом Афона.

После окончания короткого периода латинской оккупации значение Фессалоники, как кажется, только возросло. Город оказался в центре споров между претендентами на византийский престол: деспотом Эпира и Никейским императором. Наконец, в 1246 г. она была занята Иоанном III Дукой Ватацем и оставалась в руках Никейского императора вплоть до восстановления империи, когда она снова стал «вторым городом». Фессалоника переживала бурный рост

¹ Papazòtos A. Recherches topographiques au Mont Athos // Géographie Historique du Monde Méditerranéen / Ed. par H. Ahrweiler. Paris, 1988. P. 150–151. Fig. 3.

в первой половине XIV в. и постепенно начинает, как это доказывают ее памятники, соревноваться в вопросах престижа с самой столицей¹.

В Фессалонике существует как минимум восемь церквей, датируемых временем между концом XIII в. и второй половиной XIV в. Сегодняшние их посвящения в большинстве случаев отличаются от изначальных, и многие из них все еще находятся на ранних стадиях исторического и археологического исследования. В поздневизантийский период при строительстве церквей в городе по большей части использовался именно тип вписанного креста. Его сложный извод на четырех колоннах применялся в разных вариациях (рис. 23), например, в Святом Пантелеймоне², возможно, в монастыре Перивлепты³, в Святых Апостолах⁴, построенных патриархом Нифонтом и изначально посвященных Богоматери, и в Святой Екатерине⁵, чье изначальное по-

¹ Σταυρίδου-Ζαφρακά Α. Η φυσιογνωμία της Θεσσαλονίκης ως δεύτερης πόλης της αυτοκρατορίας την εποχή των Παλαιολόγων // Β' Συμπόσιο. Η Μακεδονία κατά την εποχή των Παλαιολόγων, 14–20 Δεκεμβρίου 1992, Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 75–84.

² Βοκοτόπουλος Π. Λ. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης... Σ. 98–99; Vocopoulos P. Church Architecture... P. 109–110. Fig. 3; Χαδζητρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο... Σ. 284–288; Ousterhout R. Master Builders...; Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 550. Fig. 624.

³ Θεοχαρίδης Γ. Ο Ματθαίος Βλάσταρις και η μονή του κυρ Ισαάκ εν Θεσσαλονίκη // Byzantium. 1970. Т. 40. P. 453–459.

⁴ Mango C. Byzantine Architecture... P. 155; Βοκοτόπουλος Π. Λ. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης... Σ. 99, 101; Βελένης Γ. Ερμηνεία...; Krautheimer R. Architecture... P. 431–432; Vocopoulos P. Church Architecture in Θεσσαλονίκη... P. 107. Fig. 1; Rautman M. L. The Church of the Holy Apostles in Thessaloniki: A Study in Early Palaeologan Architecture. Diss. Bloomington, 1984; Χαδζητρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο... Σ. 275–280; Ousterhout R. Master Builders...; Ćurčić S. The Role...; Idem. Architecture in the Balkans... P. 552–554. Fig. 624, 626; Μαυροπούλου-Τσιούμη Χ. Άγιοι Απόστολοι // Ψηφιδωτά της Θεσσαλονίκης / Εκδ. υπό Χ. Βακιρτζή. Αθήνα, 2012. Σ. 299–354.

⁵ Mango C. Byzantine Architecture... P. 155; Krautheimer R. Architecture... P. 431; Vocopoulos P. Church Architecture in Thessaloniki... P. 109. Fig. 2; Χαδζητρύφωνος Ε. Κ. Εργασίες συντήρησης και αποκατάστασης στην Αγ. Αικατερίνη Θεσσαλονίκης 1988–1993 // Μνημείο και Περιβάλλον. 1995. Τ. 3, 1. Σ. 79–88; Ćurčić S. The Role... P. 68–69; Χαδζητρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο... Σ. 269–274; Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 550–552;

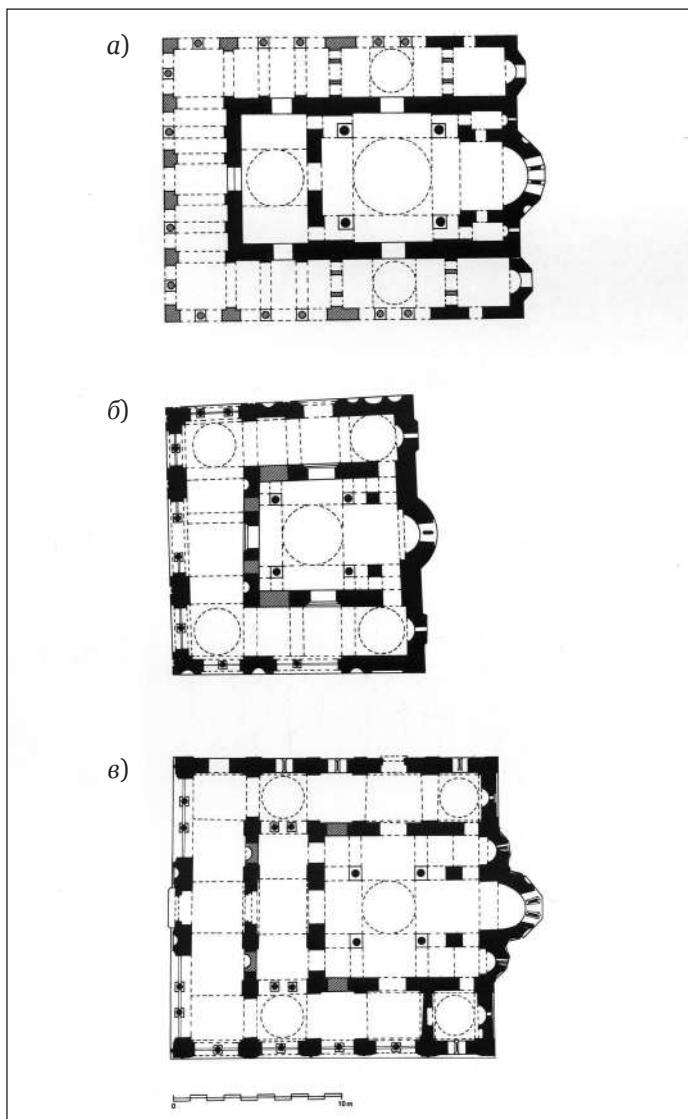

Рис. 23. План церквей с галереями в Фессалонике:
а — храм св. Пантелеймона; б — храм св. Екатерины;
в — храм свв. Апостолов (по С. Чурчичу)

священие неизвестно. Вариант триконха афонского типа, подтипа сложного извода храма на четырех колоннах, был использован в церкви, сегодня известной как Святой Илия¹, бывшем кафоликоне какого-то монастыря: Акапниу², Неа Мони³ или святых Бессребренников⁴.

Редкий вариант переходного типа с усеченным западным рукавом, этот остаток раннего строительного этапа, сохранился, как упоминалось выше, в наосе той церкви, которая была восстановлена Дорофеосом Влатисом вскоре после середины XIV в. и которая впоследствии стала кафоликоном монастыря Влатадон⁵.

Святой Николай Орфанос изначально был маленькой однонефной церковью (илл. 3.16), к которой впоследствии, на второй стадии строительства, были добавлены боковые нефы и нартекс⁶. После нескольких последующих небольших изменений она представляет собой длинный, узкий

Tsigaridas E. N. Les fresques de l'église Saint-Catherine de Thessalonique // Sur les pas de Vojislav Djurić. Reçu à la séance de la Classe des sciences historiques le 31 mars 2010 / Ed. par D. Medaković and C. Grozdanov. Belgrade, 2011. P. 157–165; Hadjityrphonos E. Saint Catherine's Church in Thessaloniki, Its Place in Late Byzantine Architecture // Ήρως Κτίστης. Μνήμη Χαράλαμπου Μπούρα. Τ. 1. Αθήνα, 2018. Σ. 265–282.

¹ Ορλάνδος Α. Η κάτοψις του Προφήτου Ηλία της Θεσσαλονίκης // ABME. 1935. Τ. 1. Σ. 178–180; Mango C. Byzantine Architecture... P. 156; Βοκοτόπουλος Π. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης... Σ. 99, 101–104; Βελένης Γ. Ερμηνεία...; Krautheimer R. Architecture... P. 432; Vocopoulos P. Church Architecture in Thessaloniki... P. 111–112. Fig. 4.

² Papazotos Th. The Identification of the Church of “Profitis Elias” in Thessaloniki // Dumbarton Oaks Papers. 1991. Vol. 4. P. 121–127; Παπαζώτος Θ. Η μονή Ακαπνίου — Ο ναός του Προφήτη Ηλία // Θεσσαλονικέων Πόλις. 1997. Περ. Α'. Τ. 2. Σ. 34–73.

³ Θεοχαρίδης Γ. Ι. Δύο νέα έγγραφα αφορώντα εις την Νέαν Μονήν Θεσσαλονίκης // Μακεδονικά. 1955–1960. Τ. 4. Σ. 315–351.

⁴ Τάντσης Α. Ο Προφήτης Ηλίας, η Άννα της Σαβοΐας και η Αυλή του Συργή // Βυζαντινά. 2013–2014. Τ. 33. Σ. 241–257.

⁵ Βοκοτόπουλος Π. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης... Σ. 118; Vocopoulos P. Church Architecture in Thessaloniki... P. 114. Fig. 5; Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 105–16. Εικ. 28.

⁶ Ξυγγόπουλος Α. Τέσσερες μικροί ναοί... Σ. 29–44, 79–85; Χαδζιτρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο... Σ. 281–283. Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Σ. 107–111. Εικ. 15.

зал, окруженный галереей, по большей части перестроенной в османский период. Церковь Таксиархов была крытым деревом зальным храмом, обрамленным галереей¹. Наконец, небольшая церковь Преображения близ Камары использует тип тетраконха, вписанного в квадрат, с широким куполом, поднимающимся над серединой наоса².

Я хотел бы уделить еще немного внимания церквям типа вписанного креста, составляющим самую большую группу среди палеологовских памятников Фессалоники. Стоит отметить некоторые их отличия от полностью выкристаллизовавшихся версий сложного четырехколонного, или константинопольского, извода, которые демонстрируют тенденцию к эксперименту — базовую характеристику палеологовской архитектуры в целом.

В Святом Пантелеимоне, вероятно, самом раннем примере из этой группы, поддерживающие купол колонны смещены к боковым стенам³. Благодаря этому необычному подходу, чуждому константинопольскому церковному строительству, диаметр купола увеличен, и ощущение слитности в центральном пространстве подчеркнуто за счет угловых ячеек, ставших меньше, и рукавов креста, тоже уменьшившихся в размере (илл. 3.4). Это решение впервые встречается в крестообразных церквях монашеских общин Латмоса⁴ в Западной Анатолии, которые приписываются

¹ Ξυγγόπουλος Α. Τέσσερες μικροί ναοί... Σ. 5–24, 79–85; Χαδζιτρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο... Σ. 294–296.

² Ξυγγόπουλος Α. Τέσσερες μικροί ναοί... Σ. 65–85; Čurčić S. The Role... P. 72; Κουρκούτιδου-Νικολαΐδου Ε. Ναός του Σωτήρος Χριστού, Θεσσαλονίκη / The Church of Christ the Saviour, Thessaloniki. Athens, 2008.

³ Угловые ячейки практически полностью исчезают за четырьмя большими колоннами, поддерживающими купол.

⁴ Например, храм на о. Капыкыры Ада, см.: Wiegand Th. Der Latmos, Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899 (Milet; 3, 1). Berlin, 1913. S. 18, 22–23. Abb. 19 (план церкви передан неточно); Peschlow U. Der Latmos // RbK. Bd. V. Stuttgart, 1995. Sp. 694–695. Abb. 21–22; Idem. Die Latmosregion in byzantinischer Zeit // Der Latmos. Eine unbekannte Gebirgslandschaft an der türkischen Westküste / Hrsg. von A. Peschlow-Bindokat. Mainz, 1996. S. 75, 78. Abb. 102.

строительной деятельности Никейских императоров, подтверждая идею Чурчича, что Святой Пантелеимон был построен сторонней артелью, пришедшей, возможно, с территории Никейской империи¹.

Схожий план использован в Святой Екатерине (рис. 23) и Святом Илии (рис. 24), где протесис и диаконник сильно усечены, а их боковые апсиды не выражены снаружи. Эти архитектурные детали отличают Святую Екатерину от церкви Святых Апостолов, которая принадлежит к тому же типу, но в которой устройство различных частей крестообразного ядра полностью следует средневизантийской традиции. Однако существует еще несколько других элементов, указывающих на относительную датировку этих двух церквей².

В Святых Апостолах, несмотря на то, что артикуляция интерьера типична для сложного извода храмов на четырех колоннах, снаружи нет различия между кровлями восточного рукава и вимы, с коробовыми сводами, перед конхой апсиды (илл. 3.5–6) — еще одна деталь, не известная кон-

¹ Čurčić S. Architecture in the Balkans... Р. 550.

² Историки архитектуры все еще не могут прийти к согласию относительно хронологического порядка возведения главных палеогривских памятников города: Святого Пантелеимона, Святых Апостолов и Святой Екатерины. Все еще больше усложнилось после публикации работы: *Kuniholm P. I., Striker C. Dendrochronology and the Architectural History of the Church of the Holy Apostles in Thessaloniki* // *Architectura*. 1990. Bd. 20.1. S. 1–26, которые предложили 1329+ как дату возведения ключевого памятника — Святых Апостолов, тогда как в другой своей публикации они датировали церковь Св. Екатерины 1280 г. (*Kuniholm P. I., Striker C. Dendrochronological Investigations in the Aegean and Neighboring Regions, 1977–1982* // *JFA*. 1983. Vol. 10.4. P. 419). Эпиграфические свидетельства, указывающие на патриарха Ниофона как ктитора церкви Святых Апостолов, мешают принять датировку, предложенной Кунихольмом и Страйкером, причем эти авторы пересмотрели изначально предложенную ими дату создания церкви Святой Екатерины, изменив ее на 1315 г. (*Ibid.* P. 395). Веленис в своей монографии, посвященный керамическому декору в византийской архитектуре, датирует постройку Святой Екатерины временем после возведения Святых Апостолов, т.е. ок. 1320 г. (*Βελένης Γ. Ερμηνεία...* Σ. 1, 130, 227).

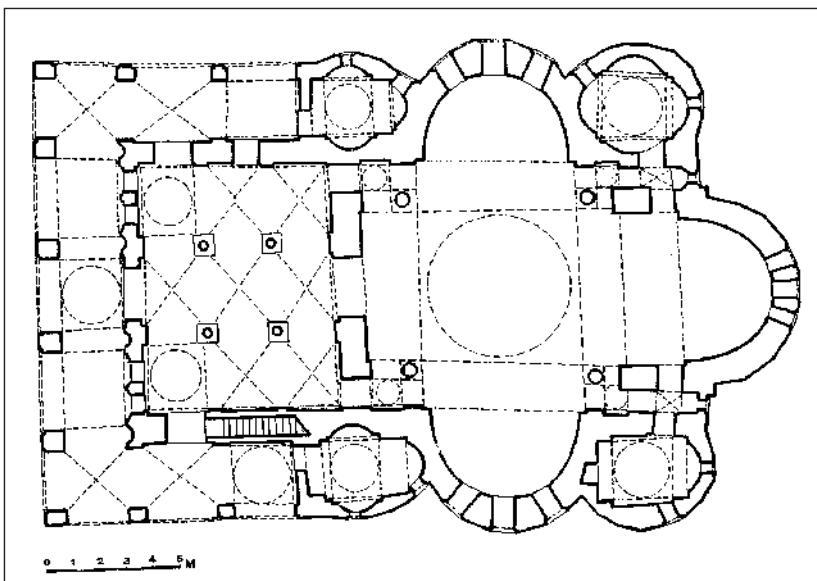

Рис. 24. Фессалоника, церковь св. Илии, план (по Г. Веленису)

стантинопольским церквям. Средневековые строители в Фессалонике, похоже, придавали значение этому пространству, так как в Святой Екатерине «переходный» коробовый свод перед апсидой объединен со сводом восточного рукава (илл. 3.14), так что сплошная кровля снаружи соответствует устройству перекрытий внутри. Подобное решение типично для полусложного извода вписанного креста в Греции¹, но абсолютно неизвестно в константинопольском церковном строительстве.

Отличительная черта палеологовских церквей в Фессалонике — введение крытой галереи вокруг трех сторон основного объема церкви, вне зависимости от ее архитектурного типа (рис. 23). У идеи обрамлять наос галереей богатая

¹ Об этом варианте крестово-купольной системы см.: Ορλάνδος Α. Η Αγία Τριάς... Σ. 3–16; Μπούρας Χ., Μπούρα Λ. Η ελλαδική ναοδομία... Σ. 346–348.

история, уходящая, возможно, в архитектуру «переходного периода» или даже дальше, и в поздневизантийский период она стала широко использоваться в удаленных друг от друга регионах¹.

В наиболее интересной и сложной фессалоникской версии этого феномена четыре тонких купола возвышаются над четырьмя углами галереи, образуя особую подкатегорию пятиглавых церквей². Связь между этой архитектурной группой и Константинополем остается гипотетической. Впрочем, самый ранний известный пример, где четыре небольших купола поднимаются из углов галереи, — это Паригоритисса в Арте, точнее второй ее этап, датируемый как раз незадолго до конца XIII в.³ Аналогичная схема была предложена для церкви С в Никее в недавней публикации Урса Пешлова, хотя в последнем случае неясно, где именно были расположены маленькие боковые купола⁴.

Изучение морфологических и структурных деталей в палеологовских памятниках Фессалоники также дает очень интересные результаты с точки зрения рассматриваемой темы.

¹ Βοκοτόπουλος Π. Λ. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης... Σ. 102–103; Vocotopoulos P. Church Architecture in Thessaloniki... P. 110–111; Hadjityphonos E. Peristōn or Ambulatory in late Byzantine Architecture, Concepts and Terms // Саопштена. 2003. Т. 34. С. 131–143; Χαδζιτρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο...

² О различных вариациях этого типа в средне- и поздневизантийской архитектуре см.: Ορλάνδος Α. Κ. Η Παντάνασσα της Μονεμβασίας // АВМЕ. 1935. Т. 1. Σ. 139–151; Hadjityphonos E. Pristup tipologiji petokupolnih crkava u vizantijskoj arhitekturi (Approche de la typologie des églises à cinq coupoles dans l'architecture Byzantine) // Саопштена. 1990–1991. Т. 22/23. С. 41–76; Sinkević I. The Church of St. Panteleimon... P. 23–28. См. также: Κάπτας Μ. Η εφαρμογή του σταυροειδούς εγγεγραμμένου... Т. 1. Σ. 274–275, с дополнительной библиографией по этому вопросу.

³ Ορλάνδος Α. Η Παρηγορήτισσα της Άρτας. Αθήνα, 1963; Theis L. Die Architektur der Kirche der Panagia Parēgorētissa in Arta/Epirus. Amsterdam, 1991; Χαδζιτρύφωνος Ε. Κ. Το περίστωο... Σ. 300–305.

⁴ Peschlow U. Die Kirche am Yenişehir Kapı in Iznik/Nikaia // Bizans ve Çevre Kültürler, Prof. Dr. S. Yıldız Ötüken Armağan. Ankara, 2010. С. 267–291.

Многогранные апсиды Святых Апостолов (илл. 3.7) и Св. Илии (илл. 3.8), полосы венчающего их поребрика¹, полосатая кладка, использованная на Святом Илии и на восточных малых куполах Святой Екатерины, были приписаны прямому влиянию Константинополя². Применение «полосатых» арок при строительстве больших арок в рукавах Святых Апостолов (илл. 3.9) и в Святой Екатерине также может быть связано с влиянием Константинополя или, более вероятно, с архитектурной традицией Никеи³. Артикуляция фасада галереи двух вышеупомянутых памятников напоминает, хотя и не полностью, западную часть экзонартекса храма Вефа Килисе Джами в Константинополе⁴ (илл. 3.10), датируемого обычно началом XIV в., хотя детали поребрика, окружающего арки в Святой Екатерине, указывают на строительную традицию Эпира, как отметил Слободан Чурчић⁵. Одна из отличительных черт константинопольской архитектурной традиции видна в тыквообразных куполах западной галереи Святых Апостолов⁶. Редко можно найти такие купола вне стен Константинополя, и известно лишь несколько других примеров в остальной части Византии, причем все в Греции: купола на церкви Космосотиры в Феррах⁷, на кафоликоне Хиландарского монастыря⁸, на

¹ Vociopoulos P. The Role of Constantinopolitan Architecture...

² Ibid.

³ Βελένης Γ. Ερμηνεία... Σ. 96–106; Čurčić S. The Role... P. 78.

⁴ Marinis V. Architecture and Ritual... P. 204–207 (там же см. библиографию).

⁵ Čurčić S. Architecture in the Balkans... P. 550.

⁶ Vociopoulos P. The Role of Constantinopolitan Architecture... P. 558, 561–562; Idem. Church Architecture in Thessalonike... P. 110.

⁷ Oosterhout R., Bakirtzis C. The Byzantine Monuments of the Evros/Merç River Valley. Thessaloniki, 2007. P. 49–85 (там же см. библиографию).

⁸ Ненадовић С. Осам векова Хиландара: Грађење и грађевине. Београд, 1997. С. 59–99; Korać V. King Milutin's church // Hilandar Monastery / Ed. by G. Subotić. Belgrade, 1998. P. 145–152. О дате постройки кафоликона см.: Марковић М., Hosteter W. T. Прилог хронологији радњи и осликовања хиландарског католикона // Хиландарски зборник. 1998. Т. 10. С201–217.

парэкллисии Св. Димитрия в монастыре Ксенофонт¹ и на церкви Святого Созонта в Орхомене².

Тем не менее, отмеченных сходств недостаточно, чтобы поддержать мнение, что церковная архитектура Фессалоники полностью зависела от константинопольской традиции.

Даже в самых прекрасных памятниках македонского города нигде не встречается та одержимость пластической артикуляцией фасадов, которая характеризует палеологовские церкви столицы. Маньеристичная артикуляция декоративными полосами с полукруглыми нишами и глухими арками, а также высокий уровень мастерства, необходимый для их создания, остаются одним из основных признаков архитектуры столицы³, и лишь слабое эхо этого достигло других городских центров империи, включая Фессалонику. Достаточно сравнить устройство апсид южной церкви монастыря Липса⁴, парэкллисия Михаила Главы Тарханиота и его жены Марии в монастыре Паммакаристос⁵ (илл. 3.11) и парэкллисия Метохита в монастыре Хора⁶ (илл. 3.12) с любой церковью Фессалоники, чтобы понять зияющую пропасть, существующую между архитектурными традициями двух городов.

Внимательно изучая фессалоникские памятники, можно перечислить множество особенностей, свидетельствующих о существовании сильной местной традиции, способной смягчить любое влияние со стороны Константинополя, например, анахронистичную двухступенчатую апсиду Святого

¹ Θεοχαρίδης Π. Η αρχιτεκτονική στο Άγιον Όρος την εποχή των Παλαιολόγων // Συμπόσιο Β'. Η Μακεδονία κατά την εποχή των Παλαιολόγων (Θεσσαλονίκη 14–20 Δεκεμβρίου 1992). Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 377.

² Μπούρας Χ., Μπούρα Λ. Η ελλαδική ναοδομία... Σ. 297–299 (там же см. библиографию).

³ Βελένης Γ. Ερμηνεία... Σ. 134–172.

⁴ Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 533. Fig. 605, 607.

⁵ Ibid. P. 536–538. Fig. 610.

⁶ Ibid. 539–542. Fig. 612.

Пантелеимона¹ (илл. 3.13), полукруглую форму центральной конхи Святой Екатерины² (илл. 3.14), керамическую декорацию, которая покрывает заднюю часть его полукупола, а также соответствующий декор апсиды в Святых Таксиархах³ (илл. 3.15), устройство зубчатых карнизов на треугольных фронтонах в этой церкви и в Святом Николае Орфаносе⁴ (илл. 3.16), форму тройного окна в центральной апсиде Святых Апостолов⁵ (илл. 3.7), способ керамопластической декорации в люнетах аркад на фессалоникских памятниках и, прежде всего, кладку большинства византийских памятников Фессалоники⁶. Все эти черты показывают особую идентичность церковной архитектуры города, основанную на сплаве элементов, происходящих из разных местных стилей, преимущественно Эпира и Никеи.

В ряд специфических характеристик фессалоникской архитектуры мы должны включить и создание двух особых решений при возведении куполов. Первое из них наблюдается в группе церквей с восьмигранными куполами, особенно утонченных пропорций, чьи арочные окна не достают до верха сторон барабана. Постепенно это пространство между арочными завершениями окон и изогнутыми карнизами будет покрыто керамопластической отделкой, как в случае Святого Илии (илл. 3.17), — свидетельство изобретательности артелей, работавших в Фессалонике. Георгиос Веленис, который впервые указал на это особое архитектурное решение, назвал такие купола «македонскими» и перечислил многочисленные их примеры в данном регионе⁷.

¹ Ćurčić S. The Role... Fig. 20.

² Hadjityphonos E. Saint Catherine's Church... P. 210–271. Fig. 4a.

³ Ibid.

⁴ Βελένης Γ. Μεσοβυζαντινή ναοδομία... Εικ. 30.

⁵ Ćurčić S. Architecture in the Balkans... P. 553. Fig. 626.

⁶ Βελένης Γ. Η αρχιτεκτονική Σχολή της Μακεδονίας... Σ. 49–59; *Idem*. Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης... Σ. 1–25.

⁷ Velenis G. Building Techniques... P. 95–105; Βελένης Γ. Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης... Σ. 20–21.

Вторая группа была идентифицирована совсем недавно профессором Слободаном Чурчием и имеет почти те же внешние характеристики, но с меньшим акцентом на вертикальность, например, купол маленькой церкви Преображения близ Камары (илл. 3.18). Основной опознавательный знак этих куполов, которые Чурчик назвал «фессалоникскими», — трехступенчатые кирпичные арки над окнами, разрезающие боковые стороны куполов¹.

Подводя итог этому очерку церковной архитектуры в Фессалонике с начала XI до конца XIV в., мы должны отметить следующее.

Фессалоника действительно находились под большим влиянием архитектуры столицы, чем любой другой город Греции. Тем не менее, более внимательное изучение структурных и морфологических аспектов показывает, что уже в средневизантийский период городские строительные артели старались ассимилировать константинопольские особенности и трактовать их по-своему, вероятно, исходя из местных архитектурных традиций, коренящихся в строительной деятельности «переходного периода».

В последующие столетия и, прежде всего, ок. 1300 г. фессалоникские мастера умело объединили морфологические элементы из своего богатого местного архитектурного наследия с практиками и решениями, происходящими преимущественно из Константинополя, равно как и из других художественных центров, в основном из Эпирского деспотата или ласкаридской Никеи. Этот творческий сплав придал архитектуре Фессалоники ее особую индивидуальность, ярко отраженную в десятках памятников, приписываемых фессалоникским мастерам.

Особенно ок. 1300 г. и в течение примерно пятидесяти следующих лет работу фессалоникских артелей можно видеть на широком пространстве Центральных Балкан —

¹ Ćurčić S. The Role... P. 71–72.

феномен, который следует связывать с покровительством сербских царей Стефана Милутина и Стефана Душана¹.

Стоит отметить, что из многочисленных памятников византийского стиля, которые связаны со строительной программой Милутина после его женитьбы на юной Симониде Палеологине — момента, отмечающего окончательное вхождение знаменитого сербского края в византийскую политическую и культурную среду, — лишь кафоликон монастыря Хиландар демонстрирует сильное и прямое влияние константинопольской архитектуры². Во всех других его постройках, от церкви Богородицы Левишки в Призрене³ до Святого Никиты в Чучере⁴ (илл. 3.19), равно как и во впечатляющей церкви в Грачанице в Косово⁵, морфологические и структурные детали, кажется, были взяты из архитектурной традиции Эпира и Фессалоники.

Мощное впечатление, которое церкви Святых Апостолов и Святой Екатерины производили на этот регион, на уровне не только типологии, но и морфологии и строительной техники, можно наблюдать на ряде важных церквей

¹ Βοκοτόπουλος Π. Λ. Οι μεσαιωνικοί ναοί της Θεσσαλονίκης... Σ. 109; Ćurčić S. The Role... P. 75–83. Чурчич утверждает, что, особенно после 1330-х гг., многие фессалоникские строители стекались в Сербское королевство. Альтернативный взгляд см. в: Bogdanović J. Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of 'Building Schools', An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje // Byzantinoslavica. 2011. Т. 69. Р. 219–266, где строительная деятельность в сербской столице Скопье отражает анахронистичную средневизантийскую традицию, перетолкованную как региональная специфика.

² Ćurčić S. The Architectural Significance of the Hilandar Katholikon // Byzantine Studies Conference of America. 1978. Vol. 4. Abstracts. Р. 14–15, где описывается сходство с константинопольскими моделями, особенно до 1204 г. (Korać V. King Milutin's church... P. 145–152).

³ Ćurčić S. The Role... P. 77.

⁴ Κάττας Μ. Η εφαρμογή του σταυροειδούς εγγεγραμμένου... Т. 2. № 125. Σ. 437–440 (там же см. библиографию).

⁵ Ćurčić S. Gračanica, King Milutin's Church and its Place in the Late Byzantine Architecture, University Park — London, 1979.

XIV в., начиная с Олимпиотиссы в Элассоне¹ и заканчивая кафоликоном монастыря Архангела Михаила в Леснове² (илл. 3.20), — эти два памятника демонстрируют географический охват фессалоникских строительных артелей.

Таким образом, контекстуальный анализ на примере церковной архитектуры Фессалоники предлагает более всестороннее понимание сложных региональных архитектурных процессов, еще раз обнаруживая, что догматическая приверженность «школам», определенным Г. Милле еще столетие назад, не удовлетворяет текущим потребностям науки. Историки архитектуры де-факто обязаны разграничивать более мелкие географические области, внутри которых региональные элементы должны быть определены более точно, с дальнейшей целью выявления, где это возможно, деятельности конкретных местных артелей. Должны ли эти отдельные области определяться как независимые «школы», как местные парадигмы или как региональные «идиолекты» — это в большей степени вопрос методологии, чем сущности явления.

¹ Две диссертации напрямую исследуют архитектуру церкви Олимпиотиссы: *Hatzigiannis M. L'architecture Byzantine à l'époque des Paléologues: le cas du catholicon de l'Olympiotissa à Elasson* (Thessalie). Diss. Paris, 1989; *Englert K. Der Bautypus der Umgangskirche unter besonderer Berücksichtigung der Panagia Olympiotissa in Elasson*. Diss. Frankfurt, 1991. S. 65–95. См. также: *Hatzigiannis M. Relations architecturales entre la Thessalie et la Macédoine à l'époque des Paléologues: le cas du catholicon de l'Olympiotissa à Élasson // Θεσσαλία. Δεκατέυτε χρόνια αρχαιολογικής έρευνας, 1975–1990*. Т. 2. Αθήνα, 1994. Σ. 371–386. О датировке Олимпиотиссы временем после 1330-х гг., а не около 1300-х гг. см.: *Velenis G. M. L'église Panagia Olympiotissa et la chapelle de Pammacaristos // Zograf*. 1998–1999. Т. 27. S. 103–112. Художественная декорация Олимпиотиссы, которая ошибочно была датирована временем около 1300-х гг., с большей вероятностью принадлежит артели, которая исполняла фрески в церкви святого Николая в Псаче, датированной 1354/5 г.

² *Kállpas M. Η εφαρμογή του σταυροειδούς εγγεγραμμένου...* Т. 2. № 127. Σ. 445–449 (там же см. библиографию).

Анна Захарова

ИСКУССТВО X ВЕКА: КОНСТАНТИНОПОЛЬ И КАППАДОКИЯ

Произведения искусства X в. в Константинополе и в Каппадокии, на первый взгляд, могут показаться принадлежащими двум разным мирам. В Каппадокии сохранились десятки расписанных пещерных храмов, обладающих ярко выраженной местной спецификой в иконографии и стиле. За редким исключением, это произведения не самого высокого художественного уровня. Напротив, представляющие искусство столицы иллюстрированные рукописи, немногочисленные иконы, эмали и рельефы слоновой кости, в основном, относятся к элитарной сфере и считаются эталонами Македонского ренессанса — классицизирующего направления, существовавшего в первой половине X в. в нескольких вариантах. Это явление было описано и охарактеризовано в трудах таких выдающихся исследователей как К. Вайцман, Х. Бухталь, Х. Белтинг и др.¹ На фоне преувеличенного внимания к Македонскому

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда (грант № 14–28–00213).

¹ Weitzmann K. Probleme der mittelbyzantinischen Renaissance // Archäologischer Anzeiger. 1933. S. 336–360; *Idem*. Der Pariser Psalter ms. Grec 139 und die mittelbyzantinische Renaissance // Jahrbuch für Kunstwissenschaft. 1939. Bd. 6. S. 178–194; *Idem*. The Character and Intellectual Origins of the Macedonian Renaissance // *Idem*. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination / Ed. by H. L. Kessler.

ренессансу постепенный отход от классического вкуса в столичных произведениях второй половины X в. либо не замечали, либо характеризовали как недостаток и ухудшение качества произведений¹. В действительности это было время поисков нового стиля, сложившегося ко второй четверти XI в.² Поиски шли не только в столичной книжной миниатюре и других аристократических видах искусства, но и в монументальной живописи, которая сохранилась,

Chicago — London, 1971. P. 176–223; *Idem. The Classical in the Byzantine Art as a Mode of Individual Expression* // *Idem. Studies*. P. 151–175; *Idem. The Classical Mode in the period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival?* // *Idem. Classical Heritage in Byzantine and Near East Art*. London, 1981. X. P. 71–85; *Buchthal H. The Miniatures of the Paris Psalter*. London, 1938; *Kitzinger E. The Hellenistic Heritage in Byzantine Art* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 95–115; *Belting H. Problemi vecchi e nuovi sull'arte della cosiddetta "Rinascenza Macedone"* a Bisanzio // *CorsiRav.* 1982. T. 29. P. 31–57; *Galavaris G. Η χωραφική των χειρογράφων στον δέκατο αιώνα* // *Constantine VII Porphyrogenitus and His Age. Second International Byzantine Conference*. Delphi, 22–26 July 1987. Athens, 1989. P. 333–375.

¹ См., например: *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts*. 2. Aufl. Bd. I. Wien, 1996. S. 32; *Belting H., Cavallo G. Die Bibel des Niketas. Ein Werk der hofischen Buchkunst in Byzanz und sein antikes Vorbild*. Wiesbaden, 1979. S. 39–41; *Belting H. Problemi vecchi e nuovi...* P. 31–37.

² О переходном характере искусства второй половины X — начала XI в. см.: *Vocotopoulos P. L. Un panorama de la miniatura bizantina de mediados del siglo X a mediados del siglo XI* // *El Menologio de Basilio II. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. gr. 1613. Libro de estudios con ocasión de la edición facsímil*, dirigido por Francesco D'Aiuto, edición española a cargo de Inmaculada Pérez Martín (Colección Scriptorium; 18). Città del Vaticano, Atenas, Madrid, 2008. P. 27–44; *Попова О. С. Образы и стиль византийского искусства второй половины X—XI вв. по миниатюрам греческих рукописей* // *Попова О. С., Захарова А. В., Орецкая И. А. Византийская миниатюра второй половины X — начала XII в.* М., 2012. С. 31–48; *Захарова А. В. Иллюстрированные рукописи второй половины X — первой половины XI века* // Там же. С. 112–235. Об искусстве т.н. «аскетического направления» второй четверти XI в. см.: *Попова О. С. Аскетическое направление в византийском искусстве второй четверти XI века и его дальнейшая судьба* // *Попова О. С. Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы*. М., 2006. С. 185–208; *Она же. Образы и стиль...* С. 12–14 (прим. 1, библиография), 52–66; *Она же. Пути византийского искусства*. М., 2013. С. 240–266; *Попова О. С., Сарабьянов В. Д. Мозаики и фрески Святой Софии Киевской*. М., 2017. С. 239–439.

в основном, на периферии. В этом смысле изучение кappадокийского материала весьма полезно и показательно.

Однако и для рассмотрения византийского искусства первой половины X в. привлечение кappадокийских росписей тоже очень интересно. От этого времени здесь сохранилось несколько десятков ансамблей, которые первый их исследователь Г. де Жерфандон назвал «архаическими программами»¹. Он полагал, что эти росписи представляют собой ярко выраженную местную школу, опирающуюся на доиконоборческие иконографические традиции сиро-палестинского региона.

Хотя впоследствии было показано, что очень многие иконографические и стилистические черты этих росписей в значительно большей степени связаны с современными им тенденциями в искусстве других областей Византийской империи, изучение пещерных храмов Каппадокии продолжало оставаться несколько обособленной областью. Огромный вклад внесли фундаментальные труды М. Рестле, Н. и М. Тьери, К. Жоливе-Леви и других ученых². Их многолетняя кропотливая работа позволила обнаружить десятки новых памятников, уточнить многие атрибуции и датировки, выявить многочисленные местные особенности в иконографических программах храмов и в изображениях отдельных сюжетов и персонажей.

Разумеется, и эти, и другие исследователи предпринимали попытки соотнести кappадокийские росписи с про-

¹ *De Jerphanion G. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce.* T. 1. Paris, 1925. P. 67–94.

² *Thierry N. et M. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan dağı.* Paris, 1963; *Thierry N. Haut Moyen-Age en Cappadoce. Les églises de la région de Çavuşin.* T. 1, 2. Paris, 1983, 1994; *Eadem. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen-Age.* Turnhout, 2002; *Restle M. Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasiens.* Bd. 1–3. Recklinghausen, 1967; *Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords.* Paris, 1991; *Eadem. La Cappadoce. Mémoire de Byzance.* Paris, 1997; *Eadem. La Cappadoce médiévale: images et spiritualité.* Paris, 2001; *Eadem. Sacred Art of Cappadocia: Byzantine Murals from the 6th to 13th centuries.* Istanbul, 2006.

изведениями остальных регионов Византийской империи, — как для атрибуции отдельных памятников, так и для понимания того, по каким направлениям развивалось искусство вообще..

Р. Кормак в своей ранней статье 1967 г.¹ впервые поставил цель использовать кappадокийский материал для реконструкции утраченного постиконоборческого искусства Константинополя. Однако в 1960-е гг. многие кappадокийские ансамбли еще не были раскрыты и опубликованы, датировки оставались дискуссионными.

В 1980-е гг. Э. Уортон-Эпстейн провела тщательное исследование одного из важнейших памятников региона — церкви Токалы в Гёреме². Она также опубликовала книгу об искусстве византийских провинций, включающую главу о Каппадокии, в которой рассматриваются местные особенности в усвоении столичных идей³. В те же годы появилась диссертация Дж. Кейв еще об одном значительном памятнике данного региона — церкви Кылычлар⁴. Эти работы выявили исключительный характер росписей церквей Кылычлар и Новой Токалы и прояснили многие связанные с ними вопросы.

Тем не менее, нам представляется возможным через сравнение кappадокийских ансамблей X в. с произведениями искусства других видов и других регионов выявить некоторые более тонкие нюансы в развитии процессов, протекавших в византийской живописи этого периода. В этой статье мы сосредоточимся на вопросах стиля.

¹ Cormack R. Byzantine Cappadocia: the Archaic Group of Wall-Paintings // Journal of the Archaeological Association. 3rd series. 1967. Vol. 30. P. 19–36.

² Wharton Epstein A. Tokali kilise. Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia. Washington, 1986.

³ Wharton A. Art of Empire: Painting and Architecture of the Byzantine Periphery. A Comparative Study of Four Provinces. University Park (PA); London, 1988. P. 13–52, об искусстве X в. см.: Ibid. P. 21–37.

⁴ Cave J. The Byzantine Wall Paintings of Kılıçlar kilise: Aspect of Monumental Decoration in Cappadocia. Diss. Philadelphia, 1984.

Послеиконоборческое искусство Каппадокии можно разделить на несколько этапов¹. В последнее время исследователям удалось достаточно убедительно отнести целый ряд ансамблей к IX в., что позволяет составить представление об исконных местных традициях, в значительной степени восходящих к доиконоборческому периоду. Затем можно вычленить большую группу так называемых археологических программ от рубежа IX–X вв. до середины X в., в которых прослеживаются как местные доиконоборческие традиции, так и определенные столичные влияния. В 950-е гг. на средства семьи будущего императора Никифора Фоки создается роспись Новой церкви Токалы в Гёреме, что все исследователи единодушно отмечают как момент сильнейшего вторжения столичного искусства в Каппадокию, наложивший заметный отпечаток на дальнейшее художественное развитие региона. Со второй половины X в. общие для византийского искусства процессы все более активно проявляются в каппадокийских ансамблях, существуя с местными особенностями и постепенно вытесняя их. К середине XI в. Каппадокия уже полностью находится в русле магистральных тенденций искусства своего времени.

В пост-иконоборческом искусстве Каппадокии уже к концу IX в. сформировался целый ряд местных особенностей, которые продолжат существовать и в дальнейшем. Большинство пещерных храмов — небольшие однонефные помещения, потолки и своды которых покрыты росписью в несколько регистров. В большинстве храмов преобладают росписи на евангельские сюжеты, идущие сплошной чередой непрерывными фризами. Нarrативный характер композиций дополняют пространные надписи с фрагментами евангельских текстов или литургических песнопений, а также многочисленные детали и второстепенные персонажи из апокрифических источников. Во многих храмах встречаются те или иные детали иконографии, восходящие

¹ Thierry N. La Cappadoce... Р. 109–111.

к доиконоборческим памятникам восточно-христианского региона. Стиль этих росписей тоже весьма специфичен и имеет целый ряд особенностей, общих с искусством Христианского Востока. Для памятников IX в. характерно плоскостное построение изображения на условном трехцветном фоне, без учета пространственных соотношений фигур и деталей антуражта. Фигуры трактованы схематично, понимание анатомической структуры и пластики тела, как и механики его движений, отсутствует. Драпировки имеют орнаментальный характер, все детали переданы исключительно графично, без какой-либо пластической моделировки. Лица имеют ярко выраженный «восточный» характер: сросшиеся брови, крупные глаза на выкате, загнутые носы, губы бантиком и т. д. Все эти характерные черты встречаются, например, в росписях Панчарлык Килисе близ Юргюпа (илл. 4.1)¹.

С конца IX до середины X в. создается достаточно большая и однородная группа так называемых «архаических программ». В них прослеживаются как местные доиконоборческие традиции, так и определенные столичные влияния. Эту группу выделил еще Г. де Жерфандон по архитектуре, иконографии росписей, стилю живописи, палеографии и характеру надписей². Сейчас насчитывается уже более 30 таких ансамблей. Дальнейшие исследования показали, что между ними есть немало различий. Исследователи предпринимали попытки разделить эти ансамбли на более мелкие подгруппы, прежде всего по географическому принципу³. Так, особая подгруппа архаических программ сохранилась в долине Ихлара, в ней прослеживаются ярко выраженные восточные черты (илл. 4.2). Другая небольшая подгруппа ансамблей, созданных одной мастерской,

¹ Jolivet-Lévy C. Les églises... P. 219–222.

² См. с. 156, прим. 4.

³ Thierry N. et M. Nouvelles églises rupestres...; Thierry N. La Cappadoce... P. 143–167.

сформировалась вокруг росписей Старой церкви Токалы в Гёреме¹ и Айвалы в Гюллю Дере². Последняя роспись датирована по надписи промежутком между 913 и 920 г., что дает важную хронологическую привязку для этих и связанных с ними ансамблей. Еще одна архаическая программа в церкви Тавшанлы близ Ортахисара по надписи датируется либо 913–920, либо 945–948 гг. (илл. 4.3)³. Одной из последних архаических программ считается недатированный купольный храм Эль Назар в Гёреме, относимый к середине X в. (илл. 4.4)⁴.

Все исследователи сходятся в том, что из архаической группы выделяется церковь Кылычлар в Гёреме (илл. 4.5–7, 9, 11, 14, 17). Этот храм — один из наиболее сложных по архитектуре: он представляет собой имитацию крестово-купольной церкви на четырех колоннах. Его иконографическая программа имеет другой характер. Вместо последовательного разворачивающегося евангельского повествования здесь использовано выделение и сопоставление отдельных сюжетов, причем во многих сценах прослеживается влияние константинопольских образцов также и на уровне деталей.

Исследователи высказывали разные мнения о датировке Кылычлар. Г. де Жерфандон после определенных колебаний отдалил Кылычлар от архаических программ и от-

¹ *De Jerphanion G. Une nouvelle province... T. 1. P. 262–294; Wharton Epstein A. Tokali kilise... P. 14–22, 60–65; Thierry N. Un atelier de peintures du début du Xe siècle: l'atelier de l'ancienne église de Tokali // Eadem. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux Xe et XIe siècle. London, 1977. IV. P. 170–178; Eadem. La Cappadoce... Fiche 26. Pl. 80; Jolivet-Lévy C. Les églises... P. 37–44.*

² *De Jerphanion G. Une nouvelle province... T. 1. P. 150–154; Thierry N. Haut Moyen-Age... T. 1. P. 135–181. T. 2. P. 405–406; Eadem. Un atelier...; Eadem. La Cappadoce... Fiche 24, 25. P. 150–154. Pl. 73–76. Jolivet-Lévy C. Les églises. P. 37–44.*

³ *De Jerphanion G. Une nouvelle province... T. 2. P. 78–99; Jolivet-Lévy C. Les églises... P. 182–184; Thierry N. La Cappadoce... Fiche 28.*

⁴ *De Jerphanion G. Une nouvelle province... T. 1. P. 177–198; Jolivet-Lévy C. Les églises. P. 83–85; Thierry N. La Cappadoce. Fiche 29. Pl. 68.*

нес к концу X в., поскольку иконография этого ансамбля значительно ближе к средневизантийским программам¹. Этой датировке придерживался и К. Уолтер². Однако эту точку зрения не разделяют другие ученые. Автор диссертации о Кылычлар Дж. Кейв и вслед за ней К. Жоливе-Леви отнесли ансамбль ко второй четверти или середине X в., считая, что он замыкает группу архаических программ и предвосхищает переход к другому иконографическому подходу — общевизантийскому «иерархически-богословскому планированию»³. Другие ученые настаивают на сходстве живописи Кылычлар с произведениями конца IX — начала X в. и датируют роспись этим временем: М. Рестле, Р. Кормак, Н. Тьерри, Э. Уортон-Эпстейн⁴. Мы присоединяемся к последним и попробуем более детально проанализировать стилистические особенности этой росписи.

Построение композиций в росписи Кылычлар отличается пространственным характером. Действие разворачивается на темно-синем фоне, фигуры движутся по узкой полосе позема на первом плане, при этом во многих сценах есть намек на второй и третий план, создаваемый взаимным расположением фигур или включением элементов пейзажа и архитектуры (илл. 4.5–6).

По сравнению с ансамблями IX в. или архаическими программами, фигуры персонажей Кылычлар в целом имеют гораздо более правильное анатомическое строение и более естественные позы и движения. Так, в композиции Вознесения апостолы традиционно изображаются в разнообразных и часто довольно сложных позах. Они уверенно стоят на ногах, легко поворачиваются и изгибаются, жести-

¹ *De Jerphanion G. Une nouvelle province...* T. 1. P. 199–242. T. 2. P. 418.

² *Walter C. Art and Ritual of the Byzantine Church.* London, 1980. P. 232.

³ *Cave J. The Byzantine Wall Paintings...;* *Jolivet-Lévy C. Les églises...* P. 137–141.

⁴ *Restle M. Die byzantinische Wandmalerei...* Abb. 251–278; *Cormack R. Byzantine Cappadocia...* P. 35; *Wharton A. Art of Empire...* P. 24–28; *Thierry N. La Cappadoce...* P. 149, 150. *Fiche 34.*

кулируют. Движения хорошо выявлены с помощью драпировок довольно точного рисунка. В других композициях фигуры имеют не столь правильное строение, в рисунке заметна тенденция к упрощению, что явно связано с работой нескольких мастеров.

Фигуры персонажей не лишены определенного объема, что достигается с помощью элементарной пластической моделировки: и одежды, и лики написаны в несколько тонов или даже слоев. Рисунок здесь играет очень важную роль, но не является единственным средством моделировки. Это тоже представляется существенным отличием росписи Кылычлар от остальных современных ей кappадокийских ансамблей.

В Кылычлар преобладают ярко выраженные восточные типажи с очень крупными темными глазами, рублеными носами, жесткими темными контурами вокруг всех черт лица. С другой стороны, лица отнюдь не так однообразны, как в других ансамблях того же времени. Среди них много индивидуальных и своеобразных, выражения варьируются. Особое очарование персонажам придает красивая пластичная манера проработки губ: с рельефной складкой между носом и широкой выемкой верхней губы, с фигурным абрисом нижней губы и складочкой в уголках рта (илл. 4.7). Этот прием восходит к классическим образцам, по-своему переработанным местными мастерами.

В целом в росписях Кылычлар безусловно присутствует классическая основа, хотя и в сильно размытом, упрощенном виде. Это выделяет Кылычлар среди других ансамблей конца IX — первой половины X в.

Исследователи, предлагавшие раннюю датировку Кылычлар¹, обосновывали ее сходством с такими известными столичными произведениями как рукопись Гомилий Григория Назианзина гр. 510 из Национальной библи-

¹ См. с. 161, прим. 4.

отеки Франции (879–883)¹, Книга Иова gr. Z. 538 из Библиотеки Марциана в Венеции (905 г.)², рукопись Косьмы Индикоплова Vat. gr. 699 из Ватиканской библиотеки³. И действительно, эти и другие произведения свидетельствуют, что на рубеже IX–X вв. в Константинополе получил распространение торжественный монументальный стиль, в котором, с одной стороны, была очень важна классическая составляющая, а с другой стороны, ценилась более сильная выразительность тяжеловатых, мощных форм, что даже в миниатюрах рукописей нередко вело к определенной упрощенности и огрубленности крупных форм. В этом росписи Кылычлар действительно родственны столичному искусству, при всей разнице качественного уровня.

Прослеживается даже конкретное сходство в типах лиц. Так, характерный рисунок крупного рта с полными губами и широкой складкой, тяжеловатый подбородок, прямой нос с полосами теней по сторонам — все это повторяется в образах из Кылычлар и в столичных миниатюрах, таких как парижские гомилии Григория Назианзина или ватиканская рукопись Косьмы Индикоплова (илл. 4.8–11).

В качестве аналогий Кылычлар можно привести не только столичные рукописи, но и мозаики. Так, подобная ком-

¹ Weitzmann K. Die Byzantinische Buchmalerei... S. 2–7; Brubaker L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge, 1999. Рукопись в оцифрованном виде представлена на сайте: <http://mandragore.bnf.fr> (дата обращения: 11.12.2018).

² Weitzmann K. Die Byzantinische Buchmalerei... S. 5–6; Furlan I. Codici greci illustrati della Biblioteca Marciana. Vol. I. Padova, 1978. P. 27–33.

³ Stornajolo C. Le miniature della Topografia Cristiana di Cosma Indicopleuste. Milano, 1908; Weitzmann K. Die Byzantinische Buchmalerei... S. 4–5; Brubaker L. The Christian Topography (Vat. gr. 699) revisited: image, text, and conflict in ninth-century Byzantium // Byzantine Style, Religion and Civilization: in Honour of Sir Steven Runciman / Ed. by E. M. Jeffreys. Cambridge, 2006. P. 3–24. Рукопись в оцифрованном виде представлена на сайте: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.699 (дата обращения: 11.12.2018).

бинация классической основы с сильной графической стилизацией и грубоватой экспрессией образов присутствует в мозаике нартекса Св. Софии Константинопольской, особенно в изображении Льва VI¹ (илл. 4.12). Те же черты стиля и те же типажи встречаются и в других регионах Византийской империи, например, в мозаиках Св. Софии в Салониках (кон. IX в.)², которые тоже представляют параллели для Кылычлар (илл. 4.13–15).

Можно заключить, что такой грубовато-монументальный вариант классического стиля был распространен в Византии повсеместно на рубеже IX–X вв. и шел, вероятно, из столицы. Каппадокия не осталась в стороне, и росписи Кылычлар наиболее точно отразили эту столичную тенденцию.

Далее на протяжении первой половины X в. в каппадокийских архаических программах происходит размывание «эллинизма». Так, Н. Тьери сравнивала росписи Айвалы-килисе (илл. 4.16) с мозаиками Св. Софии Солунской и нартекса Св. Софии Константинопольской³. На наш взгляд, по сравнению с Кылычлар, в Айвалы декоративная геометрическая стилизация органических классических форм продвинулась на шаг дальше. Такая же стилизация характерна и для росписей Старой церкви Токалы, выполненных тою же артелью (илл. 4.17–18). В работах менее искусных мастеров, в которых связь ни со столичными образцами, ни со стилем Кылычлар уже почти не прослеживается, живопись становится сильно упрощенной и огрубленной.

¹ Whittemore T. The mosaics of St. Sophia at Istanbul, Preliminary Report on the First Year's Work 1931–1932: The Mosaics of the Narthex. Oxford, 1933; Hawkins E. J. W. Further observations on the narthex mosaic in St. Sophia at Istanbul // Dumbarton Oaks Papers. 1968. Vol. 22. P. 153–166.

² Bakirtzis Ch., Kourkoutidou-Nikolaidou E., Mavropoulou-Tsioumi Ch. Mosaics of Thessaloniki: 4th to 11th Century. Athens, 2012. P. 238–295; Mavropoulou-Tsioumi Ch. Hagia Sophia. The Great Church of Thessaloniki. Athens, 2014.

³ Thierry N. Un atelier... P. 175. Pl. XVII, XIX; Thierry N. La Cappadoce... P. 150–151. Pl. 19.

Итак, на рубеже IX–X вв. в Каппадокию проникает мощная волна влияния столичного искусства. Наиболее ярко это влияние и в иконографии, и в стиле отражает церковь Кылычлар, в меньшей степени — архаические программы. Была ли именно роспись Кылычлар этим главным проводником столичного влияния, или был некий другой не сохранившийся памятник, который она отражает точнее других? Поскольку среди архаических программ нет копий Кылычлар, второй вариант представляется более вероятным. Видимо, росписи Кылычлар точнее отражают влияние какого-то утраченного ансамбля, как и архаические программы, в которых происходит дальнейшая переработка столичных тенденций в соответствии с местными вкусами и возможностями.

К середине X в. столичное искусство отходит от прежней тенденции к мощной выразительности крупных форм. Развивается более утонченный и легкий стиль, в котором ценится пластичность фигур и живописный иллюзионизм. Этот стиль представлен самыми знаменитыми произведениями Македонского Ренессанса, такими как Библия королевы Христины¹, Парижская Псалтирь², Евангелие cod. 43 из монастыря Ставроникиты на Афоне³ (илл. 4.19). Можно

¹ Mango C. The Date of Cod. Vat. Regin. Gr. 1 and the “Macedonian Renaissance” // Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia, Institutum Romanum Norvegiae. 1969. T. 4. P. 121–126; Die Bibel des Patricius Leo. Reg. gr. I B / Einführung von S. Dufrenne und P. Canart. Zürich, 1988.

² Buchthal H. The miniatures...; Weitzmann K. Der pariser Psalter...; *idem*. Die byzantinische Buchmalerei. Bd. I. S. 8–13; Cutler A. The Aristocratic Psalters in Byzantium. Paris, 1984. №. 39.

³ Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei. Bd. 1. S. 23–24. Abb. 169–178; Bd. 2. S. 31–32; Χρήστον Π. Κ., Μαυροπούλον-Τσιούμη Χ., Καδάς Σ. Ν., Καλαμπάτζη-Κατσαρού Α. Θησαυροί ου Αγίου Όρους. Τ. Δ'. Αθήνα, 1991. Σ. 334–337. Εικ. 339–356; Perria L., Iacobini A. Il codice F.V. 18 di Messina, l'Athos Stavronikita 43 e la produzione libraria costantinopolitana del primo periodo macedone // RSBN. 1994. N.S. Vol. 31. P. 81–163; Μαυροπούλου-Τσιούμη Χρ., Galavaris G. Holy Stavroniketa Monastery. Illustrated Manuscripts from 10th to 17th Century. Mount Athos, 2008. Vol. 1. P. 31–42; 2007. Vol. 2. Fig. 2–55.

было бы предположить, что такое искусство существовало только в миниатюрах иллюстрированных рукописей и не затронуло сферу монументальной живописи. Но именно в Каппадокии сохранилось ценное свидетельство обратного: чуть ли не единственный памятник монументальной живописи высокого уровня, точно отражающий те же тенденции, что и столичная книжная иллюстрация. Речь идет о росписи Новой церкви Токалы в Гёреме (илл. 4.20–23)¹. Как установила Н. Тьери, она была создана по заказу семьи будущего императора Никифора Фоки в 950-е гг.² О знатности и богатстве заказчиков свидетельствуют не только ктиторские надписи, но и использование таких дорогостоящих материалов как лазурит и листовое золото. В иконографической программе ансамбля очевидна связь с местными традициями. В то же время, в ней появляются и некоторые столичные черты, и совершенно оригинальные решения.

Высокий художественный уровень росписи и близость ее стиля к произведениям книжной миниатюры Македонского Ренессанса позволяют предполагать связь мастеров Новой церкви Токалы с Константинополем³. Построение композиций, соотношение многопланового пространства и свободно движущихся в нем фигур свидетельствуют о приверженности мастеров классическому стилю. Это коренным образом отличает Новую церковь от местной традиции, представленной поздними «архаическими» про-

¹ *De Jerphanion G. Une nouvelle province... T. 1. P. 297–376; Restile M. Die byzantinische Wandmalerei... Bd. 3. Abb. 61–123; Thierry N. La Vierge de tendresse à l'époque macédonienne // Zograf. 1979. T. 10. P. 59–70; Eadem. La Cappadoce... Fiche 35. P. 169–173. Pl. 80–85; Rodley L. Cave Monasteries... P. 213–222; Wharton Epstein A. Tokali kilise...; Jolivet-Lévy C. Les églises... P. 94–108.*

² *Thierry N. La peinture de Cappadoce au Xe siècle. Recherches sur les commanditaires de la Nouvelle Eglise de Tokali et autres monuments // Constantine VII Porphyrogennitus... P. 217–233; Thierry N. De la datation des églises de Cappadoce // BZ. 1995. Bd. 88. P. 437–444.*

³ *Wharton Epstein A. Tokali kilise... P. 26–27, 39–44.*

граммами» середины X в., такими как росписи Эль Назар в Гёреме (середина X в.)¹ или «Большая Голубятня» в Чавушине (965–969)². В Новой церкви Токалы крупные тела с маленькими головами имеют правильное анатомическое строение, пропорции несколько удлинены, благодаря чему фигуры кажутся легкими. Они изображены в естественных и спокойных позах или движениях, выявленных с помощью тщательного, иногда суховатого и дробного рисунка драпировок. В каждой сцене использованы разные типы лиц, причем многие из них находят близкие аналогии среди произведений столичной книжной миниатюры третьей четверти X в.

Как правило, впечатление объемности в личном и доличном письме достигается с помощью пластической моделировки постепенным высыплением основного тона. Нередко мастера прибегают и к более эскизной манере, с открытыми цветными и белильными мазками, что придает лицам и фигурам живость, оставляет впечатление игры света и рефлексов на поверхности. В этом проявляется характерная для Македонского Ренессанса склонность к иллюзионизму. Однако среди образов Новой церкви Токалы есть и такие, в которых появляется тенденция к более острой выразительности: лица делаются некрасивыми, живописная манера приобретает экспрессивный характер (илл. 4.23). В этом можно видеть наметившуюся тенденцию к отходу от идеалов Македонского ренессанса, которая прослеживается и по миниатюрам столичных рукописей третьей четверти X в.

¹ См. с. 160, прим. 4.

² *De Jerphanion G. Une nouvelle province... T. 1. P. 520–550; Restle M. Die byzantinische Wandmalerei... Bd. 3. Abb. 309–329; Rodley L. The Pigeon House Church, Çavuşin // JÖB. 1983. Bd. 33. P. 301–339; Thierry N. Haut Moyen-Age... Vol. 1. P. 43–57; Eadem. Un portrait de Jean Tzimiskès en Cappadoce // TM. 1985. Vol. 9. P. 477–484; Jolivet-Levy C. Les églises... P. 15–22; Thierry N. La Cappadoce... Fiche 36. P. 173–177. Pl. 86.*

Одно из самых ярких произведений третьей четверти X в., в которых антиклассические тенденции этого времени выразились наиболее остро, — Трапезундское Евангелие из РНБ в Санкт-Петербурге (илл. 4.24)¹. Многие миниатюры этой рукописи отличает подчеркнутая экспрессия, во многом противоположная духу Македонского ренессанса. Материалистичность и натурализм здесь преодолеваются с помощью намеренного нарушения соотношения предметов и фигур в пространстве, искажения пропорций человеческих тел и лиц, утрирования резких, неестественных движений. Некоторые образы в миниатюрах этой рукописи наделены пронзительным трагизмом.

В других произведениях третьей четверти X в. новые художественные приемы менее радикальны, классическую гармонию нарушают лишь отдельные черты и заостренные акценты. Так, в рукописи Нового завета cod. add. 28815 из Британской библиотеки в Лондоне² фигуры апостолов написаны очень легко и свободно. Светлые одежды, переливающиеся множеством оттенков, кажутся полупрозрачными; складки драпировок сделаны несколькими пятнами и штрихами, тщательной и скрупулезной лепки объема нет, благодаря чему фигуры выглядят легкими, почти лишенными веса. Однако в позах и движениях персонажей часто появляется нервная резкость, в тонких худых лицах — строгость и напряженность.

Со второй половины X в. как в Константинополе, так и в Каппадокии классический стиль Македонского ренессанса постепенно перерождается. Правильнее говорить не столько об утрате классической составляющей, сколько о пере-

¹ Захарова А. В. Трапезундское Евангелие (РНБ, гр. 21 и 21а) // Попова О. С., Захарова А. В., Орецкая И. А. Византийская миниатюра ... С. 112–144.

² Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei... Bd. 1. S. 20. Abb. 136–139. Bd. 2. S. 29; Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections / Ed. by D. Buckton. London, 1994. P. 136–137. No. 147.

ориентации всего образного строя. Искусство второй половины X в. имело совершенно очевидную цель: создание нового живописного языка, позволяющего максимально полно выразить более глубокое — по сравнению с классицистической живописью Македонского ренессанса — духовное содержание образов.

Для константинопольской живописи второй половины X — начала XI в., представленной, в основном, книжной миниатюрой, характерна в целом натуральная передача физических аспектов материального мира. Объем, фактура поверхностей и освещение кажутся вполне естественными благодаря тщательной пластической моделировке, сделанной с помощью мягких градаций тона и полупрозрачных белильных лессировок. В характере образов в целом преобладает классическая гармония и уравновешенность. При этом почти во всех произведениях этой эпохи чувствуется определенное стремление к акцентированию духовного содержания образа, к более острой выразительности. Как правило, оно воплощается в усилении мотивов, передающих беспокойство и внутреннее напряжение. Подчеркивается телесная изможденность; активизируется мимика, позы и жесты персонажей. Пропорции фигур становятся то более вытянутыми, легкими и утонченными, то более монументальными и тяжелыми, подчеркивающими телесную и духовную мощь. Постепенно усиливается роль линии и геометрических форм. Они приобретают все большую условность и начинают диссонировать с плавной пластической моделировкой объема. Все эти черты встречаются в целом ряде произведений иконописи и книжной миниатюры рубежа X–XI вв., таких как Псалтирь и Минология Василия II, Евангельские чтения cod. 204 из монастыря Св. Екатерины на Синае, Четвероевангелия Coislin 20 из Национальной библиотеки Франции в Париже, cod. 588 из монастыря Дионисиу на Афоне (илл. 4.25), Vat. gr. 364 из Ватиканской библиотеки, cod. Suppl. gr. 50* из Австрийской националь-

ной библиотеки в Вене, cod. Cromwell 16 из Библиотеки Бодлеана в Оксфорде и др.¹

Аналогичное сочетание старых живописных приемов, восходящих к наследию эпохи Македонского ренессанса, с поисками новых вразительных средств обнаруживается в единственном дошедшем до нас произведении столичной монументальной живописи конца X в. — мозаике южного вестибюля Св. Софии Константинопольской (илл. 4.26)². Фигуры Богородицы и императоров имеют почти правильные пропорции, их позы устойчивы и естественны. Однако лица Константина и Юстиниана изборождены глубокими резкими морщинами, на щеках темные треугольные впадины, под глазами — подтеки, напоминающие слезы. Все эти черты придают образам императоров остроту и напряженность.

Те же тенденции можно обнаружить и в монументальной живописи Каппадокии³. Роспись Новой Токалы оставила заметный след в местной художественной жизни. И хотя среди произведений второй половины X — начала XI в. больше нет росписей столь высокого уровня, в целом ряде ансамблей, созданных местными мастерами, можно проследить влияние классического стиля Новой Токалы, так и постепенный переход к более условной манере письма и более строгому, духовно насыщенному характеру образов.

¹ О книжной миниатюре рубежа X–XI вв. см.: Захарова А. В. Минология Василия II (Vat. Gr. 1613) // Попова О. С., Захарова А. В., Орецкая И. А. Византийская миниатюра... С. 145–206.

² Whittetmore T. The mosaics of St. Sophia at Istanbul, Second Preliminary Report on the Work done in 1933–1934: The Mosaics of the Southern Vestibule. Oxford, 1936; Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 74–75, 216–217. Прим. 81; Riccardi L. Alcune riflessioni sul mosaico del vestibolo sud-ovest della Santa Sofia di Costantinopoli // Vie per Bisanzio. VII Congresso Nazionale dell'Associazione Italiana di Studi Bizantini (Венеция, 25–28 Ноябрь 2009) / A cura di A. Rigo, A. Babuin e M. Trizio. Bari, 2013. Т. 1. Р. 357–371.

³ Подробнее об этом см.: Захарова А. В. Монументальная живопись второй половины X — начала XI в. в Каппадокии // Византийский временник. 2015. Т. 74. С. 196–210.

Временем правления императоров Василия II и Константина VIII (976–1025) датируется пещерная церковь Дирекли в Белисирме, имитирующая крестово-купольный храм на четырех опорах¹. Росписи здесь располагаются лишь в восточной части и на столбах и представляют, в основном, отдельные изображения святых — ростовые, поясные или в медальонах (илл. 4.27–29). Величественные фигуры торжественны и неподвижны. Несмотря на крупные пропорции, они выглядят легкими благодаря крошечным ступням и плоскостной трактовке одежд. Вместо пластической моделировки здесь используются линии и пятна, часто белые, символизирующие лучи и создающие условную графическую структуру, лишь отчасти совпадающую со строением тела и естественными формами драпировок. Монументальная статика и схематизм форм, несомненно, свидетельствуют о появлении в Каппадокии нового стиля, который будет преобладать в византийской живописи повсеместно в первой половине XI в. При этом в трактовке некоторых ликов еще сохраняются черты живописного иллюзионизма, восходящего к росписям Новой Токалы. Таковы образы пророков из Дирекли, с их узкими лицами и большими ртами, свободной живописной манерой письма подвижным открытым мазком. Однако сам характер этих образов заметно отличается от Новой Токалы некой вдохновенной приподнятостью, озаренностью. В лицах других святых преобладают отрешенность и внутреннее напряжение.

¹ Lafontaine-Dosogne J. Nouvelles notes cappadociennes // *Byzantion*. 1963. T. 33. P. 144–147; *Eadem*. L'église rupestre dite Eski Baca kilisesi et la place de la Vierge dans les absides cappadociennes // *JÖB*. 1972. Bd. 21. S. 174; Thierry N. et M. Nouvelles églises... P. 183–192; Hild F., Restlé M. Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos). Wien, 1981. S. 257; Restlé M. Die byzantinische Wandmalerei... Bd. 3. Abb. 521, 522; Schiemenz G. P. Die Kapelle des Styliten Niketas in den Weinbergen von Ortahisar // *JÖB*. 1969. Bd. 18. S. 248–249. Anm. 24; *Idem*. Ein Neufund byzantinischer Wandmalerei aus Güselyurt // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 1972. Bd. 67. S. 155–156; Jolivet-Lévy C. Les églises... P. 323–327; Rodley L. Cave Monasteries... P. 85–95; Thierry N. Cappadoce... P. 182, 183, 187.

ние, которые предвосхищают образность формирующегося нового стиля.

Тот же переходный характер стиля имеют росписи пещерной церкви Ала Килисе в Белисирме, которые, вероятно, также относятся к рубежу X–XI в.¹ В этом ансамбле в построении композиций и трактовке фигур в целом выдержаны классические установки. Тщательно разработанные складки одежд выявляют вполне естественные движения персонажей, однако моделировка объема здесь, как и в Дирекли Килисе, почти везде сделана с помощью линий и схематично переданных световых бликов. Та же двойственность прослеживается в трактовке ликов святых: пропорции близки к естественным, манера письма с обилием разнообразных мазков и пятен остается живописной и подвижной, однако во взглядах слегка расширенных и словно невидящих глаз есть одновременно и вдохновенность, и отрешенность (илл. 4.30–31).

Вероятно, одним из наиболее значительных памятников монументальной живописи Каппадокии рубежа X–XI вв. следует считать триконх в Тагаре близ Юргюпа². Редкая для Каппадокии типология этого сооружения (пещерная церковь, имитирующая купольный триконх), а также

¹ Предлагались поздние датировки ансамбля XII в. (*Lafontaine-Dosogne J. Nouvelles notes cappadociennes...* Р. 142–143) или даже XII–XIII в. (*Hild F., Restle M. Kappadokien...* S. 257). Наиболее полное описание ансамбля и датировка росписей XI в.: *Thierry N. et M. Nouvelles églises...* Р. 193–200). К. Жоливе-Леви присоединилась к этому мнению (*Jolivet-Lévy C. Les églises...* Р. 329–330). См. также: *Thierry N. Cappadoce...* Р. 101, 187, где росписи Ала Килисе отнесены к началу XI в., что представляется нам верным.

² Ж. Лафонтен-Дозонь без достаточных оснований отнесла росписи Тагара к концу XI — началу XII в. (*Lafontaine-Dosogne J. Nouvelles notes cappadociennes...* Р. 132–133). М. Рестле датировал росписи южной апсиды второй половиной X в., остальные — второй половиной XI в. (*Restle M. Die byzantinische Wandmalerei...* Bd. 1. S. 53–56. Bd. 3. Abb. 355–373). Широкую датировку XI в. предлагали Г. де Жерфандон (*De Jerphanion G. Une nouvelle province...* Т. 2. Р. 187–205) и К. Жоливе-Леви (*Jolivet-Lévy C. Les églises...* Р. 211–215). Н. Тьеरри (*Thierry N. Cappadoce...* Р. 90, 183, 187) отнесла росписи к периоду ок. 1000 г. или началу XI в., что, на наш взгляд, верно.

высочайший художественный уровень росписей позволяет предполагать, что это был кафоликон крупного монастыря, сооруженный и расписанный по заказу кого-то из представителей местной знати.

В трактовке фигур и ликов художники Тагара ориентировались на классический стиль Новой церкви Токалы. В прекрасно сохранившихся сценах Деисуса в главной и северной апсидах используется живописная техника с открытым мазком и цветными пятнами. В письме ликов она свободно приспосабливается и для моделировки объема, и для заострения психологической характеристики образов (илл. 4.32). Не только манера письма, но и сами типы лиц очень напоминают росписи Новой Токалы, а также столичную книжную миниатюру второй половины X в.

В Тагаре есть и образы нового типа, в которых со всей отчетливостью выражено особое духовное состояние. Таковы, например, пророки и праотцы в медальонах в софитах арок (илл. 4.33). Черты лиц становятся более правильными, симметричными и неподвижными; появляются жесткие темные контуры, придающие ликам большую степень условности. Взгляды приобретают особую концентрированную выразительность. Все эти художественные приемы будут характерны для византийского искусства первой половины XI в. так называемого «аскетического направления»¹.

Как видим, во второй половине X в. кappадокийские росписи уже находятся в русле общих для византийского искусства процессов. Классический столичный стиль, привнесенный сюда росписями Новой церкви Токалы, укоренился и продолжал оказывать влияние на работы местных мастеров². Те тенденции, которые развивались на протяжении царствования Василия II, можно увидеть и в великолепных

¹ Н. Тье́ри (Thierry N. Cappadoce... Р. 183) также усматривает сходство между отдельными образами триконха в Тагаре и мозаиками Осиос Лукас.

² Ibid. Р. 187.

столичных рукописях, и в более скромных по художественному уровню росписях каппадокийских пещерных храмов.

Подведем итоги. На рубеже IX–X вв. важнейшие тенденции столичного искусства проникают в Каппадокию. Их самым ярким отражением становятся росписи церкви Кылычлар. Они сильно отличаются по стилю и иконографии от других местных ансамблей, как более ранних, так и современных им. Поэтому росписи Кылычлар можно использовать как источник для понимания процессов, протекавших в столичном искусстве. Этот ансамбль свидетельствует о широком распространении и усвоении в провинции монументального стиля раннего Македонского ренессанса. Некоторые элементы этого стиля прослеживаются и в росписях храмов с «архаическими программами», однако на них это влияние отразилось слабо.

Росписи Новой церкви Токалы стали источником второй, уже гораздо более мощной волны столичного влияния на искусство Каппадокии, которое имело более серьезные последствия. Новая церковь Токалы — единственный сохранившийся пример монументальной живописи Македонского ренессанса. Классический стиль этого ансамбля был в значительной мере усвоен в Каппадокии во второй половине X — начале XI в. и продолжал развиваться в том же направлении, что и искусство столицы. Поскольку от монументальной живописи этого периода сохранилось лишь несколько фрагментов на других территориях, каппадокийские ансамбли представляют собой важные свидетельства перехода к более строгому аскетическому стилю, который будет преобладать в искусстве всей Византийской империи в первой половине XI в.

Толга Уяр

РЕЛЬЕФЫ, РОСПИСИ И НАДПИСИ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВОЕ ОТКРЫТИЕ БЕЗИРАНА КИЛИСЕ (ПЕРИСТРЕМА, КАППАДОКИЯ)

Даже после того как Сельджукский султанат стал основной политической и экономической силой в Анатолии в конце XII в.¹, христианское искусство и архитектура Каппадокии оставались связанны с византийскими традициями, обращаясь ко множеству источников, общих для различных христианских культур восточного Среди-

¹ См. недавние исследования политических и социокультурных трансформаций в Центральной Анатолии XII–XIV вв.: *Korobeïnikov D. Raiders and Neighbours: The Turks (1040–1304)* // *The Cambridge History of the Byzantine Empire (500–1492)* / Ed. by J. Shepard Cambridge, 2008. P. 692–727; *Fleet K. Anatolia under the Mongols* // *The Cambridge History of Turkey. Vol 1. Cambridge*, 2009. P. 51–101; *The Seljuks of Anatolia: Court and Society in the Medieval Middle East* / Ed. by A. C. S. Peacock, S. N. Yıldız. London; New York, 2013; *Korobeïnikov D. Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. Oxford, 2014; *Islam and Christianity in Medieval Anatolia* / Ed. by Peacock A. C. S., Yıldız S. N. Farnham–Burlington, 2015; *Shukurov R. The Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden–Boston, 2016; *Blessing P. Rebuilding Anatolia after the Mongol Conquest: Islamic Architecture in the Lands of Rûm, 1240–1330*. Farnham–Burlington, 2017; *Beihammer A. D. Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040–1130*. London–New York, 2017.

земноморья¹. Хотя в искусстве Каппадокии присутствуют многочисленные свидетельства этого общего лексикона”, распространенного в различных сферах культурного и политического влияния, каппадокийское христианское искусство и архитектура также сохраняют облик, характерный для византийских общин, особенно в идейном аспекте богослужебных и поминальных пространств².

Обычный путь изучения сакрального пространства в Византии фокусируется на сети взаимодействий между архитектурной формой и функцией, ритуалом и литургическим текстом, а также иконографическими программами³. Тем не менее, новые данные, полученные в ходе более общих теоретических и методологических дискуссий в области гуманитарных наук, формируют более динамичный взгляд, делая акцент на «вкладе зрителя». Вдохновляясь преимущественно теорией рецепции и принимая во внимание чувственное восприятие, современные подходы в истории искусства способствуют появлению новых связей между вербальной, визуальной и сенсорной коммуникациями, а отсюда вытекают вопросы о роли заказчика и прихожан в созерцании сакрального пространства⁴.

¹ Обзор искусства Каппадокии XIII в. с учетом влияния Византии, Сельджукского султаната и восточного христианства см. в: *Uyar T. B. Thirteenth-Century Byzantine Painting in Cappadocia: New Evidence // Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries, First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Ed. by A. Ödekan, E. Akyürek, N. Necipoğlu. Istanbul, 2010. P. 617–625.*

² *Uyar T. B. Art et société en pays de Rûm: les peintures ‘byzantines’ du XIIe siècle en Cappadoce. Vol. 1–2. Diss. Paris, 2011. P. 229–379.*

³ *Demus O. Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium. New Rochelle, 1993; Grabar A. Martyrium: recherches sur le culte des reliques et l’art Chrétien antique. Paris, 1946.*

⁴ *James L. Senses and Sensibility in Byzantium // Art History. 2004. Vol. 27. P. 522–537; Hierotopy: Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia / Ed. by A. Lidov. Moscow, 2006; Baschet J. Le lieu rituel et son décor // L’iconographie médiévale / Ed. par J. Baschet. Paris, 2008. P. 67–101; Spatial Icons: Performativity in Byzantium and Medieval Russia / Ed. by A. Lidov. Moscow, 2011; Pentcheva B. The Sensual Icon: Space, Ritual, and the Senses in Byzantium. University Park, 2010; Gerstel S. Monastic Soundspace: The Art and Act of Chanting // Resoun-*

Настоящая статья, в которой использованы результаты последних теоретических дискуссий, имеет своей целью показать на примере рельефов, надписей и фресковой декорации церкви Безирана Килисе в Каппадокии, , до какой степени создание сакрального пространства в отдаленном регионе вне территории империи — и под властью ислама — способно имитировать устоявшиеся образцы и символические системы городских и культурных центров Византии.

Церковь

Церковь находится на окраине небольшой деревни Белисырма (византийская Перистремма)¹, расположенной в долине Ихлара, приблизительно в 25 милях к юго-востоку от Аксарая, важного городского центра сельджукской державы².

Это высеченный в скале погребальный комплекс скромных размеров, расписанный в конце XIII в. Первое, частичное исследование церкви, проведенное Жаклин Лафонтен-Дозонь, относится к 1968 г.³ Хотя Николь Тьери и Катрин

ding Images: The Aural and Visual Arts [in Harmony], 800–1500 / Ed. by S. Boynton, D. J. Reilly. Turnhout, 2015. P. 135–152; Knowing Bodies, Passionate Souls: Sense Perceptions in Byzantium / Ed. by S. Ashbrook Harvey, M. Mullet. Washington, 2017; Gerstel S. Soundscapes of Byzantium: The Acheiropoietos Basilica and the Cathedral of Hagia Sophia in Thessaloniki // *Hesperia*. 2018. Vol. 87. P. 177–213.

¹ *Hild F., Restle M. Kappadokien (Tabula Imperi Byzantini; 1)*. Wien, 1981. S. 254–257. Местность, упоминаемая как Belesereme в более поздних источниках, таких, как наиболее ранние османские налоговые реестры, в начале XVI в. была населена в основном христианами, см.: *Beldiceanu-Steinherr I. La géographie historique de l'Anatolie centrale d'après les registres ottomans* // CRAI. 1982. Vol. 126.3. P. 443–503.

² О городе Аксарай в сельджукский период см.: *Konyali I. H. Abideleri ve Kitabeleri İle Aksaray Tarihi. İstanbul*, 1974; *Pancaroglu O. Aksaray* // *Encyclopaedia of Islam*. Vol. III. Leiden, 1999; *Yörük D. XVI. Yüzyılda Aksaray Sancaklı* (1500–1584). Konya, 2005.

³ *Lafontaine-Dosogne J. Une église inédite de la fin du XIIIe siècle en Cappadoce: la Bezirana Kilisesi dans la vallée de Belisirma* // *Byzantinische Zeitschrift*. 2014. Bd. 61.2.P. 291–301.

Жоливе-Леви позднее изучали некоторые детали живописной программы¹, их исследования основывались исключительно на старых фотографиях, поскольку по каким-то причинам памятник исчез из поля зрения ученых с 1980-х гг². В 2010 г. Хюлье Шахне, автору диссертации о Безирана Килисе, жители Белисырмы показали узкий вход в церковь³.

Безирана Килисе, чье посвящение Богоматери теперь подтверждено посвятительной надписью, — зальный храм. Наос имеет размеры примерно 3,8 м на 2,1 м; его плоский потолок расчленен четырьмя рельефными кессонами, которые образуют рельефный крест (илл. 5.1). В алтаре слегка подковообразной формы сохранились низкая преграда, небольшая скамья с юга, ниша жертвенника с севера и престол у задней стены. Две небольшие арочные ниши по обе стороны алтаря симметрично обрамляют восточную стену нефа (илл. 5.1).

Вдоль северной стены идут три высокие арки; восточная представляет собой небольшую нишу с цилиндрическим сводом (илл. 5.4). Высеченная в полу гробница и длинная эпитафия отмечают это привилегированное погребальное пространство, открывающееся в наос. В центральной и западной арках северной стены также могли находиться погребения, расположенные на уровне пола. Южная стена украшена тремя похожими арками, две из которых — арочные дверные проемы, ведущие в два вспомогательных помещения, связанные между собой проходом (илл. 5.2). Этот

¹ Thierry N. La peinture de Cappadoce au XIIIe siècle. Archaïsme et contemporanéité // Studenica et l'art byzantin autour de l'année 1200. Belgrade, 1988. P. 359–375; Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991. P. 315–317.

² Некоторые исследователи, включая меня, безуспешно пытались локализовать памятник. Одной из причин, по которым не удавалось обнаружить Безирана Килисе, может быть крайне сложная топография долины Ихлара. Кроме того, частые в Каппадокии оползни могли перекрыть вход, которым исследователи пользовались ранее.

³ Şahna H. Kapadokya Bölgesi, İhlara Vadisi (Belisırma) ve Yapraklıhisar Yerleşimlerindeki Bizans Dönemi Kaya Mimarisi. Diss. Ankara, s.a.

проход, а также значительная часть восточного помещения, могли быть высечены позднее, тогда как в западном помещении расположен изначальный вход. Западная стена оформлена тремя высокими арками; центральная — арочный дверной проем, ведущий в небольшое прямоугольное пространство (илл. 5.2–3). Возможно, здесь было еще одно важное захоронение или первоначальный вход в церковь, расположенный на одной оси с апсидой. Лишь раскопки смогут выявить функцию этого пространства. Две боковые арки — глухие, и сейчас в церковь можно попасть только через отверстие в северной арке западной стены, которое частично уничтожило ее заднюю стену и декорацию.

Рельефы и роспись сакрального пространства

Как часто бывает в скальной архитектуре Каппадокии, артикуляция стен церкви Богоматери близ Белисырмы подчеркивает тектонический характер пространства: по внутренним стенам тянутся высокие арочные ниши и пилони, выделяя архитектурную структуру и декоративную программу храма¹. И резная, и фресковая декорация тесно связаны с функцией и символическим значением сакрального пространства. Алтарь и его продолжение представляют собой наиболее значимую зону, в которой визуальный язык как нефигуративной, так и фигуративной фресковой декорации соединяется с материальностью рельефных орнаментов, чтобы подчеркнуть иконический характер сакрального пространства (илл. 5.1).

Два широких пилонов, завершающихся капителями с наглядно переданными волютами (резными и расписан-

¹ Новое теоретическое осмысление того, как в скальном зодчестве использовались архитектурные детали, и как ими «злоупотребляли», см. в: Ousterhout R. Visualizing Community: Art, Material Culture, and Settlement in Byzantine Cappadocia (Dumbarton Oaks Studies; 46). Washington, 2017. P. 157–175.

ными) обрамляют широкий, высокий проем апсиды. Таким же образом аккуратно вырезанные полуволюты на верхних углах восточной стены усиливают динамизм и трехмерность восточной части пространства церкви.

Пазухи сводов между резными капителями и аркой апсиды симметрично заполнены двумя рисованными медальонами. Красный цвет южного диска и темно-серый цвет северного подразумевают солнце и луну. Древние символы владычества над космосом, связанного с божественностью Христа, — два этих небесных тела подчеркивают вневременную власть Христа в различных иконографических схемах, таких как апокалиптическое видение, Распятие и Второе пришествие. На первый взгляд, их помещение на восточной стене в качестве отдельной иконографической детали кажется необычным, однако они, как представляется, связаны с программой алтаря, в котором сочетаются развитый Мелизмос на стене апсиды и Деисус в конхе¹.

Киворий над агнцем и евхаристические надписи на свитках святителей были визуальным фокусом программы, предназначенным для того, чтобы верующие видели их над священной преградой (илл. 5.1)². Киворий, символическое изображение Голгофы, ассоциируемой со смертью, погребением и воскресением Христа³, и Деисус, образ заступнической молитвы *par excellence*, не только отсылают к лич-

¹ Похожее расположение солнца и луны на восточной стене над алтарной аркой известно в декорации памятников X в.: Эгри Таш Килисе и Пюренли Секи Килисе в долине Ихлара. См.: *Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce...* Р. 301, 303.

² В небольшие отверстия у пят алтарной арки могла вставляться деревянная балка для завесы, так что элементы программы, зеркально «отражающие» литургию, в нижнем регистре росписи, возможно, были скрыты от глаз верующих на протяжении большей части службы. Об археологических и текстовых свидетельствах использования завес см.: *Gerstel S. E. J. Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary*. Seattle, 1999. Р. 9, 15, 66, 72, 76.

³ *Germanos of Constantinople. On the Divine Liturgy / Trans. by J. Meyendorff*. Crestwood, 1984. Р. 58–59 (гл. 5).

тургии, но и представляют вневременное небесное видение для верующих, которым визуально не доступно таинство, совершающееся в алтаре. В одном из описаний Божественной литургии в своей «Ерминии» Дионисий Фурноаграфиот начинает рассказ о небесном видении, связанном с Евхаристией и молитвой о заступничестве, со слов: «Небо с солнцем, луною и звездами. Посреди его Христос сидит...»¹.

Отсылки к солнцу и луне у проема апсиды в Безирана Килисе создавали четкую динамичную связь между тем, что происходило в алтаре, и тем, что видели и/или не видели, слышали, обоняли и ощущали верующие². Более того, эти изображения, вероятно, способствовали символическому восприятию всей восточной стены как «пространственной иконы»³.

Живописные орнаменты и резьба апсиды церкви Богоматери в Белисырме связаны не только с литургической функцией сакрального пространства. Пилястры и капители, образующие резное обрамление, подчеркива-

¹ Греческий иеромонах и живописец Дионисий Фурноаграфиот составил свой сборник наставлений живописцам в XVIII в., однако принято считать, что его труд был основан, по крайней мере, частично, на средневековых сведениях по религиозной иконографии. См.: The «Painter's Manual» of Dionysius of Fourna, Rev. ed. / Transl. by P. Hetherington. London, 1981. P. 45. См. также: Bolman E. Painting Heaven: Art and the Liturgy // The Canopy of Heaven: The Ciborium in the Church of St. Mamas, Morphou / Ed. by M. Jones, A. Milward Jones. Cyprus, 2010. P. 134–162. Рус. пер.дается по: Ерминия // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 629–631.

² Симметричные круглые узоры, в основном рельефные, хотя и отличные от двухцветных дисков над проемом апсиды в Безирана Килисе, были распространеными символами дуальности на образах, обрамляющих вход в алтарь в нижнем регистре, см.: Kalopissi-Verti S. The Proskynetaria of the Templon and Narthex: Form, Imagery, Spatial Connections, and Reception // Thresholds of the Sacred: Art Historical, Archaeological, Liturgical and Theological Views on Religious Screens, East and West / Ed. by S. E. J. Gerstel. Washington, 2006. P. 107–32.

³ В свете недавних теоретических дискуссий термин «пространственная икона» используется здесь для определения переходного отношения сакрального пространства к образу, ритуалу и чувственному восприятию. См., например: Verstegen I. Otto Demus, Byzantine Art and the Spatial Icon // Journal of Art Historiography. 2018. Vol. 19. P. 8.

ют взаимосвязь между символическим содержанием двух ниш на восточной стене и функцией алтарной преграды, одновременно служащей защитным порогом¹. Обе ниши украшены орнаментальными крестами, которые сопровождают тетраграммы, подтверждающие их защитные и охранительные функции (илл. 5.1). К югу: Ε Ο Θ Τ (Ἐλένη Ὁφθη Θεοῦ Τάφος «Елене явился Гроб Господень»), к северу — [ΙC] XC Ν[Ι] KA (Ι[ησοῦ]ς) X(ριστὸς) ν[ι]κ[η] «Иисус Христос побеждает»)². Еще одна, ныне утраченная надпись, зафиксированная Жаклин Лафонтен-Дозонь, на лицевой стороне вырезанного в скале престола, гласила: Οὗτος ἔδωκεν τὴν νίκην καὶ τὸ κράτος «Так [Крест] даровал победу и власть»³.

Чрезвычайно пестрое разнообразие растительных и геометрических узоров вкупе со скульптурным декором не только на восточной стене, но и во всем наосе (хотя в меньшей степени) напоминают листы иллюстрированной рукописи. Красочные живописные орнаменты содержат переплетения следующих друг за другом кругов, ромбов и

¹ Gerstel S. An Alternate View of the Late Byzantine Sanctuary Screen // Thresholds of the Sacred: Art Historical, Archaeological, Liturgical and Theological Views on Religious Screens, East and West / Ed. by S. E. J. Gerstel. Washington, 2006. P. 146–147.

² Утраченный сейчас пример тетраграммы «Ε Ο Θ Τ» в Каппадокии описан в: Grégoire H. Rapport sur un voyage d'exploration dans le Pont et en Cappadoce // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1909. Vol. 33. P. 134; единственным не-каппадокийским примером «Ε Ο Θ Τ» находится в Салониках: Τσιτουρίδου A. Ο ζωγραφικός διάκοσμος του Αγίου Νικολάου Ορφανού στη Θεσσαλονίκη. Συμβολή στη μελέτη της Παλαιολόγειας ζωγραφικής κατά τον πρώιμο 14ο αιώνα. Θεσσαλονίκη, 1986. Σ. 217; О тетраграммах см.: Rhoby A. Secret Messages? Byzantine Greek Tetragrams and their Display // In-Scription—Livraisons. I (<http://09.edel.univ-poitiers.fr/inscription/index.php?id=180>); Walter C. IC XC NI KA: The Apotropaic Function of the Victorious Cross // Revue des études byzantines. 1997. Vol. 55.1. P. 193–220; Babić G. Les croix à cryptogrammes peintes dans les églises serbes des XI^{le} et XIV^{le} siècles // Byzance et les Slaves: études de civilisation: mélanges Ivan Dujčev / Ed. par S. Dufrenne. Paris, 1979. P. 1–13; Τσιτουρίδου A. Ο ζωγραφικός διάκοσμος... Σ. 217.

³ Lafontaine-Dosogne J. Une église inédite... P. 293; Rhoby A. Byzantinische Epigramme auf Fresken und Mosaiken. Wien, 2009. S. 289.

стилизованных растительных узоров¹. Нижняя часть восточной стены и низкий парапет у входа в алтарь с узором из переплетенных квадратов, каждый из которых содержит растительный мотив, реалистично имитируют рельефные плиты, характерные для средневизантийского периода (илл. 5.1)². Еще одно реалистичное изображение мраморировок просматривается в нижней загрязненной части южной стены (илл. 5.4). Помимо тщательно имитирующих мрамор плит, здесь есть концентрические круги в центре ряда из квадратов, чьи углы украшены стилизованными лилиями, примыкающими ко внешнему кольцу центрального кругового мотива. Этот особенно примечательный декоративный элемент, встречающийся в константинопольских изображениях узоров на тканях, редок в скульптурном репертуаре византийской столицы в XIII–XIV вв. (хотя он известен на фрагменте арки в Археологическом музее

¹ Многочисленные совпадения с орнаментальным «лексиконом» рукописей XII–XIII вв., особенно со структурой фронтисписов, см. в: *Hadermann-Misguich L. Influence de miniatures constantinopolitaines sur les peintures murales des Saints-Anargyres de Castoria et Saint-Georges de Kurbinovo // Διεθνές Συμπόσιο Βυζαντινή Μακεδονία, 324–1430. Θεσσαλονίκη, 1995. P. 115–127; Nersessian V. Treasures from the Ark: 1700 Years of Armenian Christian Art. London, 2001. P. 163–165; Der Nersessian S. Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Washington, 1963. P. 17–23; Andersom J. C. Manuscripts // The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261 / Ed. by H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997. P. 82–88; Evans H. C. The Armenians // Ibid. P. 350–356; Leroy J. Les manuscrits syriaques à peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Paris, 1964.*

² *Grabar A. Sculptures byzantines du Moyen Age. T. II. Paris, 1976. Pl. LIX.d, LXXI.c–d, LXXVIII.a; Σκλάβου-Μαβροίδη M. Γλυπτά του Βυζαντινού Μουσείου Αθηνών. Κατάλογος. Αθήνα, 1999; Firatlı N. La sculpture Byzantine figurée au Musée Archéologique d'Istanbul / rev. and pres. by C. Metzger, J. P. Sodini, A. Pralong. Paris, 1990. P. 102, 334a; Doğan S. Likya'da Bizans Taş Yapıtları // The III Symposium on Lycia / Ed. by K. Dörtlük, B. Varkıvanç, T. Kahya, J. D. Courtils, M. Doğan-Alpaslan, R. Boyraz. Vol. 1. İstanbul, 2007. P. 209–224; Büyükkolancı M. Exemples de plaques de parapet en provenance de Saint Jean à Ephèse // La sculpture byzantine VIIe–XIIe siècles / Ed. par Ch. Pennas, C. Vanderheyde. Athènes, 2008. P. 75, cat. 53.*

Стамбула¹), в отличие от находившегося под франкским влиянием Пелопоннеса, где от того же периода сохранилось несколько повторений этого мотива².

Фресковые имитации средне- и поздневизантийских резных плит оживляются темными и светлыми мазками, которые подчеркивают игру светотени на поверхности и создают иллюзию перспективы. Трехмерная пластика резных пилистротов, капители на восточной стене и имитация эффектов освещения отражают материальные стратегии создателей росписи и зрителей, а также способы воздействия визуального языка в сакральном и других социальных контекстах. В ситуации провинциальной Каппадокии этого периода фресковое изображение таких архитектурных элементов должно производить особое впечатление и наводить на мысль о великолепии столичных памятников. Таким образом, воздействие нефигуративной росписи не сводилось к эстетическим эффектам или демонстрации мастерства художника — росписи подчеркивали чувственное и материальное переживание священного. Верующий, входя в Безирана Килисе, в конце XIII в., мог немедленно понять визуальные и материальные аллюзии на византийский мир в этих росписях, тщательно продуманных ктитором — образованным представителем христианской элиты Анатолии.

Взаимодействие между визуальным и материальным с точки зрения культурной трансляции раскрывает византийскую идентичность заказчика, а еще один абстрактный узор, связанный со значением сакрального пространства, отражает дополнительный пласт его собственной идентич-

¹ Brooks S. T. Sculpture in Late Byzantine Tomb // *Byzantium: Faith and Power*. P. 106. Cat. 51a; Σκλάβον-Μαβροΐδη M. Γλυπτά... Σ. 115. Αρ. 155.

² Brooks S. T. Sculpture in Late Byzantine Tomb. P. 106–107. Note 2; Papalexandrou A. The Architectural Layering of History in the Medieval Morea: Monuments, Memory, and Fragments of the Past // *Viewing the Morea: Land and People in the Late Medieval Peloponnese* / Ed. by S. E. J. Gerstel. Washington, 2013. P. 25. Fig. 2.

ности. На склонах алтарной арки на белом фоне идет ярко-красный зигзагообразный орнамент (илл. 5.4). Известный в позднеантичной традиции как элемент скульптурной орнаментики, зигзагообразный узор широко распространен в керамопластическом декоре храмов средне- и поздневизантийского периодов¹. Однако его использование в Безирана Килисе, как кажется, выходит за рамки обычного воспроизведения византийского узора. Углы каждой горизонтальной линии заканчиваются сверху и снизу стилизованным подобием острия. Этот узор может быть абстрактным воспроизведением разных эмблематических форм, таких как лук и стрела, наконечник копья, древко знамени или навершие шатра. Таким образом, весь этот орнамент гипотетически можно интерпретировать как стилизованный сплав различных знаков или предметов, а его красный оттенок — как цвет власти, единоличной или династической, в сельджукской Анатолии или даже во всей Малой Азии².

Один из постоянных символов власти в Восточном Средиземноморье XIII в. — зигзагообразный узор, встречается в различных художественных и архитектурных контекстах вне зависимости от границ, этносов и религиозных убеждений³. Точно так же ассоциирующийся с кappадокийской

¹ Ousterhout R. The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, 1987. P. 28–30, 132–134; Firath N. La sculpture Byzantine... P. 310. Pl. 96.

² Redford S. Rum Seljuk Flags: Visual and Textual Evidence // Textiles and Identity in the Medieval and Early Modern Mediterranean / Ed. by N. Vryzidis. Turnhout, 2020 (в печати). Я благодарен Скотту Редфорду за ознакомление с рукописью его статьи. Про образ лука и стрелы и его значение см. также: *Idem*. A Grammar of Rum Seljuk Ornament // Mésogeios. 2005. Vol. 25–26. P. 283–310.

³ Walker A. Middle Byzantine Aesthetics and the Incomparability of Islamic Art: The Architectural Ekphraseis of Nikolaos Mesarites // Muqarnas. 2010. Vol. 27. P. 82–83; Redford S. A Grammar... P. 283–310; *Idem*. Landscape and the State in Medieval Anatolia: Seljuk Gardens and Pavilions of Alanya, Turkey (BAR International Series; 893). Oxford, 2000. P. 87–90; *Idem*. Thirteenth Century Rum Seljuq Palaces and Palace Imagery // Ars Orientalis. 1994. Vol. 23. P. 222–223.

христианской иконографией благодаря своей апотропейской и защитной коннотации, зигзагообразный узор с чередованием цветов появляется на щитах святых всадников в программах росписей конца XIII в.: Юкsekli 1, церкви св. Георгия в Белисирме и церкви Стратилата в Гюзелёзе¹, — все они связаны с Безирана Килисе стилем, иконографией и эпиграфикой. Такой же двухцветный зигзагообразный узор появляется на щите святого всадника, изображенного на расписной чаше XIII в. из Северной Сирии, которая несет на себе следы влияния искусства сельджуков, крестоносцев и Византии². В церкви Богородицы в Белисирме белый фон орнамента, который резко контрастирует с серо-синим фоном остальных фресок, стремится подчеркнуть его специфическое значение как визуального порога алтаря (илл. 5.4). Я убежден, что включение сельджукской эмблемы власти в декоративную программу алтаря, воспроизводящую поздневизантийские художественные и богослужебные концепции и формы, — впечатляющий пример того, как персональная идентичность, индивидуальность и субъективность были оформлены, представлены и реализованы в позднесредневековой Каппадокии.

В вышеупомянутой церкви Стратилата в Мавруджане иконография большой фрески со святыми всадниками, поражающими дракона, демонстрирует сравнимый с Безирана Килисе пример попытки сконструировать сложную идентичность через визуальные образы. В Мавруджане святой Георгий держит меч в правой руке, чтобы поразить дракона. Это отличает его от обычной иконографической формулы, где святой изображается с поднятым копьем. Такая замена копья на меч остается единичным примером в

¹ Uyar T. Art et société... P. 696. Pl. 41d, 48b; *Idem. The Question of the Greek Painters in Seljuk Court // Islam and Christianity in Medieval Anatolia* / Ed. by A. C. S. Peacock, B. De Nicola, S. N. Yıldız. — Burlington, 2015. Fig. 9.6, 7.

² Nicolle D. Arms and Armor of the Crusading Era, 1050–1350. White Plains (NY), 1988. P. 184. Fig. 432.

визуальной культуре Христианского Востока этого времени. Включение меча в традиционную иконографию святых-змееборцев происходит из царской иконографии всадника с мечом, часто встречающейся в мусульманской Анатолии с XII в. Этот символ говорит о политическом авторитете и власти христианского заказчика, как и о его культурной, политической и идеологической связи с обществом сельджукского Румского султаната, где он должен был занимать важную должность. Подобно гибридной иконографии святого Георгия на коне, разящего дракона мечом в церкви Стратилата в Мавруджане, отсылка к христианскому сакральному пространству Килисеиспользована для выявления личной идентичности ктитора, основанной на синтезе апотропейских верований и рыцарской культуры того времени¹.

Итак, оформление сакрального пространства церкви Безиранаподнимает вопросы о том, как в росписи воспроизводились физические свойства материалов, как демонстрировалась и конструировалась идентичность и как смещивались разные культуры. Этот памятник расширяет круг методологических проблем, касающихся визуальности, материальности и связи между Византией и христианской Каппадокией в эпоху позднего Средневековья².

¹ Uyar T. The Question of the Greek Painters... P. 222–231. О базовых основаниях для построения идентичности через визуальность в средневековый период см.: Bedos-Rezak B. M. When Ego Was Imago: Signs of Identity in the Middle Ages. Leiden–Boston, 2011.

² Всесторонний обзор различных теоретических подходов к материальности и орнаменту в византийском искусстве дан в работе: Walker A. 'The Art that Does Not Think': Byzantine 'Decorative Arts' — History and Limits of a Concept // Studies in Iconography. 2012. Vol. 34. P. 169–193. Более широкая концептуальная методология материальности с точки зрения западного средневекового искусства дана в: Bynum C. W. Christian Materiality: An Essay on Religion in Late Medieval Europe. New York–Cambridge (Mass.), 2011; Kessler H. The Object as Subject in Medieval Art // The Haskins Society Journal. 2011. Vol. 23. P. 205–228; Bonne J. C. Entre l'image et la matière: la chose/é du sacré en occident // Bulletin de l'Institut historique Belge de Rome. 1999. Vol. 69. P. 77–112; *Idem*. Ornmentation et représentation // Les images

Некоторые из этих абстрактных орнаментов, по-видимому, служат для введения и подчеркивания пространственно-иерархической организации фигуративных росписей¹. Например, Преображение и Крещение Господне, вместе с двумя другими утраченными композициями, изображены в обрамленных разгранкой панно на потолке (илл. 5.5). Единственные праздники во всей программе, эти четыре сцены были физически и символически отделены от фигур святых в нижнем регистре полосой из вписанных в круги цветочных орнаментов, так что весь потолок превращается в обрамленную икону с четырьмя сценами великих праздников. Современные исследования, посвященные значению обрамления почитаемых объектов или пространств, ассоциируют декоративную рамку с проводником в духовную реальность, который функционирует как священный порог². Создание сакрального пространства в Безирана Килисе, таким образом, ставит дополнительные вопросы, касающиеся технического исполнения

dans l'Occident médiéval / Ed. par. J. Baschet, P.-O. Dittmar. Turnhout, 2015. P. 199–212; *Weinryb I. Living Matter: Materiality, Maker, and Ornament in the Middle Ages // Gesta*. 2013. Vol. 52.2. P. 113–132. Для углубленного ознакомления с теориями интермедиальности см.: *Wagner P. Ekphrasis, Iconotexts, and Intermediality // Icons, Texts, Iconotexts: Essays on Ekphrasis and Intermediality / Ed. by P. Wagner*. Berlin; New York, 1996. P. 1–42. Интермедиальные перспективы представлены и в византии, см.: *Bodin H. Metaphor and Metonymy in the Byzantine Representation of the Divine: Remarks on the Interart Aspects of Byzantine Aesthetics // Cultural Functions of Intermedial Exploration / Ed. by E. Hedding, U. B. Lagerroth*. Amsterdam–New York, 2002. P. 67–74; *James L., Webb R. To Understand Ultimate Things and Enter Secret Places: Ekphrasis and Art in Byzantium // Art History*. 1991. Vol. 14.1. P. 1–17.

¹ Об организационной функции орнамента: *Gombrich E. H. The Sense of Order: A Study in the Psychology of Decorative Art*. Oxford, 1979.

² *Peers G. Sacred Shock. Framing Visual Experience in Byzantium*. University Park, 2004; *The Rhetoric of the Frame: Essays on the Boundaries of the Artwork / Ed. by P. Duro*. Cambridge, New York, 1996; *Pentcheva B. V. The Performative Icon // Art Bulletin*. 1996. Vol. 88.4. P. 632–55; *Eadem. The Sensual Icon...; Drpić I. Epigram, Art, and Devotion in Later Byzantium*. Cambridge, 2016. P. 144–167.

фресок. Здесь роль рамы, по всей видимости, не ограничивается только тем, чтобы направить взгляд зрителя, но и устанавливает более тесную связь между заказчиком и пространственной иконой на потолке, демонстрируя его любовь к сложным программам и его привилегированный статус.

Для артикуляции пространства использованы еще два символических орнамента: эмальерный и в виде «гармошки». Использовавшиеся на протяжении ранневизантийского и средневизантийского периодов, они становятся стандартным элементом византийской монументальной живописи, иллюминованных рукописей, иконописи и т. п. в XIII–XIV веках¹. Эти орнаменты, чередующиеся на арках, создают в Базирана Килисе священные границы (илл. 5.1–4). Два орнамента поочередно разграничивают программу росписей алтаря в нишах — фресковые иконы святых воинов и архангела с тремя отроками в пещи огненной.

Кроме того, два симметричных медальона с трехмерной граненой звездой, распространенные в репертуаре орнаментов поздневизантийского искусства (и представленные также в росписи кappадокийской церкви конца XIII в. — Юксекли), помещены между арками западной стены и подчеркивают символическое содержание изображения в

¹ Несколько примеров таких узоров зафиксировано в других декорациях Каппадокии XIII в.: *Uyar T. L'église de l'Archangélos à Cemil: Le décor de la nef sud et le renouveau de la peinture byzantine en Cappadoce au début du XIIIe siècle* // ΔΧΑΕ. 2008. Т. 48. Σ. 122; *Uyar T. Art et société...* Р. 91, 150, 162; *Hadermann-Misguich L. Kurbinovo. Les fresques de Saint-Georges et la peinture byzantine du XIIe s.* Bruxelles, 1975. Р. 296–297; *Kambouri-Vamvoucou M. Les motifs décoratifs dans les mosaïques murales du XIe siècle.* Diss. Paris, 1983. Р. 34–35; *Tomeković S. Le «manierisme» dans l'art mural à Byzance 1164–1204.* Diss. Paris, 1984. Р. 1–3. Pl. XVII; *Čurčić S. Divine Light: Constructing the Immaterial in Byzantine Art and Architecture* // *Architecture of the Sacred: Space, Ritual, and Experience from Classical Greece to Byzantium* / Ed. by B. Wescoat, R. Ousterhout. Cambridge, 2012. Р. 307–337.

центральной нише (илл. 5.3)¹. В той же манере, что и орнаменты на самих арках, эти круговые орнаменты обрамляют изображение трех отроков в пещи огненной, которое, в свою очередь, размещено над посвятительной надписью. Узор в виде граненой звезды, дополнительное украшение рамки, окружающей центральную нишу и библейский сюжет в ней, функционирует как в качестве священной границы, определяющей пространство контакта не только для заказчика, но и для молящихся, так и в качестве «пространственной иконы», задуманной на западной стене. Группа абстрактных узоров — это, в конечном счете, эхо тех растительных мотивов, которые обрамляют образы мучеников в четырех медальонах, размещенных между нишами на южной и северной стенах (илл. 5.2, 4).

Такая декорация индивидуализирует пространственные зоны, придавая им различные коннотации: литургические, вотивные, поминальные и апотропейические. Орнаменты соединяются в сложную смысловую ткань «посланий», передающих особенности личного благочестия заказчика. Эти аспекты следует понимать в контексте поздневизантийской эстетики, в которой декорация была существенной категорией, а заказчик играл активную роль в этой элитарной художественной культуре.

В тех местах, где изображения повреждены, предыдущий слой живописи, вероятно, появившийся незадолго до основного, демонстрирует другой тип нефигуративной орнаментации, связанный с сакральным характером пространства (илл. 5.1–4). Это простая линейная роспись, выполненная в землистых, охристых тонах, которая наносилась непосредственно на поверхность скалы и была очень распространена в Каппадокии во все периоды. Обычно считается, что этаrudиментарная «народная» декорация, вероятно, выполнялась архитекторами-каменотесами

¹ Jolivet-Lévy C. Nouvelles découvertes en Cappadoce: Les églises de Yüksekli // Cahiers archéologiques. 2008. T. 35. P. 113, 130, 140. Ann. 92.

сразу после высечения церкви, чтобы выделить ее интерьер как сакральное пространство¹. Поэтому отличительная черта этой росписи — подчеркивание таких архитектурных деталей, как арки, обломы, карнизы, пилястры, капители и т. д., как и в Безирана Килисе. На арках четко выделенных ниш наоса помещен орнамент из чередующихся белых и красных полос, имитирующий кирпичный орнамент, типичный для поздневизантийской архитектуры, а также в некоторой степени и для зодчества сельджукской Анатолии (илл. 5.2–3)². Однако наиболее выразительна декорация восточной стены — сложная плетенка над аркой апсиды, где красный цвет выделяется на белом фоне по всей поверхности орнамента (илл. 5.1, 4). Эта особая форма тройной плетенки распространилась, начиная с XII в., на византийских алтарных преградах и на монументальных порталах крупных сельджукских религиозных и светских общественных зданий³. Хотя позже все это было записано «настоящими» художниками, старый слой росписей в Безирана Килисе был обширным и тщательно исполненным. Скорее всего, он был запланирован как символическая декоративная программа, вдумчиво детализированная в связи со значением сакрального пространства. Здесь, опять же, связь таких понятий, кактех-

¹ Cormack R. Byzantine Cappadocia: The Archaic Group of Wall Paintings // JBA. 1967. Vol. 30. P. 19–36. Akyürek E. Folkloric Decoration // Cappadocia / Ed. by M. Sözen. Istanbul, 1998. P. 304–12. Oosterhout R. Visualizing Community: Art, Material Culture, and Settlement in Byzantine Cappadocia. Washington, D.C., 2017. P. 191–98.

² Cp.: Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven, 2010. P. 507–699; Bakirer Ö. Selçuklu öncesi v Selçuklu dönemi Anadolu mimarisinde tuğla kullanımı. Ankara, 1981.

³ Grabar A. Sculptures byzantines du Moyen Age. Vol. II (XIe–XIVe siècles). Paris, 1976. P. 105–6. Pl. LXXVII, 88a-b; Alâeddin'in lambası: Alâeddin's Lamp: Sultan Alâeddin Keykubâd and the Art of the Anatolian Seljuks Age / Ed. by M. B. Tanman, R. Samih. Istanbul, 2001. P. 117–152; Schneider G. Geometrische Bauornamente der Seldschuken in Kleinasien. Wiesbaden, 1980. Abb. 2, 3, 12.

ническое исполнение, визуальность и культурная гибридность проливает свет на личность заказчиков, скульпторов и художников, а также на их контакты с анатолийским и византийским мирами.

Пример Безирана Килисе демонстрирует как мастерство, так и гибкую чуткость архитекторов-каменотесов и художников при создании сакрального пространства внутри церковного интерьера. В целом, формы каппадокийского резного декора не имеют точных аналогов среди каменных построек, и отклонения от нормы довольно распространены¹. Тем не менее, создается впечатление, что в Безирана Килисе вплотную взаимодействовавшие между собой архитекторы-каменотесы и художники преуспели в создании архитектурного пространства внутри скалы, придав ему реалистичную трехмерность и динамичность.

С другой стороны, в то время как архитектурное пространство и живописная программа четко и ясно артикулированы, им не хватает соразмерности, что соответствует эстетике поздневизантийской эпохи². Определенный вкус — я бы даже рискнул сказать, знание поздневизантийского искусства и архитектуры, — стоит за скульптурным и живописным оформлением интерьера в Безирана Килисе.

Вписывание сакрального пространства

Всё чаще современные исследования подчеркивают тесную связь между вербальным и визуальным в средневековой культуре. Фигуративные и абстрактные образы и тексты, а также ритуалы, включающие чувственные пере-

¹ Oosterhout R. Art, Material Culture, and Settlement in Byzantine Cappadocia. Cambridge (Mass.), 2017. P. 24.

² Oosterhout R. Reading Difficult Buildings: The Lessons of the Kariye Camii // The Kariye Camii Reconsidered / Ed. by H. A. Klein, R. G. Oosterhout, B. Pitarakis. Istanbul, 2011. P. 95–105.

живания и созданную ктитором среду (особенно через словесное оформление), частично накладываются друг на друга. Безирана Килисе предлагает оригинальный пример использования эпиграфики как искусства в поздневизантийском мире. Изучение ее надписей выявляет мотивы, лежащие в основе их создания и применения.

Обширный корпус надписей обрамляет, начиная с вимы, все внутреннее пространство памятника, создавая дополнительную сетку смыслов, использующую визуальные, материальные и перформативные свойства письма. Тем самым, необходимо исследовать различные формальные, художественные и пространственные подходы к коммуникации внутри этой богатой надписями среды.

Как и в случае многих кappадокийских церквей XIII в., конха апсиды, относящаяся к «небесной» зоне, занята изображением Деисуса. Погребальная функция церкви *par excellence* оправдывает появление образа молитвенного заступничества. Но изображение Деисуса в Безирана Килисе отмечено дополнительным письменным утверждением, кappадокийским эпитетом [IC] ΧС Ο ΦΙΛΑΝΘΡΩΠΟΣ ([Ι(ηροῦ)ς] Χ(ριστὸς) ὁ Φιλάνθρωπος, «Христос Человеколюбец»). Как и можно было ожидать, этот эпитет использует фигуративный и эмоциональный язык торжественного песнопения¹.

В монументальной живописи соединение качественного эпитета «Человеколюбец» с изображением Деисуса в апсиде встречается в церкви св. Георгия близ Лафрина на Накоссе, датированной XIII в., где обнаруживаются некоторые иконографические и эпиграфические параллели с византийской живописью того же столетия в Кappадокии². Но чаще этот эпитет прилагается к изображениям Христа на

¹ Эпитет «Человеколюбец» часто встречается в гимнографии, см.: *Analecta Hymnica Graeca* в *Thesaurus Linguae Graecae*. См. также: *Παναγιωτίδη Μ. Οι τοιχογραφίες του Αγίου Γεωργίου Λαθρίνου στη Νάξο* // ΔΧΑΕ. 1992. Т. 16. Σ. 146.

² *Ibid.* Σ. 148.

поздневизантийских иконах, или настенных образах, которые служат объектами личного благочестия¹.

Эпитет «Человеколюбец» следует, аналогичным образом, толковать в контексте усиления культа икон в поздневизантийской культуре, с чем было связано беспрецедентное распространение различных прилагательных и метафор, описывающих сострадание Христа и Богородицы к человеческому роду, а также их роль в домостроительстве спасения². Такие эпитеты Христа как φωτοδότης («Светоотдатель») или ζωοδότης («Жизнедатель») или Богородицы как καρδιοβαστάζουσα («Носящая у сердца») отмечаются и в других кappадокийских росписях конца XIII в., каждая из которых следует тем же иконографическим, художественным и эпиграфическим установкам, что и Безирана Килисе³.

Понимание поздневизантийских литературного, эстетического и культурного стилей позволяет нам реконструировать византийскую идентичность и мотивацию донаторов в Каппадокии. В поздневизантийскую эпоху, приверженную, согласно часто цитируемому выражению Михаила Пселла⁴, настоящей «живой живописи», эти донаторы стремились воплотить свои заказы в «пространственные иконы».

Нижний регистр апсиды украшен изображениями святителей в трехчетвертном повороте, держащих раскрытие свитки с литургическими текстами (илл. 5.1). Впрочем,

¹ Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Icons. Vol. I: From the Sixth to the Tenth Century. New Jersey, 1976. N. B.; Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Aldershot, 1988. Fig. 92.

² Drpić I. Epigram... P. 352–374.

³ О церкви св. Георгия в Белисирме подробнее см.: Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce... P. 318. Ann. 129; о церкви Гёкчетопрак подробнее см.: Uyar T. Un monument peu connu de Cappadoce: L'église de Gökçetoprak // Mélanges Catherine Jolivet-Lévy. Paris, 2016. P. 629–646.

⁴ Belting H. Likeness and Presence: A History of the Image Before the Era of Art. Chicago, 1994. P. 261–262. Peers G. Real Living Painting: Quasi-Objects and Dividuation in the Byzantine World // Religion and the Arts. 2012. Vol. 16. P. 433–460.

Василий Великий и Иоанн Златоуст, повернуты к Агнцу в центре, и в руках у них нет свитков, а вместо этого их десницы воздеты в благословляющем жесте. Реалистичность в передаче этой трехчетвертной позы, жесты, одеяния и особый тип литургических свитков — это визуальные отображения происходящего одновременно богослужения. В такой перспективе объемные курсивные строки на раскрытом свитке демонстрируют тот способ, каким художник стремился соединить визуальность и материальность нарисованного текста, подобно иконе или живописному образу. Также стоит обратить внимание на использование минускула, который берет свое начало в IX в. и остается основным видом книжного письма в Византии. Надпись на свитке, выполненная исключительно элегантным минускулом — вариантом византийского *Perlschrift*, подтверждает образованность как заказчика, так и художника. Кроме того, он сопоставим с шрифтом, использованным в иллюминированном Евангелии из Афин (*Gennadios Libr. gr. 1, 5*), переписанном в 1226 г. в Кесарии протонотарием Василием Мелитениотом, который, весьма вероятно, был старшим секретарем при сельджукском дворе¹.

Посвятительная надпись в центре западной стены, заслуживающая дальнейшего разговора о материальности и визуальности письма, гласит (илл. 5.3):

† ΕΚΑΛΗΕΡΓΗ[ΘΗ] Ο ΠΑΝΣΕΠ
ΤΟΣ ΝΑΟ[С ΤΗΣ ΥΠ]ΕΡΑΓΙΑС
Θ[ΕΟΤΟΚΟΥ --]
† Έκαληεργή[θη] ὁ πάνσεπ-
τος ναὸ[ς τῆς ὑπ]εραγίας
Θ[εοτόκου --]

«Украшен всечестной храм Пресвятой Богородицы...»

¹ Μιτσάνη Α. Το εικονογραφημένο ευαγγέλιο του Βασιλείου Μελιτηνιώτη (Καισάρεια, 1226) // ΔΧΑΕ. 2005. Т. 44. Σ. 149–164. О личности Василия Мелитениота см. также: *Uyar T. Art et société...* Р. 654–662.

Эта надпись, которая находится под изображением трех отроков в пещи огненной, не только расположена на привилегированном месте, но и выполнена тем способом, который можно определить как материальное изображение. Яркая живописная имитация мозаики создает богатый фон для посвятительного текста, добавляя новый пример к очень ограниченному количеству декоративных техник, которые становились объектом имитации в росписях на стенах византийских церквей. Использование такой живописной техники в связи с надписью должно было особенно впечатлять средневековую аудиторию, напоминая о великолепии столичных памятников. Живописная имитация мозаики, вероятно, была выбрана сознательно, как способ конструирования личной идентичности заказчика¹.

Погребальное пространство — аркосолий, широко открытый в северо-восточную часть наоса, демонстрирует аналогичную визуальную среду для использования письма как перформативного элемента в поздневизантийском искусстве (илл. 5.4). Живописная программа связывает большое изображение тронной Богородицы с Младенцем на задней стене с фигурами Иоанна Предтечи, держащего раскрытый свиток, святого Николая на восточной стене, святого Евфимия — на западной и святых Космы и Дамиана — на арке. Посредническая роль святых персонажей, собранных в погребальной программе, дополняется цитированием прозы и стихов из длинной надгробной надписи под фигурами Иоанна Предтечи и святого Евфимия. Надежда на спасение усопшего отвечает реальным чаяниям зрителя и читателя, превращая это пространство в аудио-визуальное обрамление действия, связанного с чином поминовения усопших.

¹ Об имитациях мозаик в византийской настенной живописи подробнее см.: Drpić I. Fictive Mosaics: Painting and Materiality in Medieval Serbia // Monumental Painting in Byzantium and Beyond: New Perspectives. S.l., 2016 (в печати). Я благодарю Ивана Дрпича за возможность ознакомиться с этой статьей.

Схожим образом, свиток Иоанна Предтечи также заполнен не имеющей аналогов просительной молитвой, обращенной ко Христу (илл. 5.6). Надпись представляет собой двенадцатисложник с цезурой после пятого слога (кроме четвертой строки, где цезура стоит после 7 слога) и ударением на предпоследнем слоге. Моление Иоанна Предтечи написано черными минускульными буквами¹:

† Κόσμος
 με κηνῆ π[ροσ]-
 κηνεῖ[ν], Θ(εο)ῦ Λ[ό]-
 γε, σὺν τῇ πα-
 νάγνῳ μ(ητρ)ί σου (καὶ)
 παρθ(ένῳ), [ν]πὲρ
 σφαλ[έ]ντων
 ίκετῶν [άν]α-
 ξίων :

† Κόσμος με κινεῖ προσκυνεῖν, Θεοῦ Λόγε,
 σὺν τῇ πανάγνῳ μητρί σου καὶ παρθένῳ,
 [ν]πὲρ σφαλ[έ]ντων ίκετῶν ἀναξίων.

«Мир, Слово Божье, движет кланяться Тебе, с Твоей Все-чистой Матерью и Девою, за прегрешивших недостойных грешников-просителей».

Ответ Христа записан красными маюскульными буквами (за исключением лигатуры ει во второй строке):

† Χ(ριστό)ς· Θάρ-
 σει, προφῆτα, [τ]ὴν
 χάριν
 δίδω.

«Христос: дерзай, пророк, Я милость дарую»².

¹ За исключением букв Κ (строки 2 и 8), Σ (строка 1), Η (строки 2 и 4) и Ε (строка 9), написанных маюскулом.

² Надпись прочтена Марией Ксенаки.

Длинная надгробная надпись начинается на восточной стене внутри погребального компартимента и продолжается вдоль северной стены наоса (илл. 5.4). Такое необычное расположение эпитафии предполагает, что этот надгробный текст обращен не только к усопшему, но и к живым: как клирикам, так и мирянам, которые взаимодействуют с визуальной и текстовой средой. Этот текст записан чернилами маюскульными буквами¹ (илл. 5.7):

Ο πονηρὸς κεράσα[ς] με τῶν εἰδονῶν τὸ πόμα, εἰς ὑπνον [με] κατοίνεγκεν ἀλλὰ θανατηφόρον | καὶ νῆν κατάκειμε νεκρός, ἄπνους, ἀπεγνωσμένος· Νικόλαε, μακάριε, φωστὴρ τῆς οἰκουμένης, προστάτα τῆς ψυχῆς μου, διώκτα τῶν δαιμόνων, τὴν ποίμνην σου λύτρωσαι παντὸς πειρατηρ[ίο]υ.

Ο πονηρὸς κεράσα[ς] με τῶν ἡδονῶν τὸ πῶμα,
εἰς ὑπνον [με] κατίνεγκεν ἀλλὰ θανατηφόρον
καὶ νῦν κατάκειμαι νεκρός, ἄπνους, ἀπεγνωσμένος·
Νικόλαε, μακάριε, φωστὴρ τῆς οἰκουμένης,
προστάτα τῆς ψυχῆς μου, διώκτα τῶν δαιμόνων,
τὴν ποίμνην σου λύτρωσαι παντὸς πειρατηρ[ίο]υ.²

«Лукавый, напоив меня напитком наслаждений,
в сон погрузил меня, но это сон был смертоносный.
И вот лежу я мертвый, без дыханья и надежды.
Но ты, Никола, о блаженный, светоче вселенной,
защитниче души моей, гонителю бесов,
своих овец избавь от искушенья всякого».³

Этот текст — уникальная поэтическая надпись. Первые четыре строки написаны так называемым политическим стихом⁴: в каждой строчке пятнадцать слогов, цезура сто-

¹ За исключением буквы А в слове ПРОСТАТА (строка 3).

² Надпись прочтена Марией Ксенаки.

³ Я благодарен Ивану Дрличу за помощь в переводе этого текста и за его бесценные комментарии.

⁴ Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung // Byzantinische Epigramme auf Fresken und Mosaiken. Vol. I. Wien, 2009. P. 63–64.

ит после восьмого слога, а ударение — на предпоследнем. Пятая и шестая строки «испорчены» и имеют по 14 слогов каждая (илл. 5.7).

В византийских эпитафиях достаточно распространен прием, когда умерший говорит от первого лица¹, тогда как мотив дьявола, предлагающего «напиток наслаждений», не выглядит как распространенный топос, и мы не можем найти ему аналогов.

В конце надписи усопший обращается к святому Николаю, называя его светочем вселенной, защитником душ и гонителем бесов. В гимнографических произведениях, посвященных празднику святого Николая (6 декабря), святой представляет как защитник от всевозможных опасностей, врагов, бесов, искушений, болезней и ересей. Наиболее часто упоминаемые качества святого — сила заступничества против бесов и искушений, а также его способность спасать от смерти².

В искусстве святитель Николай чаще всего ассоциируется с поминовением умерших, так что финальное обращение к нему в нашей надписи тем более примечательно: говорящий обращается к святому как к защитнику своей души, но он не просит святого о заступничестве, в точном смысле слова, на предстоящем суде. Скорее говорящий молит Николая защитить живых людей, упоминая эпитет *прοστάτης* («предстатель»), часто относимый к нему во фресковой живописи³. Эта любопытная цитата может быть связана с определенным историческим контекстом создания росписей Безирана Килисе, то есть со второй половиной XIII в., когда грекоязычные православные находились под исламским владычеством.

¹ *Lauxtermann M. D. Byzantine Poetry from Pisides to Geometres: Texts and Contexts. Vol. I. Wien, 2003. P. 215–218.*

² *Patterson-Sevcenko N. The Life of Saint Nicholas in Byzantine Art. Torino, 1983. P. 173.*

³ *Acheimastou-Potamianou. Holy Image, Holy Space: Icons and Frescoes from Greece. Athens, 1988; Μαυροπούλου-Τσιούμη Χ., Ταμπάκη Σ. Ο ἅγιος Νικόλαος: Η απεικόνιστή του στις τοιχογραφίες της Καστοριάς // Δώρον: Τιμητικός τόμος στον καθηγητή Νίκο Νικονάνο. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ. 104–105, 110–111.*

Просьбу о аптие живых, произносимую усопшим в эпиграфии, можно сопоставить с другой, менее известной надписью в церкви святого Николая в Башкёе, росписи которой тесно связаны с церковью Богоматери в Белисырме. В росписи церкви в Башкёе, в композиции «Служба святителей» в апсиде, свт. Николай Мирликийский держит развернутый свиток с отрывком просительной молитвы из литургии Иоанна Златоуста, крайне редким среди надписей на лингвистических свитках в византийском искусстве и написанным смесью маюскула и минускула: Μνήσθητι | Κ(ύρι)ε πτῆς πόλεως | ἐν ᾧ παρηκοῦ|[μεν κ(αὶ) πά]σης | πόλεος [κ(αὶ) χώρ]ας «Помяни, Господи, город, в котором мы обитаем, и всякий город и село»¹.

Известны лишь два случая изображения этого лингвистического текста, оба на территории современной Греции. Первый изображен на свитке святителя Афанасия в апсиде вышеупомянутой церкви св. Георгия близ Лафрина на острове Наксос, которым латиняне правили до конца XIII в.² Другой случай — в изображении службы святителей в кафоликоне монастыря Сретения в Метеорах, датированном 1366/7 г., где надпись отнесена ко святому Икумению, бывшему, согласно местной традиции, епископом Трикалы³. Эти изображения могут быть связаны с афонскими монахами, которые бежали от первых нападений турецких пиратов и укрылись в Метеорах⁴.

Как же нам следует интерпретировать связи, если таковые имеются, между далекими друг от друга географически и

¹ Brightmann F. E. *Liturgies Eastern and Western*, I. *Eastern Liturgies*. Oxford, 1896. P. 335; Peker N., Uyar T. «Güzelöz — Başköy ve Çevresi Bizans Donemi Yerleşimleri 2009 // Araştırma Sonuçları Toplantısı. 2011. Cilt. 1. S. 289; Uyar T. *Art et société...* P. 249. Pl. 22b, 417b.

² Παναγιωτίδη M. Οι τοιχογραφίες του Αγίου Γεωργίου Λαθρίνου στη Νάξο... Σ. 144–146.

³ Grabar A. *Sculptures byzantines...* Vol. II. P. 272. О других спорных примерах этого текста см.: Ibid. P. 277–278. О дискуссии по поводу личности святого Икумения см.: Suggit J. N. *Oecumenius: Commentary on the Apocalypse*. Washington, 2006.

⁴ Oxford Dictionary of Byzantium. N. Y.—Oxford, 1991. P. 1353. s.v. Meteora.

хронологически росписями Каппадокии, Наксоса и Метеор? В исторической и культурной перспективе, вписанные в пространство храма строки выбирались для того, чтобы у зрителя устанавливалось взаимодействие не только со священным пространством, но и с широким социальным контекстом, в котором он пребывал. В этом смысле надписи, образы и обряды отражают ту надежду на защиту, которую разделяли различные слои населения на Христианском Востоке, жившие в более или менее схожих общественно-политических и культурных условиях. Это было своего рода зеркало, в котором заказчик и зритель узнавали свою уникальную идентичность, сложившуюся в специфическом контексте за пределами Византии. Литургическое и погребальное содержание «вписанного слова» также предполагает дополнительную функциональность и перформативность, связанную с ожиданиями и представлениями этих сообществ.

Заключение: сакральное пространство и его контекст

«Византийские» росписи Безирана Килисе – не исключение для каппадокийского искусства конца XIII в., жившего под властью мусульман, поскольку они были выполнены тем же мастером, что работал на другом памятнике конца XIII в. – Юксекли Килисе 1. Более того, как я уже показал в другом месте, артель Безираны-Юксекли связана также с другой группой близко родственных росписей второй половины XIII в.¹ И хотя они не столь исключительны, как росписи Безираны и Юксекли, эти фрески стремятся воспроизвести поздневизантийскую тенденцию к усложнению визуальных, текстуальных, коммеморативных и молитвенных действий в сакральном пространстве.

¹ *Uyar T. Art et société... Vol. 1. P. 446–90. Vol. 2. P. 333–407; Idem. Un monument peu connu...*

Комплексное исследование живописных программ в позднесредневековой Каппадокии показывает, как оформление сакрального пространства включало в себя установление тесных связей между усопшими и живыми (клириками и мирянами), так же как и между декорацией, поминовением и идеей заступничества, тем самым воспроизводя процесс формирования византийской культурной идентичности. Таким образом, систематическое изучение сакрального характера этих церковных пространств меняет общепринятое представление о центре и периферии в искусстве и о локальной идентичности Каппадокии в противовес остальной части Византийской империи в культуре рассматриваемого периода. И хотя скульптурная, фресковая и текстуальная среда Безирана Килисе — это продукт «поствизантийского» социального и культурного контекста, в результате оказывается, что она представляет собой пример одного из самых изысканных и роскошных поздневизантийских сакральных пространств.

Сергей Иванов

АНТОНИЙ НОВГОРОДЕЦ И ЕГО ЭКСКУРСОВОД В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Введение

Введенная в научный оборот в XIX в., «Книга паломник» Добрыни Ядрейковича (он же Антоний Новгородец) была в течение небольшого временного промежутка несколько раз издана¹, сразу же переведена на латинский² и французский языки³ и вызвала к жизни целый

¹ Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия / С предисл. и примеч. П. Саввайтова, СПб., 1872; Срезневский И. И. Сказание о Софийском храме Царьграда в XII в. // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 60 (СОРИС. 1874. Вып. 12). С. 340–349 (частично); Лопарев Х. М. Новый список Описания Цареграда Антония Новгородского // Библиограф. 1888. № 12. С. 380–392; Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиеп. Новгородского в 1200 г. / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный Палестинский Сборник. 1899. Вып. 5 (далее сокр. — Лопарев).

² Liber qui dicitur Peregrinus, seu Descriptio ss. locorum Caesareae civitatis // Exuviae sacrae Constantinopolitanae; fasciculus documentorum minorum ad byzantina lipsana in Occidentem seeculo XIII translata spectantium et historiam quarti belli sacri imperiique gallograeci illustrantium. Genevae, 1878. Vol. 2. P. 218–230.

³ Antoine, archev. de Novgorod. Le livre du pélerin // Itinéraires russes en Orient / Trad. pour la Société de l'Orient Latin par M-me B. de Khitrowo. Pt. 1. Genève, 1889. P. 87–111.

ряд аналитический публикаций¹ — однако после 1913 г. интерес к этому источнику несколько угас. Причину такого охлаждения можно усматривать в том, что текст буквально рассыпался на отдельные фрагменты, последовательность которых выглядела абсолютно хаотичной. В таких условиях невозможно было ни понять логику автора, ни отделить его собственные наблюдения от позднейших вставок, ни, в конечном счете, оценить степень самостоятельности всего произведения. По словам Х. Лопарева, «есть данные для предположения о том, что текст представляется сборным из неизвестных книг разной эпохи»². М. Эрхард считала, что Антоний мог вообще не видеть упомянутых им памятников, особенно вне столицы, и что его текст есть компиляция из чужих отчетов³. Если русские паломники XIV–XV вв. получили, благодаря изданию Дж. Мажеска⁴, усиленное внимание ученого мира, то Книга Паломник, напротив, долго существовала как бы на его периферии, и лишь в последние годы интерес как к личности Антония⁵,

¹ Майков Л. Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святынях и других достопамятностях Цареграда // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1890. Т. 51. № 4. С. 3–11; Яцумирский А. И. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1899. Т. 4. Кн. 1. С. 223–264; Айналов Д. В. Дар святой Ольги в ризнице святой Софии в Царьграде// Труды Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 3. С. 1–4; Он же. Примечания к тексту Книги Паломник Антония Новгородца// Журнал Министерства Народного Просвещения. 1906. Июнь. С. 233–276; 1908. Ноябрь. С. 81–106; Он же. Два примечания к тексту Антония Новгородского// Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 181–186.

² Лопарев, СXXXI.

³ Ehrhard M. Le Livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod // Romania. 1932. Т. 58. № 229. P. 47.

⁴ Majeska G. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington (DC), 1984.

⁵ Ср.: Зайцев А. А. Архиепископ Антоний Новгородский и некоторые вопросы канонической практики русской церкви в первой трети XIII века // Новоторжский сборник. Вып. 1. Торжок, 2004. С. 118–121; Гиппий А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти А. С. Хо-

так и к его паломническим заметкам опять заметно увеличился¹.

На сегодняшний день известно уже 10 списков Книги Паломник. А. Журавель предполагает, что никаких двух редакций, постулируемых в предшествующей научной традиции, у памятника нет и все сохранившиеся рукописи восходят к одному протографу, чьи листы распались и были некогда собраны в хаотическом порядке². Так ли это, оставляю судить русистам, но в любом случае возможный протограф на много веков отстоит от оригинала. А. Журавель в своей диссертации³ предлагает опыт критического издания Книги Паломник, кладя в его основу чтения рукописи Яцимирского. Я не берусь судить, насколько обоснован такой выбор, но хочу обратить внимание на то, что второй по древности список Антониева хождения — Забелинский (ГИМ, собр. Забелина, № 1465, лл. 434 об. —

рошева. СПб., 2010. С. 181–198; Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях. XII–XVI века. СПб., 2011; Majeska G. Politics and Hierarchy in the early Rus' Church: Antonii, a 13th-century Archbishop of Novgorod // The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture / Ed. N. Lupinin, D. Ostrowski & J. Spock (Ohio Slavic Papers; 10). Columbus (Ohio), 2016. Р. 23–38.

¹ Majeska G. P. Notes on the skeuophylakion of St. Sophia // Византийский временник. 1998. Т. 55/2. С. 212–215; Конявская Е. Л. Византийская живопись и живописцы в «Паломнике» Антония Новгородского // Литература Древней Руси. М., 2011. С. 44–57; Jouravel A. Antonij von Novgorod – schlechter Topograph oder »Reliquienpilger«? Über die Notwendigkeit der neuerlichen Lektüre eines viel diskutierten Textes // Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln / Hrsg. von D. Ariantzi, I. Eichner. Mainz, 2018. S. 153–162; *eadem*. Die Neuausgabe des *kniga Palomnik* des Antonij von Novgorod // Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018 / Hrsg. von S. Kempgen, M. Wingender, L. Udalph. Wiesbaden, 2018. S. 157–166.

² Журавель А. Новый фрагмент текста «Книги Паломник» Антония Новгородского // Седьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Тезисы. РИМ – МИЛАН 6–11 ФЕВРАЛЯ 2017. С. 12–13.

³ Jouravel A. Die *Kniga palomnik* des Antonij von Novgorod. Dissertation. zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie (Dr. phil.). der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2018 (далее в тексте сокр. — Jouravel).

445 об.)¹, не сильно моложе. В 1977 г. О. А. Белоброва издала текст Антония по рукописи Забелина². Несмотря на свою ущербность, Забелинский список дает, наряду со многими испорченными местами, и некоторые ценные чтения, отсутствующие во всех остальных рукописях Книги Паломник. Ниже примеры таких вариантов текста выделены полужирным шрифтом:

1). «**От 40** по умболу к Коневу торгу идут по левой стороне, есть церковь святой Богородицы»³. Имеется в виду церковь Сорока Мучеников, и это очень важное топографическое дополнение, позволяющее с высокой точностью локализовать данную церковь Богородицы.

2). «А в Пигасе в **Руском** городе и церковь Борис и Глеб. **И ту бывает множество прощения болным»**⁴.

3). «И есть же монастырь за Пигасом на горе. И святой Борис чернець на столпе седел»⁵. Если это не описка, перед нами уникальное свидетельство о каком-то неизвестном ранее столпнике, причем славянского происхождения.

4). «У (Кали) поля же лежит **новый** отец Еуфимий»⁶. Чтение вполне может восходить к оригиналу, поскольку Евфимия Мадитского (ср. ниже) именует «Новым» также и игумен Даниил⁷.

¹ Сперанский М. Н. Собрание рукописей И. Е. Забелина // Отчет Государственного Исторического музея за 1916–1925 гг. М., 1926. Приложение II, С. 16.

² Белоброва О. А. О «Книге Паломник» Антония Новгородского // Византийские очерки. М., 1977. С. 231 (переизд.: Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Под ред. А. М. Лидова. М., 2006. С. 191–197).

³ Там же. С. 232; ср.: *Jouravel*. S. 367.

⁴ Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 234; *Jouravel*. S. 397, app. crit.

⁵ Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 234; *Jouravel*. S. 405, app. crit.

⁶ Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 235; *Jouravel*. S. 409, app. crit.

⁷ «Хожение» игум. Даниила в Святую Землю в нач. XII в. СПб., 2007. С. 18.

5). «Попов 40 тысяще кроме манастирьских, а **манастирьских** 14 тысяще»¹. В остальных рукописях вместо «манастирьских» стоит «монастырев», но забелинское чтение гораздо более правдоподобно.

6). Самое же любопытное изменение Забелинского списка таково: «И оттоле на той же стороне церковь святаго апостола Петра, а в ней **Стефанида** святаа лежит, иже ключи держала святой Софии. Тыи же ключи целуют»². В других рукописях святая именуется Феофанида, Феоминада или Фенофина. Лопарев³ считал, что ключницей была женщина по имени либо Феофания, либо Феофанида. В ми- нологиях имеется несколько Феофано, но ни одной Феофаниды, не говоря уж о вовсе не существующих Феоминадах и Фенофинах. Однако ни одна из известных нам Феофано не могла быть ключницей Св. Софии. Зато такая должность замечательно подходит Стефаниде.

Это была знатная дама (второе ее имя — Элевферия), фрейлина (кувикулярия) императрицы Пульхерии⁴. У Стефаниды имелись аскетические наклонности⁵, и в конце концов она основала женский монастырь на горе Оксия, где подвизался св. Авксентий⁶. Коль скоро последний был популярным святым, поминаемым в Книге Паломник⁷ вполне вероятно, чтобы и Стефанида там оказалась. Очень естественно предположить также, что пока она еще была наперсницей всемогущей Пульхерии, та доверила ей ключи от храма Св. Софии, построенного братом императрицы,

¹ Лопарев. С. 39, 94; Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 235; *Jouravel*. S. 413, app. crit.

² Лопарев. С. 4, 72; Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 228; *Jouravel*. S. 305-308, app. crit.

³ Лопарев. С. LXXXI.

⁴ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge, 1980. P. 389.

⁵ Festugière A.-J., Halkin F. Dix textes inédits tirés du Ménologe Impérial de Koutloumous // Cahiers d'Orientalisme. 1984. Vol. 8. P. 17.

⁶ Auzépy M.-F. Les Vies d'Auxence et le monachisme «Auxentien» // Revue des études byzantines. 1995. Vol. 53. P. 213, 228.

⁷ Лопарев. С. XXX.

слабовольным Феодосием. Видимо, Стефанида после своей благочестивой кончины удостоилась почитания в качестве святой, пусть никаких следов ее культа в источниках и не осталось (имеющаяся в Константинопольском Синаксаре Стефанида никак не может быть нашей героиней). Где хранились ее мощи, неизвестно. После гибели Феодосиевой Софии в пожаре 532 г. и строительства ее заново при Юстиниане, ключ от старой Св. Софии мог храниться в новой, как символ преемственности двух Св. Софий. Вполне вероятно также, что с этим ключом была связана какая-то легенда, и это привело к перезахоронению Стефаниды подле хранившегося у нее некогда ключа. Впрочем, все сказанное обречено оставаться чистой гипотезой, так как никто кроме Антония ничего не сообщает ни о ключе, ни о погребении Стефаниды в Св. Софии.

В силу вышеперечисленных соображений, я, хотя и буду в дальнейшем опираться на издание А. Журавель, оставляю за собой право отходить о него в тех местах, где чтения З оказываются, с моей точки зрения, более убедительными.

Слои текста в Книге Паломник

Нельзя с уверенностью судить, какие из пассажей Книги Паломник принадлежат собственно Антонию, а если даже ему — то к какому периоду его жизни они относятся. К примеру, нам неизвестно происхождение антииудейских инвектив Книги Паломник (*Jouravel*, 323–325): возможно, накал «антииудейских на грани антисемитских»¹ эмоций вызван личными склонностями Добрыни, но более вероятно, что они наведены той атмосферой антисемитизма, которая сгущалась в Константинополе к концу

¹ *Dagron G. Pèlerins russes à Constantinople. Notes de lecture // Cahiers du Monde russe et soviétique, 1989. Vol. 30. P. 289.*

XII в.¹ Анти-латинские высказывания Антония характерны для древнерусской литературы в целом, однако их можно приурочить и к обстановке непосредственно после 1204 г. Особенно любопытен в отношении своего генезиса экскурс о том счастье, которое уготовано христианам молитвами святых царей Константина и Елены: в нем можно различить один пассаж, имеющий, как кажется, конкретную временную привязку: «християне ...токмо на тех имут воевати, кто не восходит во крещение вниди, да и волею и неволею принудит их Бог внити во крещение» (*Jouravel*, 333–335). Возможно, эти слова написаны в Новгороде и отсылают к древнерусским реалиям²; однако нельзя вовсе исключить вероятности того, что они были произнесены в Константинополе в 1200 г., и в таком случае здесь проглядывают крестоносные мотивы священной войны и насильственного крещения, которые в целом были чужды византийцам, но все-таки проникали в Империю под влиянием тех настроений, что царили в «латинском» мире.

По мнению Г. Ленхофф, Антоний украсил свой путеводитель тремя видами дополнений: экфрасисами, легендами и «словами»³. То, что она объявляет экфрасисами Книги Паломник⁴, таковыми, по стандартам византийской литературы, в действительности не являлось. Если присмотреться к тем трем легендам, на которые ссылается исследовательница⁵, то не окажется ни малейших оснований

¹ Ivanov S. A. L'attitude à l'égard des Juifs à Byzance était-elle moins intolérante qu'en Occident ? // *Les Chrétiens et les Juifs dans les sociétés de rite grec et latin. Moyen Age — XIX siècle. Actes du colloque organisé les 14-15 juin 1999 à la Maison des Sciences de l'Homme (Paris) / Textes réunis par M. Dmitriev, D. Tollet et E. Teiro. Paris, 2003.* P. 36–37.

² Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrsliteratur. München, 1976. S. 220.

³ Lenhoff Vroon G. D. *The Making of the Medieval Russian Journey*. Diss. Ann Arbor, 1978. P. 112.

⁴ Ibid. P. 113–118.

⁵ Ibid. P. 122–123. Эти же истории она в одной из своих публикаций объявляет провозвестниками жанра *exempla* в древнерусской литературе: Lenhoff G. Three Protoexempla and Their Place in a Thirteenth-Century Pilgrim Book // *Slavic Review*. 1981. Vol. 40. No. 4. P. 603–613 — без всякого учета того факта, что этот жанр получил на Руси самостоятельное развитие лишь в конце Средневековья.

считать эти истории собственным творчеством Антония или любого новгородского редактора Книги Паломник: во второй из них прямо приведена цитата по-гречески: εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα! (*Jouravel*, 353–354). Заведомо не являются русскими по происхождению и те отступления, которые Ленхофф именует «словами»¹. Вопрос лишь в том, на каком этапе эти украшения проникли в текст Антония.

Если пассажи на общие темы Книги Паломник датировать нелегко, то «экскурсионная» ее часть наверняка относится к 1200 г. Тезис о том, что Добрыня Ядрейкович механически скомпилировал разновременные паломнические рассказы о местах, которых, возможно, сам и не видел, совершенно ни на чем не основан. Антоний подходил к своей задаче очень творчески: он интересовался особенностями устройства столичных храмов и деталями богослужения, чтобы по возможности применить полученную информацию у себя дома². Он делал собственные умозаключения и сопоставления, вроде: «поставляют столы на праздник полны мощи стыхъ развъе во троандофилицѣ манастыри тако ж много» (*Jouravel*, 391).

Кроме того, во время прогулок по Константинополю Антоний иногда отмечал ориентиры, дабы облегчить будущему паломнику поиск достопримечательностей. Для «исторического полуострова» он использует как «природные» ориентиры «а оттолѣ горѣ идучи» (*Jouravel*, 383) и «ѡтоль к морю идуче... доле над моремъ... оттолѣ над моремъ же» (*Jouravel*, 361), так и рукотворные, о которых мы поговорим ниже. А для районов к северу от Золотого Рога, где рукотворных объектов меньше, — только природные: «за испигасомъ на горѣ» (*Jouravel*, 401, 405), «ѡтоль же стый даниль столпникъ на горѣ» (*Jouravel*, 403), «а ѿтоль в лѣсъ

¹ Один пример греческого происхождения текстов, вошедших в Книгу Паломник: «αγγελι со небесе сметани бывше и впредворишаſа в бѣси» (*Jouravel*. S. 325) < «ἀγγέλους οὐρανόθεν ἐξώρισε καὶ εἰς δάιμονας οἱ μετεπόίησε» (Ισιδώρου Γλαῦπᾶ ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης Ὁμιλίες. Т. 1. Θεσσαλονίκη, 1966. N1,16).

² *Lenhoff Vroon G. D. The Making... P. 110–111.*

идуче манастырь» (*Jouravel*, 405), «долъ же на Судѣ въ мужескомъ манастыри» (*Jouravel*, 405). Если объекты цивилизации могли быть частью «экскурсионного нарратива», то на море, горы и лес Антоний явно обращал внимание сам, и внесение их в Книгу Паломник является несомненным указанием на личные впечатления.

Не-религиозных памятников у Антония наперечет: Дворец, Ипподром («За подромием же цркви стго серьгия и вахка» (*Jouravel*, 391–393), «у подромия же цркви стыя Еуфимьи... на подрумьемъ близъ стго Иоанна» (*Jouravel*, 393), Феодосиева стена, столпы (колонны) Константина и Аркадия, убол (без конкретизации названия; под «уболом» подразумевается главная улица Меса), Черный убол, «трудоватица» (лепрозорий Св. Зотика) (*Jouravel*, 401)¹, наконец, еврейский квартал («на Испиганьской сторонѣ · по странѣ жидовъ» (*Jouravel*, 393), — все эти ориентиры не удостаиваются описания и служат лишь для топографической привязки. Этим Книга Паломник решительно отличается от более поздних русских Хождений². Тем любопытнее тот единственный объект хозяйственной инфраструктуры мегаполиса, который отмечен у Антония: «А по амбулу, к коневому торгу идучи, на левой стране есть церковь святыя Богородицы» (*Jouravel*, 367). «Коневой торг» — это ни в коем случае не Ипподром, как думает Савваитов³, а за ним и Эффенбергер⁴, и не Форум Константина, как считал Лопа-

¹ А. Журавель (*Jouravel*. S. 393) отвергает чтение «болница», когда речь идет о больнице Св. Сампсона, предпочитая чтение «бозница».

² Ср.: *Ivanov S. A. Ekphraseis of Constantinople in Old Russian literature // Byzantinoslavica*. 2011. Vol. 63. P. 205–212.

³ Путешествие Новгородского архиепископа Антония... С. 114.

⁴ *Effenberger A. Zur »Reliquientopographie« von Konstantinopel in mittelbyzantinischer Zeit // Millennium*. 2015. Vol. 12/1. S. 293. Кстати, сам же Эффенбергер справедливо замечает, что церковь Богородицы, упоминаемая в этой фразе, стояла на северной стороне форума Константина. Между тем, Антоний пишет, что она находится, если идти по Месе, на левой стороне — но ведь Ипподром расположен на восток от Месы, и для идущего в его сторону церковь была бы по правой стороне!

рев¹, а торговая площадь Амастриан, где продавали именно лошадей ср. тѣ фôрф тѣв албѹов (Книга Эпарха 21). Итак, из многочисленных торговых точек столицы Антоний почему-то обращает внимание именно на место торговли конями.

В Книге Паломник можно усмотреть и иные, более за-вуалированные следы личного любопытства ее автора. В одном случае Антоний пишет: «И той монастырь грады и селы и златом богатее инех всех монастырей во Цариграде» (*Jouravel*, 373). В другом монастыре « сел не держат, но Божиєю благодатию и пощанием и молитвами Иоанна питаеми суть» (*Jouravel*, 379). В третьем случае «и поставил монастырь той, а сел неть у него:... и молитвами святыя Богородицы не оскудевает монастырь той» (*Jouravel*, 405–407). Даже единственная в Книге Паломник природная зарисовка, как представляется, может иметь отношение к проблемам монастырской собственности; Антоний пишет: «А оттоле в лес идучи есть монастырь Иверьский» (*Jouravel*, 405). Этот лес, скорее всего, являлся собственностью Иверского монастыря, пожалованной ему императором Василием I², — оттого он и помянут паломником. Подобная концентрация внимания на монастырской недвижимости не находит параллелей в других туристических отчетах. Вспомним при этом, что в Новгороде рубежа XII–XIII вв., позднее чем в других древнерусских землях, монастырское землевладение как раз набирало размах³. Эта тема могла быть интересна лично Добрыне потому, что в 1192 г. его близкий друг, Варлаам, передал Хутынскому монастырю свои земли и села⁴. Таким образом, есть основания предположить, что паломник сам задавал конкретные

¹ Лопарев. С. LVIII–LIX. А. Журавель (*Jouravel*. S. 46. Anm. 139) указывает на ошибку, но не предлагает собственной локализации.

² Житие и деяния Илариона Грузина / Пер. Г. В. Цулая. М., 1998. С. 32.

³ Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 46–76.

⁴ Зализняк А. А., Янин В. Л. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // Russian Linguistics. 1992/1993. Vol. 16. P. 190.

вопросы гиду, и вышедший из-под его пера текст фиксирует в этом месте отклонения от стандартного «экскурсоводческого нарратива».

В Книге Паломник встречается целый ряд мест, «в подкладке» которых можно угадать происходивший между туристом и его гидом обмен репликами: так, фраза: «и инѣхъ же гробовъ во стѣни софии нѣтъ развѣ того» предполагает, что ранее паломник спросил, есть ли другие захоронения в Св. Софии, особенно памятя об услышанном ранее: «и за тѣмъ крѣсть лежить Аньна иже давала дворъ свои свѣти софиѣ» (*Jouravel*, 311). Точно так же внутренний посыл фразы «покаллныхъ отцевъ бѣлцвъ не держать . но черньцовъ старыхъ умѣюющихъ научити закону осподню» (*Jouravel*, 347) предполагает предшествующий вопрос, держат ли «бельцов» в обители Неусыпающих. Видимо, отсутствие колоколов в Св. Софии вызвало удивление лично у Добрыни Ядрейковича — по контрасту с новгородской ситуацией, и ответом на заданный им вопрос стала развернутая реплика гида, которую паломник не только воспроизвел, но и прибавил собственное описание незнакомого предмета: «а колокола не держать во стоя софиѣ но билце мало в руцѣ держа клеплють на заутрени а на обѣдни и на вечерни не клеплють а по инымъ црквамъ клеплють а на обѣдни и на вечерни было же дръжать по агглову учению а в колоколы латына звонять» (*Jouravel*, 345–347)¹.

В научной литературе многократно подчеркивалось внимание Добрыни к «русским» темам. Почти все эти случаи были разобраны у Х. Лопарева². Для наших целей интересны не те «русские» темы, которые могли быть добавлены в Книгу Паломник на более поздних этапах, вроде княгини Ольги или даже Бориса и Глеба, а те, что накрепко вплыв-

¹ Такой же или похожий вопрос о колоколах был задан гиду «Таррагонским анонимом», см.: *Ciggaar K. N. Une description de Constantinople dans le Tarragonensis 55 // Revue des études byzantines*. 1995. Т. 53. Р. 122; рус. пер. см. в: Реликвии в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 184.

² Лопарев. С. CXVII–CXXVII.

лены в «экскурсоводческий нарратив»: «стей леонтий попъ русин лежить в тълъ великтъ члвкъ тои бо леонтии трижды во Иерлмъ пъшь ходиль (*Jouravel*, 385), или «лежить болже- ная кнагини брачиславла Аксинья» (*Jouravel*, 403). К этим, известным примерам следует добавить еще один. В церкви Платона Антоний замечает: «И Боринъ тут в теле лежит» (*Jouravel*, 387)¹. Возможно, речь идет о полурусском-полувенгерском князе Борисе Коломановиче², но даже если о каком-то другом Борисе — нет сомнений, что интерес к нему также мог быть вызван паломническим патриотизмом. Гид, водивший древнерусских паломников, старался сделать им приятное, напоминая о соотечественниках. Какой-то другой Борис мог быть столпником на Босфоре. Кроме того, Антоний рассказывает: «и в томъ манастыръ живеть вышед из стой горъ сава сербъский кнзъ» (*Jouravel*, 373–375). Вряд ли сами греки так уж гордились присутствием в столичном монастыре какого-то варварского «трибалльского» принца, и если бы паломническая группа состояла из западных христиан, то, может, Савва и не попал бы в экскурсионную программу — но тут гид потрафлял некоему общеславянскому чувству древнерусских паломников³.

¹ Ср.: *Лопарев*. С. 31. 88. Чтение Забелинского списка «боярин» (Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 231), скорее всего, является позднейшим переосмыслением непонятного имени. Фонетическая оболочка имени соответствует форме греческого винительного падежа, в которой слово застыло в византийской среде, ср.: *Leonis diaconi Caloënsis historiae libri decem* / Ed. K. B. Hase. Bonn, 1828. P. 136, 158. А. Журавель (*Jouravel*. S. 387–388) без достаточных оснований предполагает здесь контаминированное «борись болгаринъ».

² *Thomov Th. Was Boris Kalamanovič buried in the church of St. Plato at Constantinople? // Byzantium*. 2003. Vol. 73. P. 510–529.

³ *Garzaniti M. Le Livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod: Constantinople dans le premier témoignage d'un récit de voyage russe // Slavica Occitania*. 2013. Vol. 36. P. 44. В запасе у экскурсвода могло храниться по нескольку историй для паломников из разных стран. Так, он дважды упоминает грузинских святых в Константинополе: «втотлъ в лъсь идече манастыръ есть Иверьский, в немъ лежить стаго Илария глава» (*Jouravel*. S. 405). Речь идет о монастыре, построенном Василием I для грузинских монахов в Сосфении, см.: *Житие и деяния Илариона...* С. 23.

Непосредственным выражением личной гордости Антония является и его трогательная похвальба: «и у мене ризы тоя есть» (*Jouravel*, 363), «и у мене мощи стаго влася» (*Jouravel*, 371), «тоиже камень и у мене есть» (*Jouravel*, 395).

Дважды Антоний говорит о «греках»: «во испигасъ же црквь стго николы греческая» (*Jouravel*, 397) и «грыци кта ни приидеть ъсть хлѣбъ» (*Jouravel*, 407). Разумеется, все остальное в Константинополе также принадлежало грекам, почему же они акцентированы именно в этих местах итinerария? Оба случая относятся к Испигасу, то есть, в общем, уже «латинскому» кварталу Константинополя, и можно предположить, что здесь туристов сопровождал местный экскурсовод, для которого «греки» были не совсем свои.

«Экскурсоводческий нарратив»

На важность «экскурсоводческого нарратива», стоящего за рассказами паломников, первым обратил внимание Ж. Дагрон¹. Он же отметил, что русские туристы более буквалистским образом воспринимали те истории, которые для греков существовали в определенном контексте, чуть более нюансированном². Ниже я попытаюсь реконструировать те фрагменты византийского экскурсоводческого дискурса, который угадывается за древнерусским текстом³.

¹ *Dagron G. Pèlerins russes...* P. 285–292.

² *Ibid.* P. 290–291.

³ Совершенно непонятно, что дало основания Е. Л. Конявской ставить под вопрос существование самого института экскурсоводов в византийском Константинополе (Конявская Е. Л. Византийская живопись... С. 45–46). Совпадение при описании разных диковинок столицы между русскими, латинскими, арабскими отчетами не оставляют никаких сомнений в существовании у всех у них общего греческого источника. Другое дело, что каждый турист мог прибавлять и собственные наблюдения, например, такие, о которых пишет Е. Л. Конявская.

Как строилось общение туристов с экскурсоводами, часто можно понять из сопоставления нарративов, донесенных разными, но близкими по времени паломниками. Дж. Мажеска отметил, что Антонию показали больше реликвий, чем всем более или менее современным с ним западным паломникам, и что, возможно, он заказал себе «люкс-тур»¹; нельзя исключить, впрочем, и того, что эта разница соответствовала большему интересу русских к определенным темам, вроде иконоборчества².

Кто был гидом Добрыни Ядрейкова? Скорее всего, русский человек, постоянно живший в Константинополе. Вопрос о грецизмах в Книге Паломник был затронут Х. Лопаревым³, однако он не сделал никакого различия между словами, давно заимствованными в славянский язык (катарапетазма, вапы, епарх и т. д.) и неологизмами, представляющими особый интерес⁴. Так, Лопарев истолковал слово «калуфони» как καλὴ φωνή⁵. Между тем, фонетическая запись слова с несомненностью указывает на греческий *Nomen agentis* καλόφωνος. А слово это, как и образованные от него καλοφωνίζουν, καλοφωνότουλα, является совершенным новшеством в среднегреческом языке: впервые оно письменно фиксируется в так называ-

¹ Majeska G. Russian Pilgrims in Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 2002. Vol. 56. P. 95.

² Majeska G. P. Russian Pilgrims and the Relics // Восточнохристианские реликвии. Eastern Christian Relics. M., 2003. P. 390; *Idem*. Russian Pilgrims in Constantinople... P. 101.

³ Лопарев. С. XXVII–XXVIII. Ср. Lenhoff Vroon G. D. The Making... P. 129.

⁴ Нас сейчас интересуют лишь неологизмы и жаргонизмы, а между тем, отдельной важной темой могла бы стать заимствованная греческая лексика Антония в целом: к примеру, встречающееся у него наречие «философски» (*Jouravel*. S. 315) является калькой с невероятно редкого византийского φιλοσοφικῶς (*Epiphanius. Ancoratus und Panarion*. Bd. 3. Leipzig, 1933. S. 432.5; *Theodori Studitae Epistulae*. Vol. 2. Berlin, 1992. P. 599.48).

⁵ Лопарев. С. XXVII. А. Журавель (*Jouravel*. S. 219) повторила это вслед за Лопаревым.

емых Птохопродромовых поэмах, датируемых серединой XII в.¹

Все исследователи, разумеется, отметили, что «царь корльи · о софось» (*Jouravel*, 311) это фонетическое воспроизведение византийского κύριος Λέων ὁ Σοφός, но только никто пока не обратил внимания, что в официальных текстах, а также, например, в Синаксаре Лев Мудрый именовался Λέων ὁ σοφώτας «Лев Мудрейший», и лишь к XII в. формы κύριος и Σοφός утвердились уже и на официальном уровне².

Название монастыря «Трояндофилица» также является для эпохи Антония сравнительно новым³, как и употребленная в Книге Паломник форма «Пятерица», явно передающая греческое Πετρίτζη, разговорный эквивалент названия Πετρίον⁴. Рассказывая про храм Иоанна Богослова в Дииппии, Антоний замечает: «туже есть и камень иже положень быль под главою во гробъ иоановъ, тоиже камень и у мене есть» (*Jouravel*, 393–395). Конечно, если бы речь шла об уникальной реликвии, то паломнику не разрешили бы ее унести⁵. Более того, слова «и у меня» доказывают, что таких «камней» раздавали много. Но что вообще могло здесь иметься в виду? Ведь было широко известно, что мощи ап. Иоанна, в отличие от других святых, никуда не пере-

¹ Ptochoprodromica IV.83.

² Cp.: *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis, tomus primus* / Ed. F. Miklosich, J. Müller (*Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana*; 4). Wien, 1871. P. 323, 326.

³ Первая фиксация в XI в., см.: *Historia imperatorum. Liber ii* / Ed. F. Iadevaiia. Messina, 2006. Стк. 2477; *Actes de Vatopédi*. Vol. I / Ed. J. Bompaire, C. Giros, V. Kravari et J. Lefort. Paris, 2001. P. 112.18.

⁴ Я не готов согласиться с А. Эффенбергером, который считает, что слово Пятерица может передавать одновременно и термин Петрион, и термин Петру (*Effenberger A. Zur »Reliquientopographie«... S. 292*). Форма, оканчивающаяся на -ца, является несомненным деминутивом, каковым также является слово Πετρίον, но не является форма τὰ Πέτροι. Сответственно, не могу я принять и те выводы, которые делает из этого отождествления А. Эффенбергер.

⁵ Царевская Т. Ю. О Царыградских реликвиях Антония Новгородского // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М., 2000. С. 69, пытается решить проблему, говоря о «части камня».

носили, гробница евангелиста в Эфесе оставалась нетронутой, а стало быть, и никакого «камня» из-под его головы извлечь не представлялось возможным. Рискну предположить, что слово «камень» в Книге Паломник есть русификация (вероятно, возникшая в ходе многовекового переписывания) греческого слова *κόνιον*, услышанного Добрыней от своего экскурсовода: из гробницы ап. Иоанна в Эфесе каждый год 8 мая «исходил» особый «прах» (*κόνις*), который наделялся чудодейственными свойствами. Как именно появлялся «прах», источники описывают в заведомо уклончивой манере (*ἀναβρύει καὶ ἀναδίδωσιν*), потому что в Византии вообще не было единого мнения о том, лежит ли Иоанн в своей могиле, или восхищен телом на небо. Но вот о форме загадочной субстанции составить представление можно, поскольку эфесяне называли ее *μάννα*. Само слово отсылает к Библии, где манна «имеет вид кристалла» (Числ 11, 7), то есть это была не столько сыпучая пыль, сколько нечто квантуемое. Праздник «святого праха» отмечался 8 мая и в Константинополе¹, — в высшей степени вероятно, что в храме Иоанна в Дионисии такие кристаллы в этот день тоже раздавали. Коль скоро мы точно знаем, что Антоний находился в Константинополе весной, то почему не предположить, что и он посетил храм именно в этот день и получил, вместе с остальными поклонниками, свой *κόνιον* или «камень», а его происхождение описано Антонием столь же смутно, сколь противоречивы были объяснения и его экскурсовода.

Загадочное слово «наровъ», которое И. Срезневский помещает в свой словарь без толкования но с эквивалентом *μοχλός*, т. е. «засов»², встречается у Антония в следующем контексте: «у царскихъ дверei иже есть мѣдлнъ романистъ ·

¹ *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye (AASS. Nov.; Propylaea). Bruxelles, 1912. Col. 665.*

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Том 2. СПб., 1902. С. 320.

рекше наровъ» (*Jouravel*, 315). Слово *φωμανίσια* / *φωμανήσια* «засов» — очень редкое, в базе TLG оно встречается всего дважды, в текстах X в.¹, однако похоже, что форма «романистъ» восходит к незафиксированному отглагольному существительному *φωμανίστης*, произведенному из глагола *φωμανίζω* «запирать на засов», дважды встречающегося в Птохопродромовых поэмах² — и более нигде.

Употребление слова «ксилолой» также можно считать маркером эпохи: слово существовало в греческом издавна, однако функционировало главным образом с сferах медицины и астрологии, а в XII в. вошло в повседневный оборот. Так, Иоанн Цец просит в письме: «Пришли мне ассирийской древесины, обычно именуемой ксилолой»³. Возможно, именно поэтому у Антония слово тут же гlosсировано: «ксилолоя темъяна» (*Jouravel*, 355).

Отдельно следует отметить словосочетание «златые палаты», которым Антоний называет Священный дворец византийских императоров; там действительно имелась приемная зала, именовавшаяся Христоклиник, «три золотых ложа», но, во-первых, туристов туда не пускали, а во-вторых, реликвии, описанные в Книге Паломник, хранились в Фаросской церкви Дворца, а вовсе не в его жилой части. Сочетание *τὸ παλάτιν τὸ χρυσόν* встречается лишь в народноязычной литературе позднего периода⁴. Итак, можно признать, что экскурсоводом Антония был человек, свободно владевший тем живым греческим, на котором разговаривали во 2 половине XII в..

¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae libri duo / Ed. J. J. Reiske. Vol. 1. Bonn, 1829. P. 519.14; The Life of Saint Basil the Younger / Ed. S. McGrath, D. F. Sullivan and A.-M. Talbot. Washington (D.C.), 2014. P. 74.5.

² Ptochoprodromica IV.139; IV.158.

³ Ioannis Tzetzae epistulae / Ed. P. L. M. Leone. Leipzig, 1972. P.45.

⁴ Jeffreys E., Papathomopoulos M. Ο Πόλεμος τῆς Τρωάδος. Αθήνα, 1996. Стк. 4889, 7230, 7302; cp.: Vita Nicephori // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880. P. 186: *τὰ χρυσόροφα ἀνάκτορα*.

В чем состоит задача экскурсовода, будь то сейчас или 800 лет назад? Он должен следить за тем, чтобы его по-допечные не заходили за ограждения, потому что ответственность за допущенные ими нарушения лежала на нем. Отсюда в Книге Паломник появляются фразы, буквально отражающие предостережения гида: «то же мѣсто огорожено есть древомъ, да на не члвици не вѣступать» (*Jouravel*, 311); «и по сторонѣ того мѣста есть мѣсто огорожено мѣдью да на не члвеци не вѣступать но то мѣсто цѣлують мужи и жены» (*Jouravel*, 337).

Кроме того, гид должен был внушать паломникам благоговение перед царьградскими святынями, а еще держать внимание слушателей, развлекать их. Здесь у него было меньше цензурных ограничений, чем можно было бы думать. Самой неожиданной частью «экскурсионного нарратива» является у Антония фраза: «А оттоле есть монастырь Кирсака царя святый Михаил. и в том монастыри есть икона, а на ней написан Христос» (*Jouravel*, 403). Кирсак, то есть император (Кир) Исаак II Ангел, действительно не жалел никаких средств для строительства и украшения монастыря Михаила Архангела на Босфоре в Анапле, над чем едко издавался Никита Хониат; особую язвительность историк проявил как раз в вопросе об иконе, которая поминается в Книге Паломник: «А желание этого василевса любой ценой перенести из города, ныне именуемого Монемвасией, (образ) Христа, влекомого на крест, — произведение несравненного совершенства и обаяния, не отпускало его из (сетей) безумнейшей страсти. Он целиком отдавался надеждам, пока не выкрад оттуда (икону) при помоши коварства — ведь открытое присвоение было небезопасно»¹. Ничего странного, что Хониат мог невозбранно издаваться над Исааком, — гораздо поразительнее, что Антоний именует того царем:

¹ Nicetae Choniatae Historia. Pars prior / Ed. J. van Dieten. Berlin, 1975. P. 442–443.

ведь к моменту появления Добрыни в Царьграде, «Кирсак» уже пять лет как содержался в заключении, свергнутый и ослепленный собственным родным братом Алексеем. Либо никакой *damnatio memoriae* за переворотом 1195 г. не последовало, либо экскурсоводческий нарратив был столь консервативен, что не поддавался политической конъюнктуре.

Выполняя задачу развлекать паломников, гид чувствовал себя вполне раскованно, рассказывал анекдоты, например, такой: «и быс(ть) ему кадащю темъяномъ и проглахсъ къ попови ис пола ити дѣспода и потомъ на третыи днь поставленъ быс(ть) патриархомъ» (*Jouravel*, 353). Особен-но поражает следующий рассказ: «прежние же святителии служааху завѣсою павлочитою повѣшивше катапезму чегоже ради та быс(ть?) видѣния ради женска, ... да не мутнымъ умомъ и срцемъ богу... службу вошлиют. И потомъ же еретици паки вземше тѣло господне и кровь не вѣдуще никому же завѣсы ради выплевавше воступаху ногами, туже ересъ увѣдавше святии отци духомъ привазавше завѣсы ты ко столпомъ катапезмы и ко патриарху и ко митрополиту и къ епископу приставиша протодьякона да зритъ да без ереси праведно служат Богу» (*Jouravel*, 321–323). Здесь мы видим, во-первых, характерный экскурсоводческий прием, когда гид предлагает туристам самим догадаться, почему раньше завесу задерживали; во-вторых, двухступенчатый рассказ, в котором объясняется, почему сначала катапетазму закрывали, а потом стали открывать. Интересно отметить, что откровенно развязный характер анекдота никак не противоречит следующему встык за ним утверждению, будто перед паломниками та самая катапетазма Иерусалимского Храма, которая «во распльте господне раздралася до долу»!

Вообще, (произ)вольность, с которой экскурсовод наделяет таинственным смыслом предметы, явно его не имеющие, поражает: «а у катапетазы повѣшены вѣнци мале 30 их

в память всѣмъ христвианомъ и в незабыть¹ июдиных ради 30 сребраникъ · на нихже господа Иисуса Христа преда» (*Jouravel*, 319). Или вот информация, явно рассчитанная на то, чтобы вызвать восхищения у туристов: «на лѣвои сторонѣ горѣ у терема великаго сошита пазуха золотомъ. золота же вышло чстго 4 капи» (*Jouravel*, 317), то есть 218 кг. Количество золота поразило бы любого, будь он хоть мусульманином. То же можно сказать и о такой детали, «очеловечивающей» Св. Софию: «а на полатахъ кодази и огороду патриарха ... ввоющъ же патриарху всаки дыней и яблока груши держа в кладази повержено ужищемъ в коши и коли ѿсти патриарху и тога вынимаютъ ес(ть) студено , такоже и црь ѿсть и баня патриархова на полатахъ , воды же по трубамъ возведены а другая дождевая» (*Jouravel*, 365).

Были и сведения другого характера, рассчитанные на чуть более специальную аудиторию: «во олтари вода · и приведена по трубамъ из колодази (*Jouravel*, 305), «отолѣ близъ миро сщное варять иконами ветхими иже не знати стыхъ и тѣмъже миромъ дѣти крстать» (*Jouravel*, 317). Иные же сведения вообще не могли пригодиться кому-либо, кроме людей, специально интересовавшихся церковным устройством, как архитектурным, так и организационным: «а под нею дуплено и подходать чловѣци , и учинено сквозѣ мороморъ продухи и егда внидетъ црь во црквь ту тогда понесуть под испод много ксилолоя темъяна и кладуть на углие и исходить вона продухи тѣми во црквь на воздухъ (*Jouravel*, 255); «во великую же пятницю не служат по имъ црквамъ ни в светыи софии но мыютъ цркви в тот день и бѣшивомъ листвиемъ настилаютъ во цркви» (*Jouravel*, 385). Можно предположить, что такие сведения гид сообщал не по собственной инициативе, а в ответ на любопытствующие вопросы Добрыни.

¹ А. Журавель (*Jouravel*. S. 214) предполагает, что этот оборот является переводом греческого εἰς τὸν ἀλησμόντον, но такого слова в греческом не существует.

Хотя паломника интересовали религиозные достопримечательности, иногда в экскурсионный нарратив вкрадываются и светские: «тельга сребрлна, константина и елены» (*Jouravel*, 303). Кое-что заслуживает именования «диковинки»: «лежить предний амбонъ · храсалень єгоже избиль верхъ стъи софъи падса» (*Jouravel*, 307). Интересная ремарка сопровождает рассказ о церкви апостолов «Урвановой чади», находившейся в Аргирополе (совр. Топхане)¹: «а тая црквь прежде царлграда поставлена» (*Jouravel*, 399). Имеется в виду известная византийская легенда о первом епископе, рукоположенном здесь ап. Андреем, однако любопытно, что в Книге Паломник акцентировано не столько апостольское происхождение столичной церкви, сколько преимущество древности, которым обладала Пера. Нельзя ли усмотреть здесь местный патриотизм здешнего гида?

Значительное число сакральных объектов демонстрировались паломникам не просто в назывном порядке, а в сопровождении рассказов экскурсовода, причем иногда весьма простираемых (быть может, у Антония зафиксированы лишь немногие из услышанных, глубже других засевшие в памяти). Иные из этих историй кочуют из одного путеводителя в другой, но для наших целей больший интерес представляют уникальные рассказы, донесенные лишь Антонием. Его гид имел излюбленных святых персонажей, и приурочивал эпизоды из их житий к разным объектам, создавая у слушателя эффект узнавания. Одним из таких персонажей был Стефан Новый. Когда Антоний пишет: «ауксентей иже жил на холмъ со стымъ стефаномъ новымъ» (*Jouravel*, 383–385), он явно передает слова гида, который привязывал менее известного святого, Авксентия, к святыму более знаменитому, Стефану. Паломник мог думать, что эти святые жили на одном и том же холме одновременно, но экскурсовод-то просто хотел сослаться на то, что в Жи-

¹ Mango C. A. Constantinople's Mount of Olives and Pseudo-Dorotheus of Tyre // *Nea Rhome*. 2009. Vol. 6. P. 164.

тии Стефана множество раз упоминается, как тот поселился на горе св. Авксентия, обретавшегося там же тремя столетиями ранее.

Еще более сложное переплетение мотивов происходит в нижеследующем рассказе: «странъ єя жиль костантинъ цръ иже в тълъ явилъ црви . и повелъ патриарху цръ внести єго во град дне и создати црквъ во има єго манастыръ... а тои костантинъ первое жидовинъ былъ и крестился есть научень ѿ стефана новаго» (*Jouravel*, 397–399). Первая его половина отсылает к сюжету, известному из многочисленных хроник IX в.: мошенник Сантаварин, сообщник патриарха Фотия, убедил в своих колдовских способностях императора Василия Македонянина, в частности, показал ему призрак его скончавшегося сына, Константина; под впечатлением от этого трюка император приказал построить монастырь в память Константина¹. Вторая же половина относится к Константину Синадину, византийскому святому «из иудеев», который предсказал царствование другому сыну Василия, Льву (BHG 370). Если эти два Константина, хоть и не имели между собой ничего общего, то были, по крайней мере, современниками, то Стефан Новый жил гораздо раньше и в Житии Константина ни словом не упомянут. Однако Стефан был очень популярен в Константинополе, и его появление «привязывало» данный памятник к череде других. Впрочем, нельзя исключить, что в памяти Антония смешалось несколько рассказов гида, относившихся к разным памятникам.

В одном месте, в рассказе о церкви великомученика Георгия в Девтероне², мы слышим, как «стыи фешдоръ пре-

¹ Georgii Hamartoli *Chronicon breve* (PG. 110. Col. 1084); cp.: *Majeska G. The Body of St. Theophano the Empress and the Convent of St. Constantine // Byzantinoslavica. 1977. Vol. 38. P. 14–21.*

² *Janin R. La Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Le Siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. T. 3. Paris, 1969* (далее сокр. — *Janin*). P. 69; cp.: *Effenberger A. Die Kirche des hl. Romanos in Konstantinopel und ihr Umfeld // Millenium. 2017. Bd. 14. S. 191–226.*

образился (в корытѣ) мѣсящи тѣсто в корытѣ черницѣ» (*Jouravel*, 377–379). Текст немного испорчен, но нам не составляет труда уяснить, что здесь пересказан эпизод из 104-й главы Жития Феодора Сикеонского, где герой кормит братию хлебом, полученным из малого количества теста, собственноручно мешая его в корыте¹. Немного далее, достигнув монастыря Св. Георгия Сикеонского, расположавшегося чуть севернее Адрианопольских ворот, возле цистерны Аэция², гид снова рассказывает серию историй о том же персонаже: «и ту лежить стыи фешдръ секиѣ в тѣлѣ в сребрланѣ гробѣ и ту крѣсть его на желѣзнѣ пососѣ с нимже ходиль на гору ко стому георгию молится еже ест ту и потырь его мороморанъ с неюже служилъ . и много искѣлѣния болнымъ ѿ него бывають пиющимъ воду ис потиръ» (*Jouravel*, 379–381), но здесь все уже не так просто: хождение на гору фигурирует в одном месте Жития, железный посох в другом, а последний эпизод имеет к житию лишь косвенное отношение: никакого чуда исцеления в житии нет — однако перед смертью святой действительно дает монахам своего монастыря пить из собственного потира³. Как мы видим, чудо складывается в процессе рассказа, для его перformatивного завершения.

Впрочем, есть в Книге Паломник и такие данные, которые можно счесть не столько сознательной редактурой, сколько простой ошибкой, причем не Антония. К примеру, упоминаемые им в Испигасе «стии отцы 318, туто ж и моши их» (*Jouravel*, 403–405) соответствуют, по мнению всех исследователей, некой церкви, посвященной 318 Отцам Первого Вселенского Собора. Однако подобный храм не за свидетельствован ни в каких других источниках, да и труд-

¹ Vie de Théodore de Sykeôn / Ed. A.-J. Festugière. Bruxelles, 1970. Р. 83–84; Житие преподобного Феодора, архимандрита Сикеонского / Пер. с греч., предисл. и комм. Д. Е. Афиногенова. М., 2005. С. 88–89.

² Janin. Р. 76–77.

³ Житие преподобного Феодора... С. 30–31, 45, 148.

но представить себе собранные вместе мощи 318 человек! Невозможно избавиться от подозрения, что гид принял за указание на мощи 318-ти надпись, которая была стандартным византийским проклятием для тех, кто попытается отнять ту или иную собственность или могилу: злоумышленнику принято было угрожать карой со стороны 318 Отцов Никейских¹.

Местами экскурсовод стремится придать агиографической топографии «человеческое» измерение: «на память его главу приносить к погребу идъже сидѣль вверженъ главу же его носить епархъ чрез всю нощь со множествомъ людии со свѣщами зовуща кирелъсу» (*Jouravel*, 373). Монастырь, где хранилась голова Стефана, располагался далеко от центра города²; из текста вроде бы следует, что где-то в этом же районе должен был находиться и «погреб», в котором святой сидел. В любом случае «погреб» был ярким топографическим напоминанием об исторической реальности Стефана Нового, в каком-то смысле более действенным, чем его голова. Ту же функцию «очеловечивания» несут и слова: «на томъже уболѣ стго павла исповѣдника домъ» (*Jouravel*, 387). Разумеется, это была церковь, которая находилась в районе совр. Большого Базара³, но упор сделан на то, что она устроена в том самом доме, где жил святой. Особо трогательно выглядит сообщение о том, что «стый иоанн кушникъ лежить у вратъ двора своего и крѣсть его на желѣзнѣ пососѣ» (*Jouravel*, 381). Из жития Иоанна (BHG 868–869h) известно, что он был похоронен во дворе собственного дома; кроме того, опираясь на текст можно предположить, что его дом стоял где-то недалеко от пор-

¹ Например,ср. в Константинополе XI в.: *Γεδεῶν Μ. Ἐγγραφοι λίθοι καὶ κεράμια. Ἐν Κωνσταντινουπόλει*, 1892. Σ. 96–97.

² Majeska G. Russian Travelers... P. 279–289; Asutay-Effenberger N., Effenberger A. Zum Verlauf der Konstantinsmauer zwischen Marmarameer und Bonoszisterne und zu den Toren und Straßen // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2010. Bd. 59. S. 13.

³ Janin. P. 395.

та¹, а логика Антониева маршрута ведет к заключению, что дом находился в районе ворот Одункапы², у Золотого Рога. Однако житие Иоанна не только не упоминает впрямую, но и никак не предполагает, чтобы этот святой ходил с железным посохом, скорее наоборот, тот был ему вовсе не нужен. Значит, посох есть дальнейшее развитие легенды о ξεινύτεια Иоанна. В любом случае, упоминание об агиографических событиях на том самом месте, где они якобы происходили, сообщало Константинополю черты Святой Земли.

Некоторые намеки, содержащиеся в Книге Паломник, так и остаются нерасшифрованными. Из этого как минимум следует, что экскурсовод рассказывал туристам какие-то нестандартные агиографические легенды, не вошедшие в типовые синаксари: например, непонятно, как было возможно, чтобы знаменитейший апостол Матфей оказался в таком небрежении, что его «тъло в сель ви града лежить» (*Jouravel*, 369). Загадочна фраза о некоем «мачюковѣ манастырѣ» (*Jouravel*, 403). Р. Жанен терялся перед таким странным названием, не встречающимся более нигде³, однако еще Лопарев⁴ справедливо связывал его с «неким Мачуком». Несомненно, речь идет об обители, заложенной Феодором Мачуком⁵. Конечно, церковь не могла именоваться так официально, это было ее обиходное название, донесенное, однако, до туристов и, видимо, связанное с какой-то историей, которая, однако, у Антония не сохранилась.

Некоторые даже вполне развернутые истории из Книги Паломник не находят себе параллелей: «а ѿтолѣ стая Анастасия в тѣлѣ лежить та же за мужемъ была на млтынею

¹ Vita Ioannis Calybitae (PG. Vol. 114. Col. 572–573).

² Janin. P. 271.

³ Janin. P. 328. Почему-то теряется и А. Журавель: *Jouravel*. S. 251.

⁴ Лопарев. С. СXXXVIII.

⁵ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit #27683. Топографически эту обитель вполне допустимо локализовать в квартале св. Маманта, сп.: Berger A. Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos. München, 1988. S. 697, 703.

и добрымъ житьемъ сплас съ» (*Jouravel*, 399). Принято почему-то считать, что речь об Анастасии Патрикии, но та, согласно Житию (BHG 79–80е), была девицей, удалившейся в пустынью, чтобы сберечь девство, а описанный здесь персонаж — благодетельная матрона. Другая загадочная история, неизвестная ни из каких других источников, такова: ««В мужеском монастыри лежит царевна святая девица София в теле; а от иного бо злого царя лежала сохранена 100 лет и явилася потом» (*Jouravel*, 415). Ни одной принцессы, которая была бы девицей и именовалась Софией, нам неизвестно, а уж сокрытие тела в течение целого века — это вообще звучит как триллер! Загадочна и история с мощами св. Евфимии: «еуфимъя в тѣлѣ лежить се же ѿ сего 10 лѣто явившиѧ ѿ землѣ плотио, не вѣдаху бо ея кдѣ положена» (*Jouravel*, 371). Гид мог даже драматизировать свой рассказ «детективными» вставками: «В той же церкви святый Анастасий без главы есть, а главу его украли» (*Jouravel*, 375)¹. Все это призвано было оживлять монотонность экскурсоводческого нарратива.

Как водили Антония по Царыграду?

Антоний посетил за время своего паломничества 97 памятников и видел 115 реликвий², тогда как все остальные русские паломники вместе взятые — лишь 58 памятников³. Это могло бы сделать Книгу Паломник важнейшим источником по городской топографии Константинополя, если бы в ней не царил топографический хаос. Х. Лопарев⁴ отнес эту путаницу не на счет позднейшего редактора, а на

¹ Effenberger A. Zur »Reliquientopographie«... S. 286–288. Effenberger A. Die Kirche des hl. Romanos... S. 191–226.

² Effenberger A. Zur »Reliquientopographie«... S. 278. Anm.63.

³ Majeska G. Russian Pilgrims. P.101.

⁴ Лопарев. С. XXIX–XXXI.

счет самого Антония. Тем не менее, как Н. Кондаков¹, так и сам Х. Лопарев², каждый по-своему, пытаются прочертить маршрут паломника по Царьграду. Последующие исследователи отказались от этой аксиомы. Так, М. Гарзанити считал, что Антоний посещал константинопольские церкви в порядке следования их престольных праздников³. Однако такую «роскошь» мог позволить себе лишь человек, живущий в городе многие годы, а никак не обычный паломник. А. Эффенбергер⁴ и А. Журавель⁵ считают, что для Антония важны были не столько здания, сколько содержавшиеся там реликвии⁶. И, тем не менее, паломники ходили по городу не сами — их вели экскурсоводы, которые не могли не думать о топографической осмысленности маршрута.

Какая же экскурсоводческая логика прослеживается в Книге Паломник? Разумеется, сначала турист осматривает Св. Софию и дворцовые церкви. Но куда его ведут потом? Паломников XIV–XV вв. обычно вели от Св. Софии длинным маршрутом на юг и потом на запад, по часовой стрелке, вдоль берега Босфора и Мраморного моря — Антония же в ходе его первой экскурсии провели по не очень широкому кольцу вокруг Св. Софии от Халкопратии до Мангана, также по часовой стрелке (*Jouravel*, 357–366)⁷. Второй маршрут, напротив, начинался на самой юго-западной оконечности Царьграда, у Золотых Ворот, и шел в северо-восточном на-

¹ Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006. С.99–103.

² Лопарев. С. 41–69.

³ Garzaniti M. Le Livre... P. 31.

⁴ Effenberger A. Zur »Reliquientopographie«... S. 265–327. Cp. также: *idem*. Antonij von Novgorod und die Kirche des Theodoros ἐν τοῖς Σφορακίου — Ein Beitrag zur sakralen Topographie von Konstantinopel // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Plenary papers. Sofia, 2011. P. 285–308.

⁵ Jouravel A. Die Neuauflage... S. 163.

⁶ Cp.: *Jouravel A. Antonij von Novgorod...* S. 155.

⁷ Effenberger A. Zur »Reliquientopographie...» S. 287, 297–303, 306–307; Janin. P. 499–500; 285; 37; 89; 372; Talbot A.-M. The Posthumous Miracles of St. Photine // *Analecta Bollandiana*. 1994. Т. 112. P. 85–104. Cp.: Ciggaar K. N. Une description... P. 255–256, 258.

правлении к Колонне Аркадия, следуя, с некоторыми отклонениями, южному рукаву Месы (*Jouravel*, 371–378).¹ Третий маршрут почти целиком идет вдоль городских стен с юга на север: от Ворот св. Романа до цистерны Аэция (*Jouravel*, 377–382)². Дальнейшие топографические данные в Книге Паломник сильно перепутаны, и на значительном протяжении маршрут почти не поддается реконструкции. Нить последовательного рассказа восстанавливается на берегу Золотого Рога, у порта Неорий: оттуда туристов вели на юг по второй крупнейшей артерии Константинополя, Маврианову портику, вплоть до его соединения с Месой, и по ней не запад до Форума Константина и вокруг него (*Jouravel*, 383–392)³, но как далеко, понять трудно, ибо в показаниях Антония вновь наступает хаос. Следующий участок топографической неопределенности охватывает еще большую площадь, и затем маршрут восстанавливается уже на берегу Мраморного моря, причем идет с юга на север, огибает Ипподром, Св. Софию и заканчивается почти у Золотого Рога (*Jouravel*, 391–396)⁴. Последние два марш-

¹ Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrliteratur... S. 217; Janin. P. 94; 319; 279; 220–222; 373; 183; 35; 354–358; 311; 117; 294; 90; 99; 383; Berger A. Untersuchungen... S. 365–367; 624; 635–638; 388; 634–635; 651–652; 653; Asutay-Effenberger N., Effenberger A. Zum Verlauf... S. 13; 21; Effenberger A. Theodosia von Konstantinopel — Anmerkungen zu ihrem Kult und Kultort. Ergänzende Überlegungen zu ihrem „hagiographischen Dossier“ // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2011. Bd. 61. S. 123–124, 131. Cp.: Majeska G Russian Travellers... P. 279–280.

² Janin. P. 367; 69; 410; 76–77; The Life of Saint Basil the Younger... P. 739; Asutay-Effenberger N. Das Kloster des Ioannes Prodromos τῆς Πέτρας in Konstantinopel und sein Bezug zur Odalar und Kasim Ağa Camii // Millennium. 2008. Bd. 6. S. 299–327.

³ Janin. P. 393; 271; 22–25; 313; 404–405; 395; 484–485; 443; Berger A. Untersuchungen. S. 319–329; Effenberger A. Zur »Reliquientopographie«... S. 274. Anm.41.

⁴ Janin. P. 123; 451; 516; 16; 264; Effenberger A. Zur »Reliquientopographie«... S. 291; Berger A. Untersuchungen... S. 566–568; 399; 277–280; 486–487; 269–270; Effenberger A. Stadtinterne Reliquientranslationen in Konstantinopel — Der Fall der heiligen Euphemia von Chalkedon // Hinter den Mauern und auf dem offenen Land. Leben im Byzantinischen Reich / Hrsg. von F. Daim, J. Drauschke. Mainz; Heidelberg, 2017. S. 45–54.

рута проходили за пределами «исторического полуострова»: один в Пере, именуемой у Антония Испигас (*Jouravel*, 397–408)¹, — там движение шло точно на север; второй на запад от Золотых Ворот. На этом отрезке итinerария стоит остановиться подробнее.

Последние два топонима, упоминаемые Антонием, подвигли Х. Лопарева на очередное пренебрежительное замечание: «Ни в Хрисополе, ни в Калиполе паломник не был, довольствуясь лишь заметками о них проводников»². Но ведь мы заинтересованы не столько обличить автора, сколько понять, почему именно эти топонимы из многих сотен возможных попали в Книгу Паломник. Разберемся с каждым из них по отдельности.

Чтобы уяснить, чем Антония заинтересовал Каллиполь, лежавший весьма далеко от Царыграда, следует проанализировать весь последний его маршрут. Закончив описание Галаты («Испигаса»), паломник пишет: «До святой же Пятницы от Царяграда день пешу ити» (*Jouravel*, 407). Если бы речь шла о церкви Св. Параскевы Иконийской, стоявшей на совр. *Haskoy caddesi*³, то до нее, даже с учетом переправы на лодке через Золотой Рог, от Св. Софии было никак не более двух часов. Остается предположить, что речь идет не о св. Параскеве Иконийской, а о св. Параскеве Эпиватской, не признанной официальными церковными властями. Ее куль бурно развился в XII в., так что патриарху Иоанну Музалону пришлось даже издавать специальный указ с запретом ее скандального жития. Впрочем, слава Параскевы Эпиватской уже шагнула в славянский мир, и в 1237 г.

¹ *Janin*. P. 65; 172, 178; 195; 196; 374; 297–298; 255; 108–109, 591–592; 20; 499; 328; 87; 482; 231–232; *Külzer A.* Ostthrakien (Europe) (*Tabula Imperii Byzantini*; 12). Wien, 2008. S. 355–336; 366; 186, 344; 248–249; 680; 668; 573; *Mango C.* Constantinople's Mount of Olives... P. 164; 158; *Pierre Gilles*. Itineraires byzantins / Intr., transl. par J.-O. Grelois. Paris, 2007. P. 137; 155; Житие и деяния Илариона... С. 23.

² Лопарев. С. XL.

³ *Janin*. P. 391; *Effenberger A.* Stadtinterne Reliquientranslationen... S. 50.

болгарский царь Иван Асенъ перевез ее мощи в свою столицу Тырново. Нельзя исключить, что популярность новомодной святой достигла Новгорода¹ и Антоний решил посетить ее могилу. Лишним свидетельством в пользу такой гипотезы является дальнейший нарратив Книги Паломник: там говорится о памятниках, расположенных «вне Златых врат», то есть в юго-западном направлении из города, тогда как церковь св. Параскевы Иконийской находилась в северном направлении.

Параскева Эпиватская была похоронена в деревне Каликратия, на берегу залива Бююкчекмедже; остатки ее церкви еще существовали в начале XX в.² Это место лежит в 39 км от Константинополя, и чтобы его достичь, действительно, нужен был полный день. Следующие за упоминанием Параскевы топонимы также локализуются к западу от Золотых Ворот. Первым, сразу за ними, лежал св. Никола Пробилоб, легко отождествляемый с церковью Св. Николая Моливота³, и то чудо, о котором упоминает Антоний, известно по византийским источникам⁴. Почитание св. Евфимии, которое, согласно Книге Паломник, осуществлялось «недошедшее же патники мало» (*Jouravel*, 407), в действительности имело место во Флорионе (свр. Флоря)⁵, в 20 км от церкви Св. Параскевы. Наконец, последний пункт маршрута — церковь Елены Афирской, расположенная на заливе Бююкчекмедже⁶, в самом деле, недалеко от Св. Параскевы. И вот лишь затем Антоний пишет: «У Калиполя

¹ Можно предполагать, что Параскева считалась спасительницей князя Ярослава Мудрого, см.: *Минева Е.* Был ли Ярославом Мудрым *νιός τῷ ἄρχοντι Ῥωσίας* в Византийском пространном житии св. Параскевы Эпиватской (ВНГ³ 1420z) // *Byzantinoslavica*. 2016. Vol. 74. P. 175–189.

² *Külzer A.* Ostthrakien... S. 424–425.

³ *Külzer A.* Ostthrakien... S. 537; *Janin*. P. 373.

⁴ *Anrich G.* Hagios Nikolaos. Der heilige *Nikolaos* in der Griechischen Kirche. Bd. 1. Die Texte. Leipzig; Berlin, 1913. S. 415–416.

⁵ *Majeska G.* Russian Travellers... P. 149; *Külzer A.* Ostthrakien... S. 589.

⁶ *Janin*. P. 109–110; *Külzer A.* Ostthrakien... S. 270–273.

же лежит новый отец Еуфимий»¹. Имеется в виду Евфимий Мадитский (BHG 654), похороненный в Эджеабате, в 36 км от Каллиполя (совр. Галлиполи)². Появление этой информации в Книге Паломник вызвано тем, что Евфимий считался родным братом Параскевы Эпиватской³, о чем, видимо, Антонию поведали при посещении ее могилы, а он отложил обнародование этой информации вплоть до завершения реально осуществимого маршрута.

Пассаж, которым заканчивается собственно экскурсионная часть Книги Паломник, звучит так: «А во Хрусополии святый Василий новый лежит: той бо святый Василий о страшнем суде написал» (*Jouravel*, 409). Житие Василия Нового, на которое столь явным образом ссылается Антоний, повествует о погребении святого так: сначала почитатель Василия Константин Варвар собирался «отнести его останки на корабль и похоронить в своем имении, лежащем на востоке, напротив Царственного Города, где построена знаменитая церковь Богородицы, — положить его в этом божьем храме»⁴. Однако у него вышел конфликт с другим почитателем Василия, евнухом Иоанном, бывшим личным официантом императрицы: «Благочестивый Иоанн... воспрепятствовал господину Константину, говоря: «Разве уж нету могил в Царственном Городе? Здесь ведь покоятся мощи тысяч святых! А ты хочешь лишить нас нашего духовного отца? Итак, не делай того, что задумал! А если нет у тебя [подходящей] могилы, разреши мне, твоему слуге, и я сделаю все необходимое!»⁵ Константин уступил, и Иоанн

¹ Белоброва О. А. О «Книге Паломник»... С. 235.

² Külzer A. Ostthrakien... S. 501–503.

³ Великие Минеи Четыи. Октябрь. Дни 4–18. СПб., 1874. Стб. 1026.

⁴ The Life of St. Basil the Younger... P. 736–737; cp.: Ryden L. The “Life” of St. Basil the Younger and the Date of the “Life” of St. Andreas Salos // Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students (Harvard Ukrainian Studies. 1983. Vol. 7). P. 574.

⁵ Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе / Изд. Т. А. Пентковская, Л. И. Щеголева, С. А. Иванов. М., 2018. С. 740–741.

похоронил Василия в собственном монастыре Хартофилакса, на западном краю города, возле церкви Свв. Флора и Лавра; потом он переложил тело из деревянного гроба в мраморный саркофаг, вскоре постригся в том же монастыре (хотя тот и являлся женским), а через год сам был похоронен подле гроба Василия¹.

Однако, как мы читаем в Книге Паломник, к 1200 г. Василий покоился в Хрисополе, а из этого, по-видимому, следует, что, после смерти евнуха Иоанна, Константин Варвар все-таки осуществил свой первоначальный план, перезахоронив Василия в собственном монастыре. Маловероятно, чтобы информация о перезахоронении Василия содержалась в какой-либо неизвестной нам, но доступной в 1200 г. версии его Жития. Скорее всего, память об этом святом жила в устной традиции Константинополя². Значит, византийский гид Антония был в курсе агиографического фольклора и не уклонялся от обсуждения не вполне каноничных персонажей.

Удивительно не то, что Добрыня Ядрейкович в конце своего пребывания в Царыграде спросил экскурсвода о могиле Василия: Житие этого святого пользовалось на Руси огромной популярностью, и его память входит в несколько редакций Пролога XII в. Поразительно то, что местный гид точно знал, как ответить на такой вопрос.

Авторы X в. сообщают, что император Лев VI подарил отцу Константина Варвара имение в месте, называвшемся Носиа³. Этот топоним не поддается точной локализации, но ясно, что он находился где-то в Хрисополе⁴. Там при участии патриарха был основан монастырь; воспроизводя это известие своих источников, Иоанн Скилица в XI в. добав-

¹ The Life of St. Basil the Younger... P. 736–741.

² Ibid. P. 15.

³ Ryden L. The “Life” of St. Basil... P. 575–576.

⁴ Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Héllespont, Latros, Galesios, Trebizonde, Athenes, Thessalonique). Paris, 1975. P. 59.

ляет собственную информацию: обитель была посвящена Спасителю¹. Иоанн II Комнин в середине XII в. сделал этот монастырь владением своего главного детища — Пантократора. Значит, обитель, несмотря на свою удаленность, все это время оставалась так или иначе на виду. Возможно, она даже рекламировала себя как место захоронения скандального святого, отсутствовавшего в официальных синаксарях Константинопольской Церкви, но тем не менее популярного. Интересно отметить, что церковь Свв. Флора и Лавра, место первоначального упокоения Василия, входила во второй, по нашему счету, экскурсионный маршрут Книги Паломник, однако в рассказе про нее никаких упоминаний о Василии Новом нет. Это косвенное подтверждение гипотезы, что вопрос о нем задал именно Антоний, и именно в конце всего путешествия.

Таким образом, Книга Паломник представляет собой сложносоставное произведение, включающее собственно авторские заметки Антония, «стандартный» экскурсоводческий нарратив и перформативный результат общения туриста с его гидом².

¹ Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / Ed. J. Thurn. Berlin, 1973. P. 191.97.

² У меня не было возможности внести исправления, диктуемые монографией: Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod / Ed., Übers., Komm. von A. Jouravel (Imagines Medii Aevi; 47). Wiesbaden, 2019, опубликованной уже после того, как статья была сдана в печать.

Беатриче Даскас

«VENETIA HEBBE PRINCIPIO PER LA DESTRUITION DELLA GRANDE TROGIA». МИФ О ВЕНЕЦИИ КАК ALTERUM BYZANTIUM

На протяжении столетий столица Восточной Римской империи всегда была для Венеции точкой отсчета, пусть и двусмысленной. Оглядка на Византию, обусловленная экономическими и торговыми интересами Венеции, была вызвана в т. ч. чем-то вроде восхищения перед наследником и законным хранителем древних римских традиций и власти. Какими бы конфликтными, натянутыми и холодными ни были отношения между ними, весь церемониал, обряды, некоторая пышность художественного стиля в сочетании с красноречивыми формами презентации власти демонстрируют, насколько решающим был импульс из Константинополя, определивший гражданскую и культурную идентичность Венеции в ключевые моменты ее формирования в Средние века. Ученые неоднократно изучали эти отношения, раскрывая, с одной стороны, всевозможные аспекты венецианского византизма, а с другой, *rayonnement de Venise* в Леванте. Для реализации цели, поставленной в настоящей работе, я хотела бы остановиться на одном

аспекте, связанном с легендами о происхождении города, которые были разработаны в венецианской интеллигентской среде. Этот аспект, насколько мне известно, не привлекал внимания исследователей, несмотря на его важность в прояснении идеологической связи между Венецией и Константинополем или, если использовать известную виссарионовскую формулу, в символическом отождествлении Византии с *alterum Byzantium*¹.

Историческое происхождение Венеции и развитие гражданского самосознания

В феноменологии так называемого мифа о Венеции, том почти неисчерпаемом репертуаре легенд, которые сочинялись на протяжении веков венецианскими историографами и панегиристами с целью выдумать прошлое города, эпоха первоначального поселения занимает центральное место². Легенды, прослеживающие происхождение древних поселенцев венецианского архипелага, разрабатывались бок о бок со сказаниями, объясняющими, когда и почему эти поселенцы покинули материк, чтобы жить среди негостепримных болот лагуны. Одна из традиций в этих сказаниях

Работа выполнена в рамках проекта MYRICE при финансовой поддержке European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under the Marie Skłodowska-Curie G.A. no. 745869.

¹ В знаменитом послании 1468 г. венецианскому дожу Виссариону Никейский описал город как «почти второй Византий» (*quasi alterum Byzantium*). Это письмо, содержащее акт дарения библиотеки Виссариона Венеции, опубликовано в: *Labowsky L. Bessarion's library and the Biblioteca Marciana. Rome, 1979. P. 147–149.*

² Подробнее о мифе о Венеции см.: *Fasoli G. Nascita di un mito // Studi storici in onore di Gioacchino Volpe per il suo 80° compleanno (Biblioteca Storica Sansoni. Nuova ser.; 1). Firenze, 1958. P. 447–479; Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia // Bibliothèque d'Umanisme et Renaissance. Vol. 23. Genève, 1961. P. 58–75; Idem. L'idea di Venezia // Storia della cultura veneta / Ed. by G. Arnaldi, M. Pastore Stocchi. Vol. III/3. Vicenza, 1981. P. 565–641; Miur E. Civic ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981. P. 13–62.*

приписывает венецианцам галльское происхождение, в то время как другая линия горделиво настаивает на их происхождении от троянцев. Согласно последней традиции, горстка троянцев во главе с мудрым советником царя Приама Антенором нашла убежище в лагуне после разграбления и разрушения их города. Легенды о древнейшем происхождении Венеции — наряду с несколькими версиями мифа о христианизации Аквилеи и ее окрестностей апостолом Марком¹ — разрабатывались для идеологических и политических нужд Венеции на протяжении ее истории. В этой перспективе галльское происхождение венецианцев, сформулированное в гуманистической историографии, — мы находим его, например, в *Historiae rerum Venetiarum*, составленной Маркантонио Сабеллико около 1487 г., — могло указывать на близкие дипломатические связи между Венецией и Францией во времена брака Катерины Корнаро и короля Кипра Иакова II Лузиньяна (1468 г.)². Подобным же образом легенда о троянском происхождении города включает в себя на протяжении столетий те элементы, которые свидетельствуют, как город концептуализирует себя по отношению к внешнему миру. Впрочем, прежде чем приступить к анализу этой легенды, прежде чем понять, какое значения она имела для символического отождествления Венеции с *alterum Byzantium*, мы должны рассмотреть ее гражданское «самосознание». Как венецианцы размышляют о своем городе и как взаимодействуют с окружающим миром, как классифицируют его?

В своей презентации города венецианские хронисты сходятся в двух неизменных вещах. Во-первых, они подчеркивают его изначальную свободу и независимость. Эта

¹ Peyer H. C. Stadt und Stadtpatron im mittelalterlichen Italien (Wirtschaft, Gesellschaft, Staat: Zürcher Studien zur allgemeinen Geschichte; 13). Zurich, s.a. S. 8–24; Tramontin S. San Marco // Culto dei Santi a Venezia (Biblioteca agiografica veneziana; 2) / Ed. Idem, A. Niero, G. Musolino, C. Candiani. Venezia, 1965. P. 47–58, 70–73 (там же, см. библиографию).

² Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / Ed. I. Firenze. 1970. P. 318–319, 331.

искусственная конструкция, несомненно, неисторичная, многое говорит о менталитете и культурных механизмах, действующих в этой гражданской среде. Происхождение Венеции связано с историей позднеантичной Италии, когда город регулярно подвергался набегам германских племен, начиная с V в. и завершая низложением западного римского императора Ромула Августула в 476 г. Низложивший Ромула сам был свергнут и убит в 493 г. остготом Теодорихом, основавшим королевство в Италии. Италия была возвращена в орбиту империи в правление Юстиниана, в ходе готских войн, когда армия во главе с полководцем Нарсесом выступила из Константинополя, чтобы отвоевать полуостров. Нарсес медленно продвигался вверх по адриатическому побережью и, при поддержке прибрежных городов области *Venetia*, смог преодолеть сопротивление франков и готов и достигнуть Равенны в 552 г. К середине VI в. области *Venetia* и *Histria* вместе с остальной Италией (за исключением нескольких локальных точек сопротивления) вернулись под власть Константинополя и были вновь включены в его административную систему. Тем не менее, та безопасность, которой Италия пользовалась после византийского завоевания, была обречена на недолговечность: около 568 г. другое германское племя — лангобарды, которое примерно одновременно со смертью Теодориха (526 г.) поселилось к югу от Дуная, начало свой путь к Северной Италии. Под предводительством короля Альбоина лангобарды проникли туда через внутреннюю *Venetia* и захватили ряд городов: Аквилею, Верону, Милан, Павию, Падую. В такой ситуации многие жители материка искали убежище на островах венецианской лагуны, превратив район, ранее населенный бродячими рыболовами и соледобытчиками, в постоянное поселение. Эти общины, изолированные от внутренней *Venetia*, превратились в организованную структуру герцогства (*ducato*), которое стало частью византийского Равеннского экзархата с мо-

мента его создания в 584 г.¹ Таким образом, историческое происхождение Венеции мы должны рассматривать на фоне суверенитета Восточной империи и лояльности по отношению к Византии. Только после крушения экзархата в 751 г. город смог постепенно утвердиться в качестве автономного политического образования и претендовать на то, что его основал апостол Марк². Вплоть до конца X в. длился неспокойный период., когда *civitas Venetiarum* служила яблоком раздора между светскими и духовными властями: франками, византийцами, Святым Престолом. Постепенно она превращается, наконец, в активного игрока на европейской и средиземноморской арене, а это влечет за собой укрепление гражданского самосознания, основанного на ключевых культурных ценностях свободы и независимости.

Вторая особенность города, которую подчеркивают венецианские хроники, — его универсалистские устремления. В определенной мере это достоинство имплицитно присутствует в похвале венецианскому дальнему мореходству и торговле, которую мы находим в самых древних источниках, например, в письме VI в., адресованном Кассиодо-

¹ Подробнее об истории Венеции см.: *Cessi R. Venezia ducale, I. Le origini*. Padova, 1928. Р. 24–25, 30–31, 235–237; *Pertusi A. L'impero bizantino e l'evolvere dei suoi interessi nell'alto Adriatico // Saggi veneto-bizantini (Civiltà veneziana. Saggi; 37) / Ed. G. Battista Parente*. Firenze, 1990. Р. 33–65.

² Предание о том, что апостол Марк был отправлен апостолом Петром для проповеди в Аквилею, возможно, было известно с начала VII в., когда император Ираклий послал патриарху города так называемую *cathedra* святого Марка, признав, таким образом, апостольское достоинство за его престолом. Эта легенда появляется в источниках приблизительно в середине VIII в. (например, в *Libellus de ordine episcoporum Metensium* Павла Диакона: *Libellus de ordine episcoporum Metensium / Ed. G. H. Pertz (MGH. SS; 2)*. Hannover, 1829. Р. 260–270). Перенесение тела апостола Марка из Александрии в Венецию в правление дожа Джустиниано Партичиако (828/9 г.) имело решающее политическое и гражданское значение, так как создало неразрывную связь святого с городом. Подробнее см.: *Peyer H. C. Stadt und Stadtpatron... S. 8; Fasoli G. Nascita di un mito... P. 451–452*.

ром морским трибуналам (*tribuni maritimerum*) лагуны¹. Но только с XIII в. универсалистские устремления города достигают своего пика — с так называемым *Stato da mar*, колониальными владениями, созданными в Восточном Средиземноморье после Четвертого крестового похода (1204 г.). Возвышение Венеции к талассократии шло постепенно. Мощь города достигла поворотного момента во второй половине XI в., когда император Алексей I Комнин, испытывавший нужду в ресурсах и военных силах, прибегнул к помощи Венеции для борьбы с агрессией норманнов на далматинском побережье Далмации (в Диrrахии). Наградой для венецианцев стали такие обширные и роскошные привилегии, как право беспошлинной торговли своими товарами на всей территории империи и создание постоянной венецианской колонии в районе Перамы на Золотом Роге². Резко расширив их торговые привилегии, хрисовул Алексея I (1082 г.)³ способствовал укреплению венецианской торговой монополии в Леванте, в дальнейшем только усилившейся за счет доступа к новым рынкам и портам, полученного благодаря участию города в крестовых походах. Несмотря на многочисленные перипетии, имевшие место в правление преемников Алексея, Иоанна II и Мануила I, Венеция смогла укрепить свою морскую торговлю, вплоть до

¹ Data pridem iussione censuimus ut Histria vini, olei vel tritici species, quarum praesenti anno copia indulta perficitur, ad Ravennatem feliciter dirigeret mansionem. Sed vos, qui numerosa navigia in eius confinio possidetis, pari devotionis gratia providete, ut quod illa parata est tradere, vos studeatis sub celeritate portare. Similis erit quippe utrisque gratia perfectionis, quando unum ex his dissociatum impleri non permittit effectum. Estote ergo promptissimi ad vicina, qui saepe spatia transmittitis infinita... (*Magnus Aurelius Cassiodorus. Variarum Libri XII* / Ed. A. J. Fridh (Corpus Christianorum. Series Latina; 96). Turnholti, 1973. P. 491.1–10).

² Nicol D. M. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988. P. 56–61.

³ Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehungen auf Byzanz und die Levante (Fontes Rerum Austriacarum. Diplomataria et acta; XII) / Hrsg. von G. L. Tafel, G. M. Thomas. Bd. I. Wien, 1856. S. 50–54. Nr. XXIII.

Четвертого крестового похода, когда захват Константино-поля франко-венецианской экспедицией и передел византийских территорий между ее участниками окончательно утвердил венецианское господство в Восточном Средиземноморье. В соответствии с так называемой *Partitio imperii Romaniae* и рядом последующих соглашений, Венеция получала стратегический контроль над рядом островов и портов, протянувшихся от Ионического моря через Эгейское до Проливов, и *de facto* превратилась в βασιλεύουσα τῶν πελαγέων¹. Такая историческая перспектива отвергает прежнюю парадигму подчинения или просто существования, которая определяла отношения между городом и Византией, по крайней мере, до царствования Алексия I. Венецианские хроники реагируют на этот сдвиг тем, что смотрят на исторические события сквозь искажающую призму современности.

Легенды о происхождении Венеции. Троя, Византия, Венеция

Как ценности независимости, так и универсалистские устремления переносятся в легенды о происхождении Венеции в соответствии с риторическими стратегиями, которые отвечают ее политическим и идеологическим ориентирам. «Миф о Венеции» — та влиятельная репрезентация города, которую хроники вырабатывали столетиями, — маскирует потребность в культурных стандартах и моделях самоидентификации, которые, в свою очередь, отражали бы меняющиеся во времени устремления Венеции. В этом отношении особо примечательно сравнение Венеции с такими выдающимися городами, как Троя, Рим, Иерусалим, Афины, Спарта, — с целью поднять престиж родословной города и встроить его славный путь в прови-

¹ Nicol D. M. Byzantium and Venice... P. 148–165.

денциальный план истории. В этом контексте находится место и для Византии. Византия играет самостоятельную — пускай и малозаметную — роль в образовании венецианской мифологии, по крайней мере, с XIII в. Ее там появление — предсказуемая реакция на события Четвертого крестового похода. С тех пор столица Византийской империи стала очевидной моделью для самоидентификации Венеции, и это соответствие было в дальнейшем подкреплено и юридическим определением, поскольку дож претендовал на титул *dominus quarte partis et dimidie totius imperii Romanie* («господин четверти с половиной всей Римской империи»)¹. Мы ещё можем обнаружить влияние этой идеологической модели спустя более чем три столетия после событий крестового похода, в заметке историка Серениссимы Фортунато Олмо²:

Era dunque il Doge Imperatore romano, per ciò che dopo che da Costantino fu trasferito l'imperio da Roma vecchia a Costantinopoli, fu da lui istesso questa città detta con altro nome Roma nuova [...]. (E)ssendosi assegnata la sola quarta parte all'Imperatore, e al Doge una e mezza, era dunque più imperatore il Doge di Venezia che l'Imperatore Balduino istesso [...].

«Таким образом, дож был римским императором, ибо после Константина императорская власть была перенесена из древнего Рима в Константинополь, и им же этот город был назван Новым Римом. Поскольку только одна четверть была назначена императору, а полторы — дожу, то дож Венеции был больше императором, чем сам император Балдуин [...].»

¹ См. ниже.

² Archivio di Stato di Venezia. Miscellanea di carte non appartenenti a nessun archivio. b. 9, 12 (изд.: Carile A. La Partitio terrarum Imperii Romanie del 1204 nella tradizione storica dei veneziani // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. N.s. 1965/1966. Vol. 2–3. P. 177).

По иронии судьбы город, изначально включённый в имперскую орбиту, требовал для себя суверенитета над *βασιλεύουσα τῶν πόλεων*.

Результаты крестового похода повлияли не только на венецианскую историографию, но и на мифотворчество, особенно на легенды о происхождении города. Все эти легенды приводятся в исторических хрониках в качестве пролога к рассказу о событиях венецианской истории. С самого своего начала хроники отражали высокую степень идеологизации; иными словами, они демонстрировали свойства государственной историографии: им свойственно безусловное восхваление городских институций, и они стремятся легитимировать владычество на море¹. Рассказ о происхождении Венеции имеет целью поддержку городских идеалов и насущных интересов. Таков случай *Chronicon Venetum* XI в., приписываемого Иоанну Диакону, где повествование, даже без каких-то мифологических прикрас, отражает претензии города на изначальную независимость, начиная еще с первых поселений; пользуясь легендой об апостоле Марке и манипулируя немногочисленными историческими эпизодами, хроника заявляет претензию на независимость церковной юрисдикции Венеции от ее соперницы Аквилеи². В этой ранней хронике связи Венеции с Византией неуловимы, но это справедливо и для ее отношений с франками, о которых умалчивается, поскольку фокус внимания сосредоточен на венецианских делах³.

Концепция возникновения города претерпела коренные изменения в так называемом *Chronicon Altinate* или

¹ См.: Carile A. Aspetti della cronachistica veneziana nei secoli XIII e XIV // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / Ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 81.

² См.: Carile A., Fedalto G. Le origini di Venezia (Il mondo medievale. Studi di storia e storiografia. Sezione di storia bizantina e slava; 1). Bologna, 1978. P. 55–57.

³ Fasoli G. I fondamenti della storiografia veneziana // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / Ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 22–25.

Chonicon Gradense, неоднородном историческом труде, дошедшем до нас в трех разных редакциях, датируемых между 1081 и 1204 гг.¹ Эта хроника первой приписывает Венеции троянское происхождение. Она представляет собой хороший пример того, как рассказ о возникновении города может быть адаптирован к насущным интересам и целям. В разделе, который относится, согласно издателю, ко второй редакции текста, датируемой приблизительно между 1145 и 1180 гг.², легенда начинается с описания *Venetia prima*, заселенной беженцами из Трои, бежавшими со своей разрушенной родины к берегам Италии. В то время как Эней плывет в Южную Италию, Антенор направляется к высокому берегу Адриатики, входя сначала в лагуну, а затем основывая на материке город Аквилею³:

Eneas cum quatuordecim galeis triremis Troia profugus in Italiam properans, austro surgente, maris fluctus immurguntur et ab imo gurgitis lapsi ad superiora levantur. Galee dividuntur et socii separantur; filius a patre, frater a fratre sequestrantur. Eneas cum quatuordecim galeis insulam cervorum applicuit: Anthenor autem in litore lacum intravit cum septem galeis, ibique civitatem Aquilegia nomine, idest aquis ligata, edificavit.

Сделав акцент на одновременности миграции Энея и Антенора, повествование продолжается рассказом об основании *Venetia maritima* или *secunda* потомками троянцев, которые искали в лагуне укрытия от вторжения Аттилы. В данном контексте происхождение Венеции разрабатывалось в ключе утверждения политической независимости

¹ Изд.: *Cessi R. Origo civitatum Italiae seu Venetiarum (Chronicon Altinate et Chronicon Gradense)*. Roma, 1933.

² Ibid. P. XXVI.

³ Ibid. P. 7.32–33.

города от любых внешних властей¹. Претензия на независимость обосновывает, почему Византии следует одарить Венецию морскими привилегиями: чтобы получать от нее военную поддержку в случае конфликтов². Хроника перекраивает историческую реальность — дарование привилегий Алексеем Комнином за верность венецианцев в борьбе с норманнами, — чтобы интерпретировать прошлое города в соответствии с идеалами венецианской независимости.

К середине XIII в. уже полностью была соткана ткань нарратива о возникновении Венеции. Здесь преобладают следующие темы: переселение и поселение троянских беженцев в *Venetiae*, проповедь ап. Марка в Венеции и вторжение царя гуннов Аттилы. Каждый сюжет развивался так, чтобы сконструировать, соответственно, древнюю историю города, легитимировать местные церковные привилегии и обосновать его «удвоение», произошедшее с основанием *Venetia secunda* в лагуне³. Начиная со следующего столетия, число венецианских хроник заметно возрастает. Историография этого периода отражает невероятное преображение Венеции после укрепления ее морского лидерства в Восточном Средиземноморье. Легенды о происхождении города пересматриваются в соответствии с новыми гегемонистскими устремлениями. Византия, по понятным причинам замаскированная, включена в рамки гражданской мифологии Венеции. Ряд связанных между собой анонимных компиляций, косвенно восходящих к общему протографу XIII в., особенно красноречиво демонстриру-

¹ Ниже приведены красноречивые слова венецианцев, адресованные имперскому эмиссару, посланному в лагуну расследовать дурное правление Нарсеса в Италии: Secunda Venetia, que nos orta in paludibus aque habemus, quia mirabili est habitacio videre, quod nullus in mundo nisi per navigium, cuius est potestas, nulla ob eorum sumus nos dubitaturi, nec apprehensi, nec possessuri non ab imperatore, non a regibus, nec nullis mondialibus principibus (*Cessi R. Origo civitatum...* P. 80.3–12).

² *Ibid.* P. 80.22–26.

³ *Carile A., Fedalto G. Originis...* P. 65.

ют непосредственное влияние определенных исторических событий на воссоздание прошлого города. Рассматриваемые тексты принадлежат к группе хроник середины XIV в., обозначенных соответственно как *A Latina*, анонимная компиляция о событиях от основания Венеции до 1342 г., и *A volgare*, переработанный перевод на народный язык текста, близкого к предыдущему, продолженный до 1361 г.¹ Эти тексты содержат описание разделения провинций империи между участниками Четвертого Крестового похода в 1204 г. В пылких патриотических тонах они оправдывают предприятия, которые привели Венецию к невиданному ра-неепроцветанию². Вот рассказ о мифическом происхождении Венеции:

<i>A latina</i> (<i>Carile A. Cronachistica</i> , P. 225.1–6)	<i>A volgare</i> (<i>Ibid. P. 235.23–27</i>)
<p>Predecessorum nostrorum auctoritate testante eisdem ante constitutionem urbis Venetiarum presentis, altera Venetia fuit de qua stilo historiographo memoriam facit antiquitas, et ab Antenore, subversionis Troie temporibus, primordium describitur assumpsisse.</p> <p><u>Troie autem captivitate III^M CC VI (4206) annis a creatione mundi decursis, auctores veteres fuisse componunt.</u></p>	<p>Secondo che dise e nara li nostri maçori antigi el fo do Veniexie: la prima si fo quella dela qual se raxona in le antiche istorie, la qual so principio fo de Antenor e questo fo <u>in lo tempo dela destrucción dela grande Troia, la qual destrucción fo in III^M CCVI*</u> <u>dela creacion del mundo</u> infina quel tempo.</p>
	<p>* III^M CCVI] M^o ii^c VI dalo començamento: Cod. Marc. It. VII, 2051 (= Z 8271)</p>

¹ *A latina* (ок. 1344 г.): *Carile A. La Cronachistica Veneziana* (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204. Firenze, 1969. P. 6–7; *A volgare* (ок. 1350 г.): *Ibid. P. 7–15.*

² *Ibid. P. 184.*

Два параллельных текста, один из которых — перевод другого на народный язык, различают две *Venetiae*, одна из которых основана Антенором во времена разрушения великой Трои. В данной парадигме самой показательной деталью выглядит дата, установленная для основания города, — 4206 год от сотворения мира. Эта времененная привязка создана, чтобы сохранить память о предполагаемой древней хронологии мира, чтобы обеспечить место Венеции во всеобщей истории. Впрочем, выбранная дата свидетельствует о чем-то большем, нежели простая отсылка к сотворению мира. *Lapsus calami*, содержащийся в одной из древнейших копий версии на народном языке (*A volgare*), — Cod. Marc. It. VII, 205¹ — дает нам ключ к пониманию действительного значения этой даты. В этом списке отправная точка венецианской истории — 1206 г.: в этом году дож Пьетро Дзиани (1205–1229) впервые в официальных документах добавил к своему титулу слова *dominus quarte partis et dimidie totius imperii Romanie*, обозначая так новую эру в отношениях города с Византией². Город теперь властвует над территориями бывшей Византийской империи, и рассказ о его прошлом меняется путем включения этого нового обстоятельства в легенду о его основании. Временная привязка играет, очевидно, значительную роль в пересмотре нарратива об основании Венеции троянцами: здесь Троя становится метафорической фигурой, отсылающей к Константинополю и его разрушению во время Четвертого Крестового похода. Таким образом, троянское наследие добавляет в венецианскую кровь не только благородство воинов-аристократов, нашедших убежище в лагуне после потери своего города, но и имперские прерогативы наследников βασιλεύουσα τῶν πόλεων. В традиции этой группы хроник троянская теория идеологически нагружена

¹ Carile A. La Cronachistica... P. 235.

² Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig... S. 4.

специфическим политическим значением. Еще раз рассказ о происхождении Венеции адаптируется к переменам в политических притязаниях города, в данном случае, применительно к Византии.

На протяжении столетий взгляд Венеции на свое происхождение заключался во включении значимых моментов ее прошлого в легендарные нарративы. В течение XIV в. саморепрезентация Венеции включает в себя новые гегемонистские амбиции города в качестве морской державы Восточного Средиземноморья. Соответственно, перестраивается и мифологический нарратив, и Константинополь, естественная референтная модель для города после 1204 г., встроен в мифологический план, но скрыт путем искусственных риторических ухищрений. Хотя венецианская самоидентификация с Византией обычно считается изобретением Кватроченто, когда город мог претендовать на прямое наследование политическому и культурному величию Восточной Римской империи после ее исчезновения в 1453 г¹., венецианские хроники ясно демонстрируют зачатки этой традиции на полстолетия раньше, как последствие событий Четвертого Крестового похода. Итак, мы можем отметить эту точку как критически важную для первичного осознания венецианской коммуной себя как *alterum Byzantium*.

¹ Подробнее см.: Tafuri M. La “Nuova Costantinopoli”. La rappresentazione della “renovatio” nella Venezia dell’Umanesimo (1450–1509) // Rassegna. 1982. Vol. 9. P. 25–38.

Дмитрий Черноглазов

ПИСЬМОВНИКИ И СОБРАНИЯ ОБРАЗЦОВЫХ ПИСЕМ: ЭПИСТОЛЯРНАЯ ТЕОРИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛОГОВ

Искусство писать письма высоко ценилось и культивировалось на протяжении всей Византийской эры. Письма были не только средством передачи информации, но и литературным жанром, одной из отраслей риторики. Изящные «эпистолы», составленные по всем правилам красноречия, позволяли византийским интеллектуалам, разбросанным по разным концам империи, поддерживать дружеские связи, давали им «криле, яко голубине», чтобы мысленно перенестись друг к другу, ощутить «иллюзию» взаимного «присутствия» и как будто вступить в беседу. Письма были подлинным мостом между столицей и провинциями, между «Византием» и «Византией». Однако не только дружеское литературное послание, относившееся к сфере *hochsprachliche Literatur*, но и деловое письмо, «питтакий», требовалось писать правильно, грамотно и красиво — в соответствии с нормами эпистолярного этикета. Этикетные нормы письма — будь то личного или официального — были разработаны до мелочей, и овладение этими нормами требовало, бесспорно, серьезной подготовки.

Как византийцы учились искусству написания писем? В Западной Европе эпистолярная теория была предметом отдельной дисциплины, *ars dictaminis*, сформировавшейся уже к XII в. *Ars dictaminis* изучалась в школе, по ней составлялись обширные и многочисленные теоретические трактаты и учебники¹. Можно ли обнаружить аналогичное явление и в Византии? Изучалось ли эпистолярное мастерство в школе? Существовали ли практические пособия, в которых можно было найти образцы изящных писем или готовые шаблоны? Все эти вопросы почти не затрагивались в науке, хотя рукописный материал и даже опубликованные тексты уже позволяют сделать ряд важных выводов.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать пособия по эпистолярному искусству, известные византийцам эпохи Палеологов. Таким образом, речь пойдет не только о текстах, написанных в этот период, но и о более древних письмовниках, которые активно использовались в XIII–XV вв. Поздневизантийская эпоха была выбрана потому, что для нее мы располагаем гораздо более обширным рукописным материалом, чем для предшествующих столетий, между тем как именно данные рукописей позволяют нам проследить, как учебные тексты функционировали, как они «жили» и развивались.

Как нам представляется, эпистолярная теория в поздневизантийскую эпоху включает три класса текстов, достаточно четко отделенных один от другого:

1. Письмовники, восходящие к позднеантичной традиции;
2. Собрания подлинных и фиктивных писем, распределенных по эпистолярным типам;
3. Собрания писем и формуляров, распределенных по социальному положению адресатов.

¹ Об *ars dictaminis* см.: *Murphy J. J. Rhetoric in the Middle Ages: a history of rhetorical theory from Saint Augustine to the Renaissance*. Berkeley, 1981; *Hartmann F. Ars dictaminis. Briefsteller und verbale Kommunikation in den italienischen Stadtkommunen des 11. bis 13. Jahrhunderts*. Ostfildern, 2013.

Тексты, относящиеся к каждому из этих классов, будут рассмотрены с точки зрения их содержания, структуры и функций. Получившаяся картина, конечно же, не будет полной — исчерпывающее исследование всех эпистолярных собраний, сохранившихся в рукописях поздне- и поствизантийской эпохи, остается делом будущего — но поможет составить общее представление об изучаемом явлении и создать основу для будущей классификации византийских письмовников.

Письмовники, восходящие к античной традиции

Византийцам палеологовской эпохи были известны два позднеантичных трактата по эпистолярному искусству — это «Типы писем» Псевдо-Деметрия (далее сокр. — PD)¹ и «Стили писем» Псевдо-Либания / Псевдо-Прокла (далее сокр. — PL1)². Особенное распространение получил PL1: его многократно копировали и комментировали, на его основе создавали новые пособия. Нам известны четыре таких трактата, которые мы условно назвали PL2, PL3, PL4. PL2³ сформировался не позже XI в. и функционировал преимущественно как дополнение к PL1; PL3⁴, или

¹ Изд.: *Demetrii et Libanii qui feruntur Tύποι ἐπιστολικοί ει Ἐπιστολιμαῖοι χαρακτῆρες* / Ed. V. Weichert. Lipsiae, 1910. P. 1–12. Лит.: *Koskenniemmi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.*, Helsinki, 1956; *Malherbe A. J. Ancient Epistolary Theorists*. Atlanta, 1988.

² Изд.: *Demetrii et Libanii...* P. 13–34; *Libanii Opera omnia* / Ed. R. Forster, E. Richtsteig. Vol. IX. Leipzig, 1927. P. 27–47.

³ Изд.: *Demetrii et Libanii...* P. 37–66. См.: *Chernoglazov D. A. Die byzantinische Fassung des spätantiken Briefstellers: Überlieferung und Textgeschichte* // *Philologia Classica*. 2017. Vol. 12/2. P. 188–205.

⁴ Неполное изд.: Ἐπιστολάριον ἐκ διαφόρων ἐφανισθέν καὶ τυπωθὲν πατριαρχεύοντος τοῦ Παναγιωτάτου καὶ Θειωτάτου Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου κυρίου Καλλινίκου, προσφωνηθὲν δὲ τοῖς τῶν Ἑλλήνων φιλομαθέσι νέοις, ἥδη πρῶτον ἐκδίδοται. Κωνσταντινούπολις, 1804. Σ. 49–71. Критическое изда-

«Сорок типов писем», был составлен в XII — начале XIV в. и активно использовался вплоть до XVIII в., как в оригинальной форме, так и в метафразах и новогреческих переводах; PL4¹ был написан, вероятно, в поздневизантийскую эпоху (не раньше XV в.) и использовался как учебник для средней школы.

Позднеантичные трактаты PD и PL1 неплохо изучены, изданы и переведены на многие языки²; византийские пособия на основе PL1 исследованы намного хуже, а некоторые даже вовсе не опубликованы, но и они описывались нами в специальных, посвященных им работах³, и потому в настоящей статье мы не будем характеризовать каждый из этих текстов по отдельности, а сконцентрируемся на общих чертах всех письмовников, известных византийцам XIII—XV вв., как особого жанра педагогической и риторико-теоретической литературы. Целесообразно охарактеризовать эти тексты в нескольких основных аспектах.

Структура трактатов

Оба позднеантичных трактата включают три основных компонента — теоретическое введение, определения типов писем и примеры, обычно по одному образцу на каждый

ние готовится автором настоящей статьи. См. также: Черноглазов Д. А. Как написать прошение к вельможе? Византийский учебник по *ars epistolandi* и его практическая значимость // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Вып. 22. С. 1329–1342.

¹ Трактат не издан, критическое издание готовится автором настоящей статьи. См.: Черноглазов Д. А. Античная эпистолярная теория в Византии: замечания о неизданном греческом учебнике из Cod. Vat. gr. 1405 // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Вып. 21. С. 838–849.

² Рус. пер. (отрывки): Миллер Т. А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография. Очерки / Под ред. М. Е. Грабарь-Пасек. М., 1967. С. 5–25; англ. пер.: Malherbe A. J. Ancient Epistolary Theorists...; франц. пер.: Les traités épistolaires du Pseudo-Libanios et du Pseudo-Démétrios de Phalère / Introd., trad. et comm. par P.-L. Malosse. Paris, 2004.

³ См. выше, прим. 4–6.

тип. При этом определения и примеры вступают в различные комбинации: в одних случаях определения собраны вместе (PL1 в версии «Либания»), а в других — рассредоточены и «прикреплены» к соответствующим образцам (PD, PL1 в версии «Прокла»). В византийских трактатах последний компонент нередко превалирует: теоретические разделы опускаются, а примеры, наоборот, увеличиваются в объеме — так происходит в некоторых версиях PL2 и PL3 — и теоретический трактат перерождается в сборник образцовых писем, относящихся к различным эпистолярным типам.

Принцип классификации писем

PD выделяет 21 тип писем, в PL1 число разновидностей возрастает до 41, а в некоторых рукописях этого трактата прибавляется еще 17. В PL2 один из типов, «наставительное письмо», делится на две разновидности, и сверх того прибавляются еще 6. В PL3 из 41 типа исключаются 2 («ироническое» и «самоуничижительное»), а взамен прибавляется 1 («совещательное»), так что PL3 получает закономерное название «Сорок типов писем». Те же сорок типов включает и PL4. В Приложении дается перечень эпистолярных типов в PD, в PL1 и список дополнительных типов в рукописях PL1 (PL1 codd) и в PL2.

И в PD, и в PL1, и во всех византийских письмовниках используется один и тот же принцип классификации — исходя исключительно из содержания и цели письма. Во всем перечне типов можно найти лишь одно отступление от этого правила: PL2 выделяет письмо «приветственное другу» и «приветственное иерею», т. е. основанием для различия служит не содержание письма, а личность и социальное положение адресата.

Умножение эпистолярных типов приводит к тому, что некоторые разновидности слабо различаются между собой.

Как, к примеру, провести грань между «наставительным» и «нравоучительным», «утешительным» и «сострадательным», «укоризненным», «упрекающим» и «порицающим»? Между тем, определения, как правило, крайне лаконичны, и дифференциация близких по значению типов в них никак не производится. Тенденция к разрешению этой проблемы заметна лишь в PL4, где определения немного расширяются, в частности, за счет разграничения смежных типов, например:

«Посредством утешительного письма мы утешаем кого-либо по случаю приключившихся с ним бед; от сострадательного же оно отличается тем, что то лишь сострадает и сопереживает, утешительное же побуждает прийти в себя и перестать скорбеть, а страдание выражает лишь немногими словами, или не упоминает вовсе».

Кроме того, обширный перечень разновидностей, достигающий в некоторых версиях PL1 68 наименований, лишен какой-либо внутренней системы или иерархии. Очередность типов, по всей видимости, случайна — типы, явно близкие тематически (например, выражющие одобрение или порицающие адресата), не собраны вместе, а как будто «перетасованы» и расположены в совершенно случайном порядке¹. В разных версиях письмовников этот порядок различается, и от его изменения целое не терпит никакого ущерба. На протяжении всей византийской эры упорядочить перечень эпистолярных типов никто не попытался — в греческой эпистолярной теории этот шаг делается лишь в XVII в., в анонимном «Синопсисе эпистолярного стиля»², в «Изложении эпистолярных типов» Феофила Коридалев-

¹ См. список в Приложении. Относительную упорядоченность в очередности образцов можно отметить лишь в PD: «ответное» письмо следует за «вопрошающим // а «оправдательное» — за «обвинительным». В PL1 и позднейших трактатах порядок вовсе отсутствует.

² Изд. и иссл. см. в: *Καρπόζηλος Μ. Ανιχνεύοντας τὸ πρότυτο καὶ καταγράφοντας τὴν τύχην τοῦ Ἐπιστολαρίου τοῦ Κορυβαλέᾳ // Μεσαιωνικά και Νέα Ελληνικά*. 2006. Т. 8. Σ. 125–149.

са¹ и в «Кратком пособии о том, как сочинять письма» Андреаса Пердзивалиса²: под влиянием западноевропейской традиции эпистолярные типы делятся на три группы, в соответствии с тремя родами риторики — судебным, совещательным и эпидейктическим.

Итак, с V по XVII в. система классификации эпистолярных типов никак принципиально не менялась: в PL3, написанном в поздневизантийскую эпоху, мы находим почти все те же типы писем, что и в PL1, написанном на 800 лет раньше. Основной задачей новых письмовников, создававшихся в Византии на основе PL1, было не совершенствование системы, а сочинение новых образцов, соответствующих эпистолярным нормам.

Происхождение и содержание образцов

Образцы PD и PL1 были предельно кратки и лишены риторических украшений, и составители византийских письмовников заменили их другими, более пространными примерами. Однако эти новые образцы практически никогда не заимствовались из подлинной переписки, а создавались путем расширения, риторической амплификации образцов PL1 и других письмовников. Образцы PL2 в большинстве своем восходят к образцам PL1, а пространные письма PL3 составлены на основе уже двух предшествующих текстов — PL1 и PL2, иногда в сочетании с PD. В результате, от одного трактата к другому объем образцов увеличивается, но общая идея не меняется, так как расширение происходит путем развития мотивов, заложенных уже в позднеантичном прототипе. В качестве примера такого развития можно привести три образца одного и того же типа, «угрожающего письма», в PD, PL1 и PL3.

¹ Karpozilou M. The Epistolarion of Theophilos Korydaleus // Ελληνικά. 1999. Т. 49. Σ. 289–303.

² Cantarella R. P. Andrea Perzivale S. J. (Sitia Creta 1599–Palermo 1669). Contributo alla storia degli studii Greci in Italia nel s. XVII // Μύσων. 1932. Vol. 1. P. 89–128.

PD, ер. 8

«Если ты предполагаешь, что не понесешь никакого наказания за содеянное — действуй! Будь уверен, что тебе не удастся протянуть время, даже если ты взлетишь [на небеса] или погрузишься [на дно морское]. Ибо ты не найдешь путь, которым ты смог бы избежать того, что тебе должно претерпеть».

PL1, ер. 9¹

«Помолись от всей души и изо всех сил, чтобы я не прибыл. Ибо если я прибуду, ты испытаешь множество бед, о которых никогда даже не подозревал».

PL3, ер. 8²

«Людям, нераскаянно погрешающим, не скрыться от Бога, как мы веруем, даже если они «взойдут» на «небо» или, наоборот, «сойдут в преисподнюю»³ и погрузятся в морские пучины. Таково пусть будет первое вступление к письму, изобличающее твое злодейство. А еще, как мы знаем из Евангелия, «нет ничего тайного», что не выйдет на свет и «не сделается явным»⁴. Стало быть, те многие ужасные вещи, которые ты злонравно замышлял против меня с давних пор и доныне, не были скрыты от Бога и не смогут быть скрыты от Него и впредь; но, будь уверен, в конце концов они не укрылись и от нас: ты изобличен в своих хитротумных махинациях, открылось то, что ты несправедливо против нас замышлял, и то, что ты «говорил на ухо», будет «проводзгашено на кровлях» и «услышиится на площадях»⁵. Итак, знай же, что ты не ускользнешь из моих рук и не останешься безнаказанным, даже если, как говорит Гомер,

¹ Здесь и далее ссылки на PL1 даются по изд.: Demetrii et Libanii...

² Нумерация и перевод дается по будущему критическому изданию. Ср.: Επιστολάριον ἐκ διαφόρων... Ер. 7.

³ Ср. Пс. 138, 8–10.

⁴ Ср. Лк. 8, 17.

⁵ Ср. Лк. 12, 3.

«покроешься шлемом Аида»¹: я приду и заставлю тебя испытать множество бед, о каких ты даже не подозревал, ибо страдаешь помешательством. Ведь лишь слабому рассудку присуще полагать, что, дурно и коварно поступая с близкими, можно избежать справедливого возмездия».

Итак, образец PL3 заметно превосходит по объему примеры PD и PL1, вместе взятые, но не содержит ничего принципиально нового по сравнению с позднеантичными образцами — никаких новых мотивов или, тем более, конкретных деталей (именно поэтому византийские письмовники так трудно датировать!). Он составлен путем контаминации и разработки мотивов, почерпнутых из этих источников. Сходными методами созданы почти все образцы PL2 и PL3. Составитель PL4 поступает иначе — образцы этого трактата не обнаруживают ничего общего с PL1, но и они предельно абстрактны и навряд ли восходят к чьей-то реальной переписке. Большинство кратких образцов PL4 имеют ярко выраженный дидактический характер и явно обращены от учителя к ученику, что свидетельствует об использовании сборника в качестве школьного учебника. Приведем пример «обвинительного письма»:

«Кажется мне, неразумный, что ты не из хороших детей, а из самых тупоумных: ибо тебе не следовало проявлять праздное любопытство и пытаться исследовать то, что превыше твоих сил. Итак, впредь не веди себя так и не вмешивайся в эти дела, или лучше тебе и вовсе сгинуть!»

Помимо фиктивности и отсутствия каких-либо конкретных деталей, надо отметить еще одну общую черту образцов всех письмовников данной группы: в них, за редким исключением, отсутствуют сложные формулы обращения, разработанные в византийской эпистолографии. Это не следует считать их недостатком — во-первых, почти все образцы пись-

¹ Ср. Илиада 5.845.

мовников относятся к сфере личной, дружеской переписки, где строгость соблюдения этих формул, очевидно, не так существенна; а во-вторых, письмовники обучают составлению содержательной части письма, не затрагивая формальные аспекты (как запечатать, что надписать, как подписать и т. д.). Для этой цели, как мы увидим, существовали другие пособия, которые можно было комбинировать с PL1 или PL3.

Функции письмовников

Назначение византийских письмовников могло быть весьма разнообразным. PL2 и PL3, образцы в которых достаточно пространны и по умеренно риторическому стилю вполне соответствуют нормам византийского эпистолярного этикета, могли служить практическими руководствами по составлению реальных писем. В этом качестве письмовники, вероятно, имели хождение не только в кругах столичных интеллектуалов, но и в провинции. Во-первых, об этом свидетельствует широкое распространение этих пособий в рукописях XIII–XV в.; во-вторых, образцы, как уже отмечалось, написаны достаточно простым слогом, доступным не только высокообразованным читателям; наконец, в-третьих, следы использования образцов PL3 можно заметить в письмовнике, содержащемся в рукописи Vat. Palat. gr. 367 и составленном на Кипре – на далекой периферии византийского мира¹.

Еще одна важная функция, которая объединяет уже все редакции PL – это их использование в качестве школьных учебников, причем не только по эпистолярному искусству². На такое употребление указывает конвой, в котором письмовники появляются в рукописях, и схолии, сопровождающие их тексты.

¹ Об этом сборнике см. ниже, с. 000

² О византийских письмовниках как школьных учебниках см.: Chernoglazov D. A. Ancient Epistolary Theory in the Byzantine School: Pseudo-Libanios» Manual and its Later Versions // Philologia Classica. 2018. Vol. 13/2. P. 265–275.

Остановимся на примере PL3. Почти во всех рукописях текст сборника сопровождается комментариями, с помощью которых в каждом из сорока посланий выделяются различные приемы риторической аргументации — шесть видов «эпихейрем» и «разработок» (έργασίαι), а также «энтимемы» и «эпентимемы». Терминология этих комментариев восходит к трактату «О нахождении» (Псевдо-) Гермогена Тарсийского, который входил в число базовых школьных учебников по риторике¹. Кроме того, в нескольких рукописях PL3 непосредственно примыкает к риторическому «Синопсису» Псевдо-Плифона, кратко излагающему corpus Hermogenianum². Таким образом, можно предположить, что PL3 функционировал не только как пособие по написанию писем, но и как учебник по приемам риторической аргументации: в «Синопсисе» излагалась теория, а PL3 содержал примеры, иллюстрирующие эту теорию. Вообще, изучение византийских письмовников, в первую очередь, в аспекте их рукописной традиции позволяет утверждать, что *ars epistolandi* изучалась в школе, по-видимому, где-то на грани курса грамматики и курса риторики.

Собрания подлинных и фиктивных писем, распределенных по эпистолярным типам

Как мы убедились, в письмовниках, восходящих к позднеантичной и ранневизантийской традиции, задается принцип классификации писем по эпистолярным типам. Закономерно возникает вопрос: прилагался ли этот прин-

¹ О теории риторической аргументации, изложенной в трактате «О нахождении» см.: *Kennedy G. A. Greek Rhetoric under Christian Emperors*. Princeton, New Jersey, 1983. P. 86–96.

² Изд.: *Rhetores Graeci: ex codicibus Florentinis, Mediolanensisbus, Monacensisbus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensisbus et Vindobonensisbus* / Ed. Ch. Walz. Vol. 6. Stuttgartiae, 1834. P. 546–598. Лит.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1. München, 1978. S. 87–88.

цип не только к образцовым посланиям в письмовниках, но и к подлинным письмам византийцев? Иными словами: можно ли найти эпистолярные собрания, в которых письма были бы систематизированы не исходя из имени автора или адресата, не по хронологическому принципу, а по эпистолярным типам — т. е. в зависимости от их содержания и эпистолярной ситуации?

Еще в средневизантийскую эпоху проявляется тенденция причислять послание к тому или иному типу по той же модели, как это сделано в письмовниках. Это производится или в тексте письма (самим автором), или в заглавии (автором или редактором). Например, Феодор Студит характеризует свое послание как ὁμοῦ μὲν παρακλητικόν, ὁμοῦ δὲ καὶ διαγγελτικόν «одновременно и просительное, и повествовательное»¹, а другое письмо — как ὁμοῦ μὲν προσαγορευτικήν, ὁμοῦ δὲ καὶ ύπομνηστικήν «одновременно и приветственное, и напоминающее»². Никифор Уран мечтает получить письмо от адресата, даже если оно ἀπειλητικῆς καὶ ἐλεγκτικῆς «угрожающее и изобличающее»³. Заметим: и то, и другое — обозначения эпистолярных типов PL1! В заглавии чаще всего определяются «утешительные» послания — обособленная жанровая разновидность письма. Как παραμυθητική «утешительное» озаглавлены, например, письмо Игнатия Диакона⁴, два письма Фотия⁵, письмо Николая Мистика⁶, письмо Феодора Дафнопата⁷ и т. д. Одно из

¹ Theodori Studitae Epistulae / Ed. G. Fatouros. Berlin, 1992. Ep. 269. 8–9.

² Ibid. 138. 3–4.

³ Épistoliers byzantins du Xe siècle / Ed. J. Darrouzès. Paris, 1960. P. 43. Ep. 44. 9.

⁴ The Correspondence of Ignatios the Deacon / Ed. S. Efthymiadis, C. A. Mango. Washington (D.C.), 1997. Ep. 62.

⁵ Photii patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia / Ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. Vol. 2. Leipzig, 1984. Ep. 234, 245.

⁶ Nicholas I, Patriarch of Constantinople, Letters / Ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington (D.C.), 1973. Ep. 47.

⁷ Théodore Daphnopatès. Correspondance / Ed. J. Darrouzès, L. G. Westerink. Paris, 1978. Ep. 38.

писем Иоанна Цеца обозначено как ἐπιστολὴ εἰρωνικὴ δριμεῖα «язвительное ироническое письмо»¹.

В Палеологовскую эпоху интерес к классификации писем по эпистолярным типам заметно возрастает — что не удивительно, если учесть, как распространены в это время были PD, PL1 и другие подобные трактаты. Появляются сборники, где уже целые группы писем последовательно классифицируются по эпистолярным типам. Обратимся к собранию писем Иосифа Вриенния.

Письма Иосифа Вриенния (XIV—XV вв.)

Эпистолярное наследие Иосифа Вриенния (XIV—XV вв.) включает 30 писем², и в заглавии 15 из них в рукописях (включая древнейшую — Patm. gr. 440, XV в.) указано не только имя адресата, но и тип письма. Все 15 писем относятся к различным типам, перечислим их:

ἐπαινετική «похвальное» (1); διορθωτική «исправляющее» (2); ἐγκωμιαστική «энкомиастическое» (3); ἀνακλητική «призывающее» (4); ἀπαιτητική «требующее» (5); διεγερτική «побуждающее» (6); διαγγελτική «повествовательное» (7); συναπτική «сочетающее [дружбой]» (8); ἀλειπτική «умашающее», т. е. приготовляющее к подвигу (9), σκωλητική «высмеивающее» (10), συμβουλευτική «совещательное» (11); ἐπαγγελτική «возвещающее» (29); ἀναμνηστική «напоминающее» (13); δοκιμαστική «одобряющее» (14); ἐρεθιστική «приободряющее» (16).

Приведенные наименования, в большинстве своем, не обнаруживаются в письмовниках (см. перечень в Приложе-

¹ Ioannis Tzetzae epistulae / Ed. P. L. M. Leone. Leipzig, 1972. Ep. 78.

² Изд.: Ἐκ τῆς βυζαντινῆς ἐπιστολογραφίας. Ἰωσήφ μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου Ἐπιστολαὶ Λ' καὶ πρὸς αὐτὸν Γ' / Έκδ. Ν. Τωμαδάκης // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1983–1986. Т. 46. Σ. 283–362. О рукописной традиции его сочинений см.: Bazini H. Une première édition des œuvres de Joseph Bryennios: les Traité adresses aux Crétos // Revue des études byzantines. 2004. Т. 62. Р. 83–132.

нии), но принцип классификации тот же самый — по содержанию и цели письма. Мы не можем точно утверждать, что эти наименования были частью авторского замысла но они, во всяком случае, были присвоены письмам Иосифа еще в XV в., а затем копировались и в позднейших кодексах.

Если письмам Вриенния всего лишь присвоены наименования эпистолярных типов, то в другом сборнике, намного более обширном и разнообразном по содержанию, типы писем и, шире, эпистолярные ситуации служат основой для распределения материала.

Vaticanus graecus 1753 (XV в.), Baroccianus 216 (XV в.)

Интересующее нас эпистолярное собрание сохранилось в двух рукописях XV в. — в Vat. gr. 1753 (37г–60в)¹ и, частично, в Barosc. 216 (331г–335в)². В ватиканском кодексе собрание включает 106 писем и содержит переписку Василия и Либания, письма Фотия, Феодора Патрикия и других, неизвестных авторов, многие из которых и по сей день остаются неизданными; в собрание входит и группа образцов PL1 и PL2. Некоторые письма никак не озаглавлены, другие надписаны именем автора или адресата, но в заглавии большинства посланий (55 из 106) обозначена их тема, причем в эту группу, как мы покажем далее, входят как образцы из PL, так и подлинные письма Фотия и Феодора Патрикия, известные нам из других источников. В некоторых случаях составитель ограничивается тем, что относит письмо к какому-либо эпистолярному типу. Перечислим эти наименования, в скобках указав, чьи письма отнесены к какому типу³.

¹ Canart P. Codices Vaticanani graeci. Codices 1745–1962. Vaticano, 1970. P. 36–47.

² Coxe H. O. Bodleian Library. Quarto catalogues. Vol. I. Oxford, 1969. P. 376–383.

³ Помимо PL1 и PL2, в этом и следующем списке встречаются следующие сокращения: TheodPatr = Theodorus Patricius, Phot = Photius Constantinopolitanus, anon = anonymus, т. е. неизданное письмо неизвестного автора.

αἰνιγματική «загадочное» (PL1, PL2); ἀποφαντική «заявительное» (PL1, PL2); ἐγκωμιастикή «энкомиастическое» (PL2); ἐρωтиκή «любовное» (PL1, PL2); εὐχαριστική «благодарственное» (2 anon); λυπητική «скорбное» (PL1, PL2); μετριαστική «самоуничижительное» (PL2); παραινετική «наставительное» (PL1, PL2); παρακλητική «просительное» (2 TheodPatr), (3 anon); παραμυθητική «утешительное» (2 anon); σκωπτική «высмеивающее» (PL2, PL1+PL2, anon); ὑβριστική «оскорбительное» (anon); ὑπομνηστική «напоминающее» (PL1, PL2)

В других случаях эпистолярная ситуация обозначается более подробно. Перечислим эти заглавия, как и выше, указывая в скобках происхождение образцов:

11¹. δεητική ἐπιστολὴ θλίψεως ἐπικειμένης «просительное письмо при наступлении скорби» (anon)

61. εἰς μοναχὸν ἐπαινετική «похвальное монаху» (anon)

80, 82. εἰς φίλον ταξάμενον καὶ μὴ δόντα «другу, уехавшему и не давшему [обещанное]» (anon, Phot)

83. εἰς χρεωστοῦντα καὶ μὴ δίδόντα εὐγνωμόνως «задолжавшему и не возвращающему с благодарностью» (anon)

31. ἐπαινετική καὶ ἐγκωμιαστικὴ εἰς ἄνδρα ἀγαθὸν καὶ καλόν «похвальное и энкомиастическое добродетельному мужу» (PL2)

96. ἔπαινος ως σοφὸν ὄντα «похвала [кому-либо] как мудрому мужу» (TheodPatr)

64. εὐχαριστική καὶ ἐπαινετική «благодарственное и похвальное» (anon)

32. κατὰ συκοφάντου «против клеветника» (anon)

86. πρὸς φίλον ἀναχωρήσαντα ἐκ τοῦ οἰκείου φίλου καὶ ἀποδημήσαντα «другу, отбывшему от близкого друга и уехавшему на чужбину» (TheodPatr)

41. πρὸς φίλον ἀποδήμιον ἀπολογητική «другу на чужбине, оправдательное» (anon)

45. πρὸς φίλον ἀποδήμιον ἔχοντα τελείαν ἀγάπην καὶ ὅτι τῶν εὐφρονούντων ἐστὶν ἡ ἀγάπη «другу на чужбине, питающему

¹ Нумерация согласно каталогу (Canart P. Codices...)

совершенную любовь, и о том, что любовь присуща здравомыслящим» (TheodPatr)

87. πρὸς φίλον ἀποστείλαντα αὐτῷ μικρὸν δῶρον ὅπως μὴ μέμψοιτο αὐτοῦ διὰ τὴν σμικρότητα τοῦ δώρου «другу, который прислал ему малый дар, о том, что он [т. е. автор] не сердится на него за малость дара» (TheodPatr)

76. πρὸς φίλον ἔχθραν ἔχοντα καὶ μὴ διαλλασσόμενον «другу, который питает вражду и не примиряется» (anon)

77. πρὸς φίλον μὴ εὐεργετήσαντα ποτέ τινα ἀλλὰ ἀεὶ βλάπτοντα «другу, который ни разу не сделал никому ничего хорошего, но всегда причинял вред» (anon)

88. πρὸς φίλον ὅτι πέμψει αὐτῷ μικρὸν δῶρον «другу, о том, что он [т.е. автор] пришлет ему малый дар» (TheodPatr)

94. πρὸς φίλον πολλὰ μὲν ὑπισχνούμενον ὀλίγα δὲ παρεχόμενον «другу, который много обещает, но мало дает» (TheodPatr)

93. πρὸς φίλον στηλιτευτικὴ ως ἀπαίδευτον ὄντα «другу, посрамляющее за невоспитанность» (Phot)

89, 95. πρὸς φίλον στηλιτευτικὴ ως ἄφιλον ὄντα «другу, посрамляющее за недружелюбие» (2 anon)

78. πρὸς φίλον ψευσάμενον «другу, солгавшему» (anon)

91. στηλιτευτικὴ καὶ αὐχητικὴ «посрамляющее и хвастливое» (Phot)¹

90, 92. στηλιτευτικὴ ως ἄφιλον ὄντα «посрамляющее за недружелюбие» (2 Phot)

Итак, ситуация задается разными способами: иногда письмо причисляется сразу к двум эпистолярным типам (31, 64, 91), иногда указывается действие или поведение друга, на которое реагирует автор письма (76, 77, 87 и др.), иногда дается характеристика адресата (32, 96 и др.). Лишь в одном из перечисленных случаев уточняется не только содержание письма, но и социальный статус получателя —

¹ Перевод буквальный. Видимо, текст титула испорчен. Исходя из содержания письма (Photii patriarchae... Vol. 1. Leipzig, 1983. Ер. 111) можно предположить, что он означал «посрамляющее за хвастовство».

«похвальное письмо монаху» (61), для остальных образцов адресат обозначен предельно абстрактно: «друг», «добродетельный» или «премудрый муж».

Составитель сборника заботится не только том, чтобы как можно точнее описать ситуацию и содержание писем, но и о том, чтобы перегруппировать письма, собрав вместе те, которые принадлежат к одной категории или составлены в сходных случаях. Так, например, в единую группу соединяются просительные письма (98–103), вместе оказываются письма похвальные и благодарственные (61–65), однако особенно показательна целая антология из посланий, выражающих негативное отношение к адресату (70–84) — издевательские, бранные, упрекающие в неблагодарности и др. Четыре из них не имеют заглавия, но по содержанию вполне вписываются в эту группу.

Функция сборника представляется вполне ясной — он призван служить удобным практическим пособием при составлении писем, скорее личных, нежели официальных. Чем конкретнее обрисованы эпистолярные ситуации, тем удобнее читателю ориентироваться в сборнике и искать в нем подходящий пример для подражания. Надо ли изъявить дружеские чувства, пожаловаться на разлуку, посетовать на молчание друга или, в более резком тоне, обвинить его в невнимательности? Для всех этих случаев легко найдутся вполне определенные модели. Однако, несмотря на удобство и детальную разработанность, принцип классификации по типам писем и эпистолярным ситуациям осуществляется в сборнике не до конца — многие из писем остаются «бесхозными» и не приписываются ни к какому типу. В следующей рукописи, к которой мы обратимся, Laur. Acquisti e Doni 39, этот подход к эпистолярному материалу воплощается в полной мере. Строго говоря, рукопись не входит в хронологические рамки настоящей статьи — она датируется XVI в., и в какой мере она восходит к византийским корням, установить невозможно — но рассмотреть ее все же уместно имен-

но потому, что она обозначает предел развития тенденции, отразившейся в ватиканском сборнике.

Laurentianus Acquisti e Doni 39 (XVI в.)

Сборник, состоящий из 56 посланий (5r–137r)¹, включает письма Григория Назианзина, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Феодора Студита, Михаила Пселла, Феофилакта Охридского и других авторов, а также несколько образцов PL3. Все эти письма распределены по группам, каждая из которых посвящена одному из эпистолярных типов. Собранию предписано оглавление (5r–6v), в котором приведены названия всех разделов — наименования типов или эпистолярных ситуаций, иногда с кратким комментарием. Приведем, в качестве иллюстрации, начальные пункты этого оглавления:

Ἐπιστολαὶ φιλικαὶ στελλόμεναι πρὸς φίλους, περὶ διαφόρων αἰτιῶν καὶ πραγμάτων «Дружеские письма, посылаемые друзьям, по различным причинам и делам»

Πρὸς μὴ ἀντιγράφοντάς τινας φίλους, ἢ καὶ ἄλλως γνωστούς «Каким-либо друзьям, а также и знакомым, когда они не отвечают на письма»

Ἐπιστολαὶ εὐχαριστίαν ἔχουσαι, πρὸς φίλων γραφάς «Письма, содержащие благодарность, в ответ на письма друзей»

Ἐπιστολαὶ μετὰ δώρων ἀφ’ ἡμῶν συνεισπεμπόμεναι «Письма, посылаемые нами вместе с подарками»

Ἐπιστολαὶ πρεσβευτικαί, ἢτον παρακλητικαί, περὶ διαφόρων αἰτήσεων ὃν χρήζομεν «Ходатайственные письма, или же просьтельные, по различным просьбам о том, в чем мы нуждаемся»

¹ Rostagno E., Festa N. Indice dei Codici greci Laurenziani non compresi nel Catalogo del Bandini // Studi italiani di Filologia classica. 1893. T. 1. P. 197–199. Сборник упоминается в нескольких научных работах (например, Papaioannou E. Das Briefcorpus des Michael Psellos. Vorarbeiten zu einer kritischen Neuedition, mit einem Anhang: Edition eines unbekannten Briefes // JÖB. 1998. Bd. 48. S. 75), но нигде не рассматривается как единое целое, с точки зрения его структуры и назначения.

Ἐπιστολαὶ σχετλιαστικαὶ, τὴν θλίψιν ὥσανεὶ ἐμφαίνουσαι καὶ ἀθυμίαν ἡμῶν, ὅταν κατά τινων τυχόν εἰς τι λυπόμεθα «Жалобные письма, словно являющие нашу печаль и огорчение, когда нам случится на кого-то за что-то обидеться».

В последующих пунктах оглавления перечисляются и другие эпистолярные типы: θεραπευτικαὶ «заискивающие», μεταμελητικαὶ «покаянные», παραμυθητικαὶ «утешительные», παραινετικαὶ «наставительные», ἐπαινετικαὶ «похвальные», συστατικαὶ «рекомендательные», ἐλεγκτικαὶ «изобличающие» и ἐπιτιμητικαὶ «порицающие». Почти все типы писем, упомянутые в оглавлении, заимствованы из PL1, добавляются лишь две ситуации — жалоба на молчание и сопровождение подарка — обе крайне распространенные в византийской эпистолярной практике.

За оглавлением следует введение, включающее письмо Григория Назианзина к Никобулу, в котором рассказывается об искусстве писать письма (7r–9v)¹, и отрывок из теоретического введения PL3² о типах обращения (9v–10r), а уже далее начинаются письма различных авторов, сгруппированные по рубрикам, обозначенным во введении: в начале каждого раздела повторяется формулировка из оглавления, а затем следуют письма, соответствующие данной категории, иногда с указанием автора. Таким образом, перед нами полноценный письмовник, включающий теоретическое введение и примеры с определениями типов, но роль примеров играют, в основном, не фиктивные образцы, восходящие к PL1, а подлинные письма, встроенные в позднеантичную систему классификации. Так собрание писем окончательно превращается в пособие по написанию дружеских посланий, максимально приспособленное для практических целей.

¹ Saint Grégoire de Nazianze. Lettres / Ed. P. Gallay. Vol. 1. Paris, 1964. Ep. 51. Об этом письме как памятнике позднеантичной эпистолярной теории см.: *Koskenniemi H. Studien...* S. 20–21.

² Cf. Paris. gr. 2782. 217r–v; Demetrii et Libanii... P. LXIII–LXIV.

Собрания писем и формуляров, распределенных по социальному положению адресатов

Помимо письмовников и сборников писем, следующих системе классификации по эпистолярным типам, в поздневизантийскую эпоху развивается совсем иная традиция — сборники примеров официальной и, реже, личной корреспонденции, распределенные не по эпистолярным типам, а по социальному положению автора и адресата.

«Новое изложение» (XIV в.)

Наиболее характерный образец этой традиции — сборник «Новое изложение» (Ἐκθεσις νέα, далее сокр. EN), формирование которого относится к XIV в. Текст сохранился в большом количестве рукописей, значительно различающихся между собой по содержанию и порядку следования параграфов¹. В наиболее полной форме «Новое изложение» включает 6 разделов следующего содержания: (1) как патриарх Константинопольский пишет различным церковным иерархам, от патриархов до архиепископов; (2) титулы митрополитов и архиепископов; (3) как митрополит пишет патриархам и другим церковным иерархам; (4) как церковные иерархи пишут императорам и высокопоставленным мирянам; (5) как митрополит пишет различным лицам (духовным лицам и мирянам), когда он вне своей епархии; (6) правила внешнего оформления «питетакиев», т. е. официальной корреспонденции. Эти разделы (за исключением 2 и 6) подразделяются на короткие параграфы, в начале которых указывается социальное положение автора (иногда) и адресата, а затем дается краткий образец начала и

¹ Изд. и подр. описание рукописной традиции см. в: *Darrouzès J. Ekthesis néa. Manuel des pittakia du XIVe siècle // Revue des études byzantines*. 1969. Т. 27. Р. 5–127.

(иногда) окончания письма, соответствующего этому положению, например:

«Как патриарх пишет венчанному василевсу:
*Державнейший, боговенчанный, богочтимый, бого-
 прославленный, богоизбранный, богоувозвеличенный,
 святой мой самодержец и василевс. И в конце: Господь
 Бог да сохранит твое святое Величество без болез-
 ней, в веселии и здравии, на многие годы и превыше
 какого-либо неприятного события и дарует ему
 вместе с настоящим и вечное Царство в небесах*»¹.

Порядок следования параграфов не случаен — как правило, адресаты расположены «по нисходящей», от более высоких титулов к более низким. Примером может послужить порядок образцов в разделе 4: (36) патриарх — венчанному императору; (37) патриарх — не венчанному императору; (38) патриарх — венчанной императрице; (39) митрополит — венчанному императору; (40) митрополит — не венчанному императору; (41) патриарх — деспоту, сыну императора; (42) митрополит — ему же; (43) патриарх — деспоту, не сыну императора, и т. д. В этой очередности нетрудно разглядеть вполне логичную систему. Иногда образцы сопровождаются также и комментариями, где автор напрямую формулирует правила обращения к разным лицам, например: «все [чины] от протонотария до ипомнен-матографа именуются боголюбивейшими, и не братьями, а сыновьями, начиная же от иеромнимона и так далее — честнейшими»².

Все образцы EN, никогда не представляющие собой полноценных посланий, относятся к сфере официальной корреспонденции. Функция сборника вполне понятна: он создавался и использовался в канцелярии как пособие по

¹ Ibid. P. 54. 1–6

² Ibid. P. 51. 23–25

составлению деловых посланий и грамот. EN было актуально и в Константинополе, и в провинции: разветвленная рукописная традиция памятника свидетельствует о том, что, сформировавшись изначально в кругах, близких к патриаршей канцелярии, EN быстро получил распространение не только в столице, но и по всей Македонии и Фракии¹.

EN всецело принадлежит сфере официальной корреспонденции: оно было бы абсолютно бесполезно при составлении дружеского или утешительного письма, равно как, например, «Стили писем» Псевдо-Либания ни в одной редакции ни слова не сообщали о формулах обращения к митрополиту, иеромонаху или логофету. EN — далеко не единственный сборник, составленный по такому принципу. Классификация образцов по адресатам встречается и в других собраниях поздневизантийской эпохи, весьма разнообразных по составу и содержанию. Рассмотрим в качестве примеров несколько из них.

Vaticanus graecus 867 (XIII в.)

Сборник, сохранившийся в рукописи Vat. gr. 867 (30г–43в), содержит 40 образцов писем и документов². Письма, за исключением одного (н. 13, пример «питтакия» брату), составляют в сборнике единую группу (21–36). В заглавии каждого образца (или группы), как и в «Новом изложении», обозначено социальное положение адресата. Расположение образцов также представляется вполне упорядоченным — перечислим их заглавия:

(21) «письмо архиерея архиерею»; (22) «еще одно [письмо] архиерею»; (23) «пресвитеру»; (24) «иерею»;

¹ Ibid.... P. 35.

² Schreiner P. *Codices Vaticanani graeci. Codices 867–932*. Vaticano, 1988. P. 1–6. Изд. с итал. перев. и комментарием: Ferrari G. *Formulari notarili inediti dell'età bizantina* // *Bollettino dell. Istituto Storico Italiano*. 1913. Т. 33. Р. 41–65.

(25) «клирику»; (26) «экзарху»; (27) «монаху»; (28) «чтецу»; (29) «архонт архонту»; (30) «севасту»; (31) «дуке»; (32) «антидуке или практору»; (33) «донесение василевсу»; (34) «стратиоту»; (35) «грамматику»; (36) «частным лицам».

Итак, собрание отчетливо делится на две части: письма духовным лицам (21–28), письма мирянам (29–36), и внутри каждой из них адресаты расположены «по нисходящей» — от архиерея до чтеца, от архонта и севаста до частного лица (из общей закономерности выбивается лишь письмо василевсу, 33). Такой принцип распределения материала вполне соответствует тому, который мы обнаружили в EN.

На этом параллели с EN не заканчиваются. Образцы сборника в Vat. gr. 867 в некоторых случаях пространнее, чем краткие зачины EN, но они тоже всегда включают лишь начало и завершение письма. После приветствия и этикетных пожеланий обыкновенно следует фраза: «зной же/да будет тебе известно то-то и то-то»; после чего автор переходит уже к заключительным формулировкам. Пользователю, таким образом, предлагается вставить свою собственную содержательную часть в готовый шаблон. Как убедительно и красиво изложить это содержание, образцы не показывают.

Как и EN, исследуемый сборник предназначен, очевидно, для использования в канцелярии (и тоже не только столичной) как пособие для составления официальных документов: помимо писем, как уже было сказано, он включает ряд правовых актов (о бракосочетании, о наследстве, о продаже земельного участка и т. д.), а большинство писем носят сугубо официальный характер. Впрочем, следует отметить, что среди образцов можно найти и два примера личной переписки — письма брату (13, 36), где автор, в известных традициях φιλικὴ ἐπιστολή, сетует на разлуку и желает адресату здоровья и благополучия.

Vaticanus Palatinus graecus 367 (XIV в.)

До сих пор рассматривались письмовники, сформировавшиеся и бытовавшие в Византийской империи — будь то в Константинополе или в провинции — теперь же мы обратимся к обширному сборнику формуляров, возникшему за пределами империи, на Кипре, но построенному по сходным принципам.

Собрание писем и законодательных актов, о котором пойдет речь, сохранилось в *Vat. Palat. gr. 367*¹. Это собрание, включающее 105 текстов, содержит уникальные документы, созданные на Кипре в XIII в., и является ценнейшим историческим источником, но нас оно будет интересовать с другой точки зрения. Сборник содержит большое количество писем, официальных и личных, а также и зачинов писем. Послания располагаются порой в совершенно хаотичном порядке, порой даже вперемежку с иными документами, но часть этого эпистолярного корпуса (10–32), за исключением 20, который содержит не письмо, а мирный договор, все же приведена в систему. Письма этой группы (кроме 25) имеют заглавия, в которых указано социальное положение адресата, а иногда и автора, и последовательность, как представляется, тоже не случайна. Приведем список заглавий:

(10) «письмо патриарху, какому хочешь»; (11) «письмо митрополиту»; (12) «митрополиту»; (13) «епископу»; (14) «иерею или протопресвитеру»; (15) «диакону»; (16) «игумену»; (17) «исихасту»; (18) «иеромонаху»; (19) «король султану»; (21) «королевское [письмо] эмиру»; (22) «от короля королю»; (23) «от короля рыцарю»; (24) [от практика] «правителю области»; (26) «от короля василевсу»; (27) «еще одно» [того же тому же]; (28) [от короля] «vasiliisce»; (29) «от архиепископа василевсу»; (30) «от архиепи-

¹ Изд. с нем. пер. и подр. комментарием и описанием рукописи: *Beihammer A. Griechische Briefe und Urkunden aus dem Zypern der Kreuzfahrerzeit: die Formularsammlung eines königlichen Sekretärs im Vaticanus Palatinus Graecus 367*. Nicosia, 2007.

скопа патриарху Константинопольскому»; (31) «от барона патриарху Антиохийскому»; (32) «от короля султану».

Как и в Vat. gr. 867, образцы можно разделить на две группы: первая (10–18) включает письма духовным лицам, а вторая (19–32) — в основном, письма мирянам; при этом внутри первой группы адресаты тоже ранжированы по социальному статусу, от высших к низшим.

В отличие от рассмотренных выше сборников, Vat. Palat. gr. 367 содержит не готовые формуляры с пропущенной серединой, а, в основном, полноценные и порой весьма пространные письма, без какой-либо обработки заимствованные из подлинной корреспонденции. Таким образом, перед нами попытка систематизировать досье подлинных официальных посланий, следуя той же системе, которую проявилась в EN и Vat. gr. 867. Отметим, что обширный корпус личных писем, тоже входящих в собрание, никак не упорядочен — систему, разработанную в PD и PL1, составитель к ним не применяет. Можно лишь отметить, что в этих письмах встречаются мотивы и клише, разработанные в различных вариантах PL¹.

Исходя из структуры и содержания «кипрского досье» можно судить и о его назначении. По-видимому, по сравнению с EN и Vat. gr. 867, его функции были более широкими. В первую очередь, собрание предназначалось для использования в канцелярии — оно содержит достаточно много юридических актов, и именно официальные послания, содержащиеся в нем, снабжены заглавиями и систематизированы согласно шаблону, привычному для подобных сборников; однако, вместе с тем, собрание могло быть полезно и для составления личного письма: в нем немало образцов личной переписки — просительное (33), утешительное (34), поздравительное (35), пригласительное (37), наставительное (41), и т.д., а также зачины с формулами

¹ Укажем, напр., на ерр. 47, 72, 81, почти полностью состоящие из формул, восходящих к различным образцам PL3.

дружеского письма (52–66 и др.) и отдельные сентенции, с которых удобно начать письмо (67–71, 75–79 и др.). Но — подчеркнем еще раз — комбинировать в одном сборнике две системы классификации писем, по типам и по адресатам, составитель не пытается. Такой шаг предпринимается в другом сборнике образцовых писем той же эпохи — в «письмах к разным лицам» Анастасия Хатзикиса.

*«Письма к разным лицам
монаха Афанасия Хатзикиса» (XIII в.)*

В отличие от трех сборников, рассмотренных ранее, этот текст, сохранившийся в четырех рукописях и датируемый, предположительно, концом XIII в., имеет название (*Ἐπιστολαὶ πρὸς διάφορα πρόσωπα*) и даже имя автора¹. Лишенный какого-либо теоретического предисловия, сборник включает 14 образцовых писем, озаглавленных и систематизированных. Чтобы выяснить, по какому принципу Хатзикис классифицирует эти послания, перечислим их заглавия, которые уместно привести в оригинале:

- (1) Πρὸς ἀρχιερέα ἐπιστολὴ μοναχοῦ «письмо монаха архиерею»;
- (2) Ἐτέρα δεητικὴ πρὸς ἀρχιερέα «еще одно [письмо] архиерею, просительное»;
- (3) Πρὸς καθηγούμενον «настоятелю»;
- (4) Ἐτέρα δεητικὴ πρὸς καθηγούμενον «еще одно настоятелю, просительное»;
- (5) Ἐτέρα εὐχαριστήριος πρὸς καθηγούμενον, δύναται δὲ καὶ πρὸς ἀρχιερέα μεταφρασθῆναι «еще одно настоятелю, благодарственное, но может быть преобразовано и в [письмо] архиерею»;
- (6) Πρὸς ἄρχοντα κοσμικόν «вельможе мирянину»;
- (7) Πρὸς ἄρχοντα δεηтиκή «вельможе просительное»;
- (8) Εὐχαριστήριος πρὸς ἄρχοντα «вельможе благодарственное»;
- (9) Πρὸς φίλον μονάζοντα κοινόν «Близкому другу монаху»;
- (10) Ἐτέρα ὁμοία ταύτῃ «еще одно подобное тому»;
- (11) Ἐτέρα ὁμοία «еще одно подобное»;
- (12) Ὁμοία καὶ αὐτή «и

¹ Изд. с введ. и итал. пер.: *Fagherazzi A. Modelli epistolari di Atanasio Chatzikis. Padova, 1981.*

это подобное»; (13) Πρὸς κοσμικὸν κοινόν «мирянину, близкому другу»; (14) Ετέρα ὄμοια «еще одно подобное».

Как в EN и других подобных собраниях, Хатзикис распределяет письма по социальному статусу адресатов, и в их расположении следует все тем же принципам — от духовного к мирскому и от высшего к низшему: настоятель следует за архиереем, вельможа мирянин — за архиереем и настоятелем, друг мирянин — за другом монахом. Но, вместе с тем, Афанасий вводит и еще один критерий классификации писем — по эпистолярным типам, определяя несколько писем как «благодарственные» и «просительные». Содержание образцов вполне благоприятствует такому методу систематизации — перед нами не краткие формуляры, состоящие из приветствий и завершающей формулы, а полноценные письма, занимающие иногда более страницы издания. Впрочем, эти примерные послания всецело состоят из клише (изъявления дружбы или преданности, жалобы на разлуку, призыв писать или молиться и т. д.), и остается неясным, были ли они заимствованы из чьей-то реальной переписки, или сочинены автором специально для письмовника. Так или иначе — если не считать «приветственного» и «похвального» письма «монаху» — «Письма к различным лицам» Хатзикиса остается единственным, в занимающий нас период, сборником образцов, где комбинируются два способа классификации материала, «риторический», по эпистолярным типам, и «канцелярский», по социальному положению автора и адресата.

Итак, мы проанализировали теоретические трактаты и сборники писем, которые можно отнести к поздневизантийской эпистолярной теории. Эти тексты мы разделили на три класса, отчетливо различающиеся между собой. К первому классу относятся пособия, восходящие к античной традиции и служившие школьными учебниками как по эпистолярному мастерству, так и по грамматике и теории аргументации. Второй и третий включают сборники писем, фиктивных или

подлинных, которые были предназначены уже не для школьных упражнений, а сугубо для практического пользования: сборники второго класса предоставляли образцы для личной переписки, а третьего — преимущественно для официальной корреспонденции. Сборники первого и третьего класса широко представлены в рукописях: в XIII–XV вв. они были весьма распространены и широко применялись, видимо, не только в столице, но и на периферии и даже за пределами Византийской империи. О втором классе известно гораздо меньше. Вопрос о том, насколько часто и последовательно подлинные письма классифицировались и группировались по эпистолярным типам, остается открытым. По крайней мере, единственный сборник, где такой подход воплощен в полной мере, мы обнаружили лишь в рукописи XVI в.

В заключение уместно еще раз сопоставить византийскую эпистолярную теорию с западноевропейской *ars dictaminis*. *Ars dictaminis*, возникнув в XI в., на протяжении трех столетий стремительно развивалась, порождая новые идеи и противоречивые концепции. Византийские письмовники, напротив, отличаются подчеркнутым консерватизмом и стабильностью — сочиняя новый учебник в XIII в., византийский автор берет за основу все ту же, весьма далекую от совершенства, систему Псевдо-Либания и составляет новые образцы все для тех же сорока эпистолярных типов. Письмовники, укорененные в античной традиции, едва ли могут воспринять в себя чуждые элементы — например, дополнительные примеры из подлинной переписки или советы относительно форм обращения. Именно в силу этих причин, вероятно, в византийскую эпоху и даже в последующий период, вплоть до XVII в., крайне редко создаются трактаты, где был бы представлен и формальный, и содержательный аспект, давались бы советы и о формах обращения, и о риторических топосах дружеской переписки. Эпистолярная теория в Византии была столь же консервативна, как и теория риторики, основанная на трудах Гермогена, Менандра и Афтония.

Приложение

«Типы писем» Псевдо-Деметрия (PD)

φιλικός ¹	«дружеское»
συστατικός	«рекомендательное»
μεμπτικός	«укоризненное»
όνειδιστικός	«упрекающее»
παραμυθητικός	«утешительное»
ἐπιτιμητικός	«порицающее»
νουθετητικός	«увещательное»
ἀπειλητικός	«угрожающее»
ψεκτικός	«бранное»
ἐπαινετικός	«похвальное»
συμβουλευτικός	«совещательное»
ἀξιωματικός	«просительное»
ἐρωτηματικός	«вопрошающее»
ἀποφαντικός	«ответное»
ἀλληγορικός	«иносказательное»
αίτιολογικός	«объяснительное»
κατηγορικός	«обвинительное»
ἀπολογητικός	«оправдательное»
συγχαρητικός	«поздравительное»
εἰρωνικός	«ироническое»
ἀπευχαριστικός	«благодарственное»

¹ Псевдо-Деметрий называет разновидности писем тόтоι «типы», и потому их названия ставятся в форме мужского рода: φιλικός тόπος и т. д. Псевдо-Либаний говорит о προστηγορίᾳ «наименования» или ἐπιστολαί, и потому названия разновидностей ставятся в форме женского рода: παρανετικὴ προστηγορία и т.д. Мы во всех случаях будем использовать форму среднего рода, подразумевая письмо: «дружеское письмо» и т. д.

«Стили писем» Псевдо-Либания (PL1)

παραινετική	«наставительное»
μεμπτική	«укоризненное»
παρακλητική	«просительное»
συστατική	«рекомендательное»
εἰρωνική	«ироническое»
εὐχαριστική	«благодарственное»
φιλική	«дружеское»
εὐκτική	«пожелательное»
ἀπειλητική	«угрожающее»
ἀπαρνητική	«отрицающее»
παραγγελματική	«повелительное»
μεταμελητική	«покаянное»
όνειδιστική	«упрекающее»
συμπαθητική	«сострадательное»
θεραπευτική	«заискивающее»
συγχαρητική	«поздравительное»
παραλογιστική	«пренебрежительное»
ἀντεγκληματική	«ответно обвинительное»
ἀντεπισταλτική	«ответное»
παροξυντική	«подстрекающее»
παραμυθητική	«утешительное»
ύβριστική	«оскорбительное»
ἀπαγγελτική	«возвещающее»
σχετλιαστική	«жалобное»
πρεσβευτική	«ходатайствующее»
ἐπαινετική	«похвальное»
διδασκαλική	«учительное»
ἐλεγκτική	«изобличающее»
διαβλητική	«порочающее»
ἐπιτιμητική	«порицающее»
ἐρωτηματική	«вопрошающее»
παραθαρρυντική	«приободряющее»
ἀναθετική	«возлагающее»

ἀποφαντική	«заявительное»
σκωπτική	«насмешливое»
μετριαστική	«самоуничижительное»
αἰνιγματική	«загадочное»
ύπομνηστική	«напоминающее»
λυπητική	«скорбное»
έρωτική	«любовное»
μικτή	«смешанное»

Дополнительные типы в PL1 codd

συμβουλευτική	«совещательное»
συγγνωμονική	«извинительное»
ἀπευχαριστική	«отказывающее в благодарности»
ύπερθετική	«откладывающее»
ἀντιρρητική	«противоречащее»
ἐντρεπτική	«выражающее стыд»
προστατική	«приказывающее»
διομνητική	«клятвенное»
παρακαταθετική	«препоручающее»
ἀνεπινευτική	«отказывающее»
συγκαταθετική	«одобряющее»
όριστική	«предписывающее»
ἡθοποιητική	«нравоучительное»
ύπισχνητική	«обещающее»
ἐπαρατική	«проклинающее»
ἀντευεργετική	«воздающее за добро»
φυγαδευτική	«призывающее к бегству»

Дополнительные типы в PL2

παραινετικὴ ἢ προτρεπτικὴ	«наставительное, или же побуждающее»
παραινετικὴ ἢ ἀποτρεπτικὴ	«наставительное, или же удерживающее»
έγκωμιαστικὴ	«энкомиастическое»
πρὸς ἵερα ἀσπαστικὴ	«приветственное иерею»
πρὸς φίλον ἀσπαστικὴ	«приветственное другу»
ἀμοιβαία	«взаимное»
ἐπαγγελτικὴ	«обещающее»
συμβουλευτικὴ	«совещательное»

Резюме

Магдалино П. (Сент-Эндрюсский университет). **Каппадокия и Константинополь в VI в.**

Работа представляет собой разбор конкретного примера византийского регионализма, понимаемого здесь как политическое влияние провинциальной области на центральный режим управления государством. Каппадокия (широко понимаемая) в период поздней Античности воздействовала на Константинополь благодаря славе трех своих уроженцев, Отцов Церкви Василия Кесарийского, Григория Нисского и Григория Назианзина, а также благодаря находившимся там обширных императорских владений, предназначенных для разведения крупного рогатого скота. С VII до X в. Каппадокия являлась центральным сектором сильно милитаризованной восточной пограничной зоны. В этом качестве она стала домом для военной элиты, которая приобрела влияние, а на короткое время даже овладела императорской властью в X в. Между этими двумя фазами, накануне арабского завоевания, этот район приобрел краткую, пусть и преувеличенную дурную славу как место рождения императоров. Главной причиной стал император Маврикий (582-602), чье происхождение из Арабисса в восточной Каппадокии ярко контрастировало с европейским, по большей части балканским происхождением предшествующих императорских династий. Маврикий поднялся к власти при поддержке обширного каппадокийского землячества в администрации фиска, а консолидировал он свою власть путем систематического продвижения собственных родственников. Их массовое обогащение, равно как дорогостоящую перестройку Арабисса, которые легли тяжким бременем на имперский бюджет, несомненно способствовали непопулярности Маврикия и его свержению.

Бергер А. (Мюхенский университет Людвига и Максимилиана). **«Переработка» Константинополя**

В статье исследуется использование сполий в средневековом Константинополе при перестройке Большого дворца и нескольких церквей в IX в., при сооружении поздневизантийской крепости рядом с Золотыми воротами и в декорации самих ворот X в. Обсуждается также использование древних саркофагов для императорских захоронений, и ставится вопрос о том, существовала ли в византийском Константинополе идея историзирующей архитектуры.

Четинкай X. (Университет изящных искусств Мимара Синана, Стамбул). **Погребальные компартименты в монастыре Пантократора**

Недавняя реставрация монастырского комплекса Пантократора открыла невероятно важные данные, неизвестные до проведения этих работ. Среди них субструкция под северной церковью в форме базилики и наполовину раскопанный погребальный храмик, пристроенный к южной церкви. Среди прочего, эти новые находки указывают на вероятные места захоронения духовенства и членов императорской семьи в юго-западной части церковного комплекса.

Нивенер Ф. (Геттингенский университет Георга-Августа). **Христианское искусство как провинциальное. «Центральность» провинциальных традиций в раннехристианских церковных постройках**

Здания позднеантичных и раннехристианских церквей отличаются значительно большим разнообразием в зависимости от провинции и региона, чем более раннее римское или более позднее византийское искусство и архитектура. Большинство раннехристианских церквей было более привержено местным традициям, чем стремлению подражать Риму или Константинополю, «Новому Риму». Эта «центральность» провинций, как кажется, стала сущностной чертой раннехристианского искусства, которая отличает его от более однородного искусства более раннего римского и более позднего византийского периодов. В то время как романизация проложила путь для христианизации, большинство раннехристианских церковных построек, отражало скорее

локальную идентичность, чем преданность Риму или Константинополю. Достигнутое разнообразие было вновь потеряно после падения пан-средиземноморской державы, когда Византийская империя сократилась до территории чуть больше, чем Малая Азия, а иконоборческие споры повлекли за собой стандартизацию православного искусства.

Виноградов А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). **Афонский храм или арабский дворец? Крестово-купольный триконх и новая архитектурная идентичность империи**

Вопрос о происхождении триконха «афонского типа» — храма типа вписанного креста на 4 свободно стоящих опорах с дополнительными апсидами с юга и севера, до сих пор вызывает бурную полемику в научном мире. Цель настоящей статьи — привлечь внимание к памятникам такого типа вне Балкан. Вероятно, что такую форму имели зал Триконха и храм архангела Михаила, построенные для императора Феофила Иоанном Грамматиком и зодчим Патрикием, возможно, по арабскому образцу, который, в свою очередь, восходит к позднеантичным моделям. Ранние храмы такого типа в Малой Азии: Исламкёй и Сарыджа Килисе, относящиеся к началу X в., показывают его общеимперский и «престижный» характер, который привел к его распространению не только на Балканы, но и на Русь.

Каппас М. (Эфорат древностей Мессении, Каламата). **Архитектурный «идиолект» Фессалоники в средне- и поздневизантийские периоды: сходства и различия с Константинополем**

Автор постарался сосредоточиться на наиболее важных сохранившихся памятниках Фессалоники, относящихся к средне- и поздневизантийскому периодам, и, учитывая, что их сходство уже было достаточно подчеркнуто, обратил внимание на то, в чем они отходят от константинопольских практик. Фессалоника, действительно, находилась под большим влиянием архитектуры столицы, чем любой другой город Греции. И все же, более внимательное изучение структурных и морфологических аспектов показывает, что еще в средневизантийский период городские строительные артели смогли ассимилировать константинополь-

ские особенности и по-своему истолковать их, вероятно, исходя из местных архитектурных традиций, коренившихся в строительной деятельности «переходного периода». В последующие века и, прежде всего, около 1300 г., фессалоникские мастера умело объединяли морфологические элементы из своего богатого местного архитектурного наследия с техниками и решениями, происходящими в основном из Константинополя, а также и из других художественных центров, в основном из Эпирского деспотата или Никейской империи. Этот творческий сплав придал архитектуре Фессалоники особую индивидуальность, ярко отразившуюся в десятках памятников, приписываемых фессалоникским мастерам.

Захарова А. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Искусство X века: Константинополь и Каппадокия

В статье рассматриваются основные направления стилистического развития византийской живописи X в. Анализируются росписи пещерных храмов Каппадокии в сравнении с произведениями столичного искусства — иллюстрированными рукописями и фрагментами мозаик. Среди кappадокийских ансамблей X в. выделяются два, в которых влияние столичного искусства наиболее сильно: это росписи церквей Кылычлар и особенно Новой Токалы в Гёреме. Прослеживается развитие художественных процессов, получивших в Каппадокии новый мощный импульс благодаря появлению этих ансамблей в первой и второй половине X в. соответственно, а также выясняется соотношение местной живописи с основными тенденциями этого времени в искусстве Константинополя и Византии в целом.

Уар Т. (Университет Хаджи Бекташ Вели, Невшехир). Рельефы, росписи и надписи в поздневизантийском сакральном пространстве: новое открытие Безирана Килисе (Перистрема, Каппадокия)

«Византийские» росписи Безирана Килисе не исключение для кappадокийского искусства конца XIII в., жившего под властью мусульман, поскольку они были выполнены тем же мастером, что работал на другом памятнике конца XIII в. — Юксекли Килисе. Более того, артель Безираны-Юксекли связана также с другой

группой близко родственных росписей второй половины XIII в. И хотя они не столь исключительны, как росписи Безираны и Юксекли, эти фрески стремятся воспроизвести поздневизантийскую тенденцию к усложнению визуальных, текстуальных, коммеморативных и молитвенных действий в сакральном пространстве. Комплексное исследование живописных программ в позднесредневековой Каппадокии показывает, как оформление сакрального пространства включало в себя установление тесных связей между усопшими и живыми (клириками и мирянами), так же как и между декорацией, поминовением и идеей заступничества, тем самым воспроизводя процесс формирования византийской культурной идентичности. Таким образом, систематическое изучение сакрального характера этих церковных пространств меняет общепринятое представление о центре и периферии в искусстве и о локальной идентичности Каппадокии в противовес остальной части Византийской империи в культуре рассматриваемого периода. И хотя скульптурная, фресковая и текстуальная среда Безирана Килисе — это продукт «поствизантийского» социального и культурного контекста, в результате оказывается, что она представляет собой пример одного из самых изысканных и роскошных поздневизантийских сакральных пространств.

*Иванов С. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). **Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе***

«Книга Паломник» рассматривается в статье как результат столкновения двух подходов: стандартного нарратива, предлавшегося экскурсоводом по Константинополю, и ответов этого экскурсовода на нестандартные вопросы, которые задавал ему Антоний. «Голос» гида хорошо различим не только благодаря вкрапленным в древнерусский текст грецизмам (их число значительно больше, чем это казалось его издателю Х. Лопареву), но также по причине множества стереотипных экскурсоводческих приемов, которые аккуратно воспроизведены автором. Однако в некоторых местах паломник явно прерывает гида и задает содержательные вопросы, на которые тот вынужден отвечать, нарушая свой накатанный план. Такой перформативный анализ памятника позволяет разрешить некоторые загадки «Книги Паломник», среди прочего топографические.

Даскас Б. (Университет Ка Фоскари, Венеция). «Venetia hebbe principio per la destruction della grande Trogia». Миф о Венеции как alterum Byzantium

Предметом работы являются взаимоотношения между Византией и Венецией, какими они предстают в так называемом «мифе о Венеции», то есть наборе легенд, извлекаемых из венецианских историографических и риторических сочинений. В этих легендах видно, как формируется вымыщенное прошлое города. На протяжении своей истории Венеция имела тесные и сложные связи с Византией: пытаясь легитимировать свои торговые и экономические амбиции по всему Средиземноморью, она опиралась на авторитет столицы Восточной Империи.

Использование Византии как точки отсчета в венецианской культурной политике и искусстве (ср. базилику Сан-Марко) было очевидно в течение многих веков — и тем не менее, как бы ни развивались легенды о возникновении города, присутствие Византии затушевывается и сводится почти к нулю. Лишь в XIII в. такое отношение меняется: обеспечив (в результате Четвертого Крестового похода в 1204 г.) свое присутствие в Леванте, Венеция начала вводить новые элементы в творческую реконструкцию собственного прошлого; теперь ее гражданская мифология проникнута закамуфлированными намеками на Византию. Одним из традиционных мотивов этой мифологии, касающейся основания города, стала троянская легенда. Ближайший образец античного города Трои был на руку венецианской политической репрезентации и пропаганде. Всякий раз целью его использования было обоснование нынешнего процветания Венеции и провиденциального характера ее истории в противоположность ее конкурентам: Падуе, Риму, Константинополю. После Четвертого Крестового похода, легенда о пожаре и разорении древней Трои и о бегстве ее жителей на Лагуну стала хитроумно соединяться с хронологическими выкладками об основании Венеции, которые намекали на тот момент, когда суверенитет дожей над частью земель бывшей Византийской империи был официально признан в документах. Так возникал образ Венеции как наследницы βασιλεύουσα τῶν πόλεων, Константинополя. Тем самым, уже в тринадцатом веке, как прямое следствие кампании 1204 г., во всех своих основных компонентах появилась концепция византийской преемственности Венеции,

тот самый миф о «Венеции как другой Византии», как позднее, пятнадцатом столетии, назвал это кардинал Виссарион.

Черноглазов Д. (Санкт-Петербургский государственный университет). Письмовники и собрания образцовых писем: эпистолярная теория в эпоху Палеологов

Цель настоящей статьи — охарактеризовать письмовники и собрания образцовых писем, бытовавшие в Византии в эпоху Палеологов. Известный нам материал можно разделить на три класса. Первый класс включает трактаты, в которых письма классифицируются по цели и содержанию. Эти пособия использовались преимущественно как школьные учебники. Второй класс составляют сборники подлинных и (иногда) фиктивных писем, распределенных по тому же принципу. В третий класс входят собрания писем и формуляров, распределенных по социальному положению автора и адресата, которые служили практическими пособиями по ведению деловой переписки. Если сборников второго класса сохранилось немного, то первый и третий, напротив, широко представлены в рукописях: пособия этих двух типов были весьма востребованы как в столице, так и в провинции. Византийская эпистолярная теория отличалась консерватизмом: различные жанровые формы письмовников существовали и развивались независимо друг от друга — нам известно крайне мало случаев, когда в одном сборнике соединялись разные методы классификации эпистолярного материала.

Summaries

Magdalino P. Cappadocia and Constantinople in the Sixth Century

This paper is a case study in Byzantine regionalism, here understood as the political impact of a provincial area on the governing regime of a centralised state. Cappadocia, broadly defined, impinged on Constantinople in Late Antiquity by the fame of its three native Church Fathers (Basil of Caesarea, Gregory of Nyssa and Gregory of Nazianzos) and by the presence of large imperial estates devoted to stock rearing. From the seventh to tenth centuries, Cappadocia was the central sector in the empire's heavily militarised eastern frontier zone, and as such the home of a military elite who became influential and briefly dominant in imperial politics during the tenth century. Between these two phases, on the eve of the Arab conquest, the region enjoyed a brief if exaggerated notoriety as the birthplace of emperors. This was mainly due to the emperor Maurice (582-602), whose origins in Arabissos in eastern Cappadocia contrasted sharply with the European, mainly Balkan, provenance of previous imperial dynasties. Maurice rose to power on the back of a large Cappadocian network in the fiscal administration, and he consolidated his power by the systematic promotion of his family. Their massive enrichment, as well as the expensive rebuilding of Arabissos, at a time of great strain on the imperial budget, undoubtedly contributed to Maurice's unpopularity and overthrow.

Berger A. Recycling Constantinople

This paper investigates the use of spolia in mediaeval Constantinople in the rebuilding of the Great Palace and several churches in the ninth century, in the late-Byzantine construction of a fortress near

the Golden Gate, and the tenth-century decoration of the gate itself. It also discusses the use of older sarcophagi for imperial burials, and addresses the question whether the concept of a historising architecture existed in Byzantine Constantinople.

Niewöhner Ph. Christian art as provincial art. The centrality of the provinces in early Christian church building

Late antique or early Christian church building appears to have been significantly more varied from province to province and region to region than earlier Roman or later Byzantine art and architecture. Most early Christian churches adhered to local traditions rather than emulating Rome or Constantinople, the 'New Rome'. This centrality of the provinces would seem to constitute an essential trait of early Christian art that sets it apart from the more integrated arts of the earlier Roman and later Byzantine periods. Whilst Romanisation may have paved the way for Christianisation, most early Christian church buildings appear to express local identities rather than allegiance to Rome or Constantinople. The resultant variety was abolished again after the collapse of pan-Mediterranean rule, when the Byzantine empire was reduced to little more than Asia Minor and the Iconoclast controversy resulted in a standardisation of Orthodox art.

Cetinkaya H. Funeral spaces in Pantokratotr monastery

Recent restorations on the Pantokrator monastic complex yielded enormous results unknown prior to the excavation-restoration activity. These include a substructure below the Northern church in the shape of the church above; an annexed funeral chapel, half excavated, attached to the Southern church. Among other novelties on site observations indicate a probable burial ground for the clergy and imperial family members in the Southwestern part of the church complex.

Vinogradov A. Athonite church or Arabian palace? Cross-in-square triconch and the new architectural identity of the Empire

The question of the origin of the triconch of "Athonite type" — an inscribed cross on 4 free-standing supports with additional apses from the south and north — still causes a heated debate in the scholarship.

The purpose of this article is to draw attention to monuments of this type outside the Balkans. It is very likely that the Triconch hall and the church of the Archangel Michael, built for the Emperor Theophilos by Ioannes Grammatikos and the architect Patrikios, had probably such a plan, possibly following an Arabic model, which, in turn, goes back to the Late Antique examples. The early churches of this type in Asia Minor (Islamköy and Sarica Kilise), dating to the early 10th century, show its common and “prestigious” character, which led to its spread not only to the Balkans, but also to Russia.

Kappas M. The architectural idiom of Thessaloniki during the Middle and Late Byzantine Periods: similarities and differences from Constantinople

In this essay the author attempt to focus on Thessaloniki's most important standing monuments from the Middle and Late Byzantine periods, and, given that their similarities with Constantinople have already been highlighted enough, I shall stress where they depart from Constantinopolitan practices. Thessaloniki was indeed more influenced by the architecture of the capital than any other city in Greece. Nevertheless, a closer examination of the structural and morphological data reveals that as early as the Middle Byzantine period the city's building workshops had managed to assimilate Constantinopolitan features and treat them in their own way, probably based on the local architectural tradition, which had its roots in the construction activity of the Transitional period. In subsequent centuries, and above all around 1300 the Thessalonian master builders skilfully merged morphological elements from their rich local architectural heritage with practices and solutions originating mainly in Constantinople but also from other artistic centres, basically from the Despotate of Epirus or the Nicaea of the Laskarids. This creative osmosis gave the architecture of Thessaloniki its own peculiar identity, vividly captured in the dozens of monuments attributed to the activity of Thessalonian craftsmen.

Zakharova A. Byzantine art of the 10th c.: Constantinople and Cappadocia

The paper investigates some major tendencies in the 10th century Byzantine painting. The author analyzes some wall paintings in the

cave churches of Cappadocia in comparison to the works of metropolitan art, such as illuminated manuscripts and fragments of mosaics. Two 10th century Cappadocian ensembles stand out as they show the strongest metropolitan influence: Kılıçlar church and especially the New Tokali church in Göreme. The paper explores how the impulse given by these ensembles was further developed in local milieu in the first and in the second half of the 10th century respectively and to what extent the painting style in Cappadocia corresponded to the general lines of development in the art of Constantinople and Byzantium on the whole.

Uyar T. B. Carving, Painting, and Inscribing Sacred Space in Late Byzantium: Bezirana Kilisesi Rediscovered (Peristrema-Cappadocia)

The “Byzantine” paintings of Bezirana Kilisesi are not exceptional in late thirteenth-century Cappadocian artistic production under Islamic rule, as they were executed by the same artist who also worked on another late thirteenth-century monument, Yüksekli Kilise 1. Furthermore, the Bezirana/Yüksekli workshop is also linked to another group of closely interconnected murals in the second half of the thirteenth century. Although not as exceptional as the paintings of Bezirana/Yüksekli, these similar paintings aspire to reproduce late Byzantine fashions in regard to complex visual, textual, commemorative, and intercessory performances within the sacred space. A comprehensive investigation across the late medieval painted programs in Cappadocia shows how the fashioning of sacred space involved forging close links between the deceased and the living (both clerics and laypeople), as well as between decoration, commemoration, and the idea of protection, thus replicating the construction process of late Byzantine cultural identity. A systematic inquiry into the sacred character of these church spaces thereby challenges commonly accepted notions of center and periphery in the cultural production and communal identity of Cappadocia in opposition to the rest of the Byzantine Empire at this period. Although the carved, painted, and inscribed environment of Bezirana Kilisesi is a product of the “post-Byzantine” social and cultural context, the result represents one of the finest and most opulent late Byzantine sacred spaces.

Ivanov S. Anthony of Novgorod and His Byzantine Guide

In this article, “Kniga Palomnik” is analyzed as an entwinement of two different formats: a standard narrative offered by a guide through Constantinople, and his answers to Anthony’s unexpected questions. The guide’s “voice” is clearly discernible thanks to the Graecisms popping up in the Old Russian text (they appear to be more numerous than Chr. Loparev, the publisher of the text, thought), but also due to numerous stereotyped “tour-guide gimmicks” that are accurately reproduced by the author. Yet, in some cases the pilgrim obviously interrupts the guide by asking meaningful questions that the guide has to answer, thus breaking off his smooth flow of speech. A performative analysis helps clarify some unresolved problems posed by “Kniga palomnik”, including the topographical ones.

Daskas B. ‘Venetia hebbe principio per la destruction della grande Trogia’. A note on the myth of Venice as *alterum Byzantium*

The issue in this paper is the relationship between Byzantium and Venice as elaborated in the so-called ‘myth of Venice’, the repertoire of legends found in Venetian historiographical and rhetorical writings, which molds and fabricates the city’s past. Over the course of its history, Venice developed strong and complex ties to Byzantium, drawing on the authority of the eastern imperial capital to legitimize its trade and economic ambitions across the Mediterranean. Even if the use of Byzantium as a reference point in Venetian cultural politics and artistic production (e.g. the Basilica of San Marco) has been evident across the centuries, within the shifting patterns of its legends of origin, its presence is apparently dissimulated, almost reduced to absence. It is during the thirteenth century that this attitude changes: having consolidated its role in the Levant as a result of the Fourth Crusade (1204), Venice proceeded to introduce into the creative reconstruction of its past new elements, overlaying its civic mythology with veiled references to Byzantium. One of the traditional motifs of this mythology, about the city’s founding, is the Trojan legend. The illustrious model of the ancient city of Troy panders to Venice’s shifting political orientations and propaganda, and aims at outlining, each time, paths that justify the prosperity of the city’s present and its providential history as opposed to its rivals (Padua, Rome, Constantinople). In the aftermath of the Fourth Crusade, the legend about the fire and sack of the

ancient city of Troy and the ultimate flight of its inhabitants to the Lagoon, combined with an ingenious chronological reference for the city's founding that hints at the moment when the Dogal sovereignty over part of the territories of the former Byzantine empire is officially acknowledged in documents, shows a script of power politics that has Venice as heir of the βασιλεύοντα τῶν πόλεων, Constantinople. It is therefore as early as the thirteenth century that the concept of the Byzantine heritage of Venice — the myth of 'Venice as *alterum Byzantium*' as Cardinal Bessarion, later in the fifteenth century, put it — was laid down in its essential components, as a direct consequence of the *impresa* of 1204.

Chernoglov D. Letter writing manuals and model letter collections: epistolary theory in the Palaeologan period

The aim of the present paper is to characterize the letter writing manuals and model letter collections, which were used by the Byzantines during the Palaeologan period. The extant material is divided into three groups. The first group includes theoretical treatises going back to the late antique tradition. In these treatises, which were used primarily as school textbooks, letters are classified according to their purpose and content. The second group includes collections of authentic letters, sometimes mixed with fictitious ones, where the material is distributed according to the same principles as in the treatises of the first group. The third group, much more extensive than the second, includes collections of letters and forms, which are sorted according to the social status of the author and the addressee. Basically, these collections served as practical manuals for official correspondence. The second group is poorly represented in manuscripts. The first and the third, on the contrary, have an extensive manuscript tradition: the treatises of these groups were very common both in the capital and in provinces. Byzantine epistolary theory is conservative: different subgenres of letter writing manuals exist and develop independently, there are almost no texts at our disposal where different methods of letter classification are combined.

Список иллюстраций

К статье А. Бергера

Рис.

1.1. Морская стена под Большим дворцом (по: *Mamboury E., Wiegand Th. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Berlin, 1934. Taf. XV*).

1.2. Фасад дворца Вуколеонта (по: *Bardill J. Visualizing the Great Palace at Constantinople // Visualisierungen von Herrschaft / Ed. by F. A. Bauer. İstanbul, 2006. P. 5–45. Fig. 9*.

1.3. Мраморное навершие из дворца Топкапы (по: *Mango C. Three imperial Byzantine sarcophagi discovered in 1750 // Dumbarton Oaks Papers. 1962. Vol. 16. P. 397–402. Fig. 1*.

1.4. Золотые ворота (по: *Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // Dumbarton Oaks Papers. 2000. Vol. 54. P. 173–188. Fig. 9*).

К статье X. Четинкай

Рис.

2.1. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парекклисием. Аксонометрия.

2.2. Место находки скелета.

2.3. План комплекса.

2.4. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парекклисием. Вид с востока.

2.5. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парекклисием. Вид сверху.

Илл.

1.1. Монограммы внутри конической сени мимбара.

1.2. Новооткрытый парекклисиий при церкви Пантократора.

- 1.3. Пята архивольта.
- 1.4. Следы фрески в окне.
- 1.5. Субструкция под северной церковью Богородицы Элеусы.

К статье Ф. Нивенера

Рис.

10. Реконструкция типичного фригийского амвона из Центральной Анатолии (А. Тиль).

Илл.

- 2.1. Неф базилики А в Ресафе (Месопотамия), вид на северо-восток: на переднем плане большая бema, слева за ней — широкая аркада, подпертая малыми арками на колоннах (вторичный ремонт), а справа — апсиса с синтроном.

- 2.2. Нартекс Св. Михаила в Гермии (Галатия в Центральной Анатолии), вид на юго-запад. Пол первого яруса засыпан слоем в несколько метров. Пол верхнего яруса (хор) виден выше (фото Р. Вечорека)

- 2.3. Пристройка с мощами и погребениями в монастыре св. Иоанна в Акаллисе (Ликия в Южной Анатолии) (совр. Асарджик Запад), вид на север.

- 2.4. Высеченный в скале триконхиальный алтарь в монастыре Св. Сиона (Ликия) (совр. Аладжахисар), вид на восток. Конха апсиды украшена большим крестом.

- 2.5. Ошибочная реконструкция амвона из базилика А в районе Беязид в Константинополе (Стамбул) (в саду у Св. Софии): верхняя площадка отсутствует и должна была находиться между колонками и парапетом.

- 2.6. Малый амвон с одной лестницей из базилики Ахиропитос в Фессалонике, ныне в Музее византийской культуры (инв. № АГ744).

- 2.7. Амвон в соборе Равенны (Северная Адриатика), пожертвованный епископом Агнеллом (557–570).

- 2.8. Монолитная лестница амвона с нишней и побегами лозы, найденная близ Милета (Кария в Западной Анатолии), ныне в Музее Милета.

- 2.9. Монолитная крещальная купель в Дёгере (Фригия в Центральной Анатолии).

- 2.10. Камень для рычага винтового пресса в Археологическом музее Чорума (Центральная Анатолия).

2.11. Реконструкция вида с птичьего полета (с юго-востока) Базилики с трансептом и мартирия на некрополе у стен Милета (Кария) (С. Джезе).

К статье А. Виноградова

Рис.

11. Сарыджы Килисе, план (по Г. Ротту).
12. Исламкей, вид на храм с юго-востока (фото Г. Ротта)
13. Исламкей, план храма (реконструкция Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова)
14. Афродисиада, триконх на тетракионии, план (по О. Далгичу)
15. Полоцк, триконх в Бельчицком монастыре, план (по П. А. Раппорту)
16. Новгород-Северский, храм в Спасском монастыре, план (по Б. А. Рыбакову)
17. Путивль, храм в детинце, план (по А. А. Карнабеду).

К статье М. Каппаса

Рис.

18. Планы церквей в Фессалонике: 1. Панагия тон Халкеон; 2. церковь св. Пантелейиона; 3. храм св. Екатерины; 4. церковь свв. Апостолов; 5. церковь Преображения близ Камары; 6. церковь пророка Илии; 7. церковь свв. Таксиархов; 8. церковь св. Николая Орфаноса; 9. монастырь Влатадон (по П. Милонасу).

19. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, план (по Г. Фустерису).

20. Артикуляция фасадов: а) Панагия тон Халкеон; б) Мирелейон (по Г. Ниносу).

21. Фессалоника, монастырь Влатадон, план (по Г. Ниносу).

22. План церквей с галереями в Фессалонике: а) храм св. Пантелейиона; б) храм св. Екатерины; в) храм свв. Апостолов (по С. Чурчичу).

23. Фессалоника, придел св. Евфимия, план (по Г. Фустерису).

24. Фессалоника, церковь св. Илии, план (по Г. Веленисю).

Илл.

3.1. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, вид с северо-востока (фото М. Каппаса).

3.2. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, южный барабан под главным куполом (фото М. Каппаса).

- 3.3. Хортиатис, церковь Преображения, вид с юга (фото М. Каппаса).
- 3.4. Фессалоника, церковь св. Пантелеймона: а) вид на юг; б) вид на юго-западную угловую ячейку (фото М. Каппаса).
- 3.5. Фессалоника, церковь свв. Апостолов, вид с востока (фото Г. Фустериса).
- 3.6. Фессалоника, храм св. Екатерины, вид изнутри на восток (фото М. Каппаса).
- 3.7. Фессалоника, церковь свв. Апостолов, общий вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.8. Фессалоника, церковь св. Илии, общий вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.9. Фессалоника, церковь свв. Апостолов, западный тимпан под центральным куполом (фото М. Каппаса).
- 3.10. а) Фессалоника, церковь свв. Апостолов, вид с северо-запада; б) Константинополь, Вефа Килисе Джами, вид с северо-запада (фото М. Каппаса).
- 3.11. Константинополь, Паммакаристос, парэклisis Михаила Тарханиота, вид с востока (фото М. Каппаса).
- 3.12. Константинополь, Хора, парэклisis Феодора Метохита, вид с востока (фото М. Каппаса).
- 3.13. Фессалоника, Св. Пантелеймон, общий вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.14. Фессалоника, Св. Екатерина, вид с востока (фото М. Каппаса).
- 3.15. Фессалоника, церковь свв. Таксиархов, восточный фасад (фото М. Каппаса).
- 3.16. Фессалоника, Св. Николай Орфанос, вид на апсиду (фото М. Каппаса)
- 3.17. Фессалоника, Св. Илия, центральный купол, вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.18. Фессалоника, церковь Преображения, вид с северо-востока (фото М. Каппаса).
- 3.19. Чучер, Св. Никита, вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.20. Лесново, церковь свв. Архангелов, вид с юго-запада (фото М. Каппаса).

К статье А. Захаровой

Илл.

- 4.1. Благовещение. Росписи церкви Панчарлык близ Ургюпа. Кон. IX в. (фото А. В. Захаровой).
- 4.2. Росписи церкви Кокар в долине Ихлара. Кон. IX в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.3. Бегство в Египет. Росписи церкви Тавшанлы близ Ортахисара. 913–920 или 944–945 г. (фото А. В. Захаровой).
- 4.4. Вознесение. Росписи церкви Эль Назар в Гёреме. Ок. сер. X в. Деталь (фото А. В. Захаровой).
- 4.5. Вознесение. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.6. Сретение. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.7. Свв. Капитон и Никита. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.8. Христос Вседержитель. Миниатюра Христианской топографии Косьмы Индикплова. Ватиканская апостольская библиотека, Vat. gr. 699, л. 43. Кон. IX в. Деталь (по: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.699)
- 4.9. Пророк Малахия. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.10. Христос исцеляет скорченную. Миниатюра гомилий Григория Назианзина. Париж, Национальная библиотека Франции, cod. gr. 510, л. 310 об. 879–883 г. Деталь (по: <http://visualiseur.bnf.fr/Visualiseur?Destination=Mandragore&O=08452208&E=634&I=12339&M=imageseule>)
- 4.11. Беседа Христа с Иоанном Крестителем. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.12. Лев VI перед Христом. Мозаика Софии Константинопольской. 906–913 гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.13. Вознесение. Мозаика Св. Софии в Салониках. Кон. IX в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.14. Евангелист Марк. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.15. Вознесение. Мозаика Св. Софии в Салониках. Кон. IX в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.16. Сретение. Росписи церкви Айвалы в Гюллю-дере. 913–920 гг. Деталь (фото Р. В. Новикова).

- 4.17. Благовещение. Росписи церкви Кылышчлар в Гёреме. Нач. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.18. Благовещение. Росписи Старой церкви Токалы. Перв. четв. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.19. Евангелист Марк. Миниатюра Четвероевангелия из монастыря Ставроникита на Афоне, cod. 43, л. 11 (по: *Mavropoulou-Tsoumi Chr., Galavaris G.* Holy Stavroniketa Monastery. Illustrated Manuscripts from 10th to 17th Century. Mount Athos, 2007. Vol. 2. Fig. 22).
- 4.20. Поклонение волхвов. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.21. Апостол Петр рукополагает диаконов. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.22. Св. Феодул. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.23. Св. Тарасий. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.24. Евангелист Марк Миниатюра Трапезундского Евангелия. Санкт-Петербург, РНБ, гр. 21, л. 5 об (по: *Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А.* Византийская миниатюра конца X – начала XII в. М., 2012. Илл. 30).
- 4.25. Евангелист Иоанн и Прохор. Миниатюра Четвероевангелия из монастыря Дионисиу на Афоне, cod. 588, л. 225 об (по: *Pelekanidis S. M., Christou P. C., Tsoumis Ch., Kadas S. N.* The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Vol. 1. Athens, 1974. Fig. 287).
- 4.26. Мозаика в южном вестибюле Св. Софии Константино-польской. Кон. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.27. Неизвестный пророк. Росписи церкви Дирекли в Белисирме. 976–1025 гг. (фото А. В. Захаровой).
- 4.28. Преподобный Антоний. Росписи церкви Дирекли в Белисирме. 976–1025 гг. (фото А. В. Захаровой).
- 4.29. Свв. Сергий и Вакх. Росписи церкви Дирекли в Белисирме. 976–1025 гг. (фото А. В. Захаровой).
- 4.30. Успение. Росписи церкви Ала в Белисирме. Кон. X в. Деталь (фото А. В. Захаровой).
- 4.31. Св. Кандид. Росписи церкви Ала в Белисирме. Кон. X в. Деталь (фото А. В. Захаровой).
- 4.32. Царь Давид. Росписи триконха в Тагаре. Нач. XI в. (фото А. В. Захаровой).

4.33. Деисус. Росписи триконха в Тагаре. Нач. XI в. (фото А. В. Захаровой).

К статье Т. Уяра

5.1 Безирана Килисе, наос, вид на восток, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisoft Photoscan.

5.2 Безирана Килисе, наос, вид на юго-запад, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisoft Photoscan.

5.3 Безирана Килисе, наос, вид на западную стену, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisoft Photoscan.

5.4 Безирана Килисе, наос, вид на северо-запад и апсиду, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisoft Photoscan.

5.5 Безирана Килисе, наос, потолок, вид на восток, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisoft Photoscan.

5.6 Безирана Килисе, деталь восточной стены аркосолия в северо-западном углу наоса, с просительной надписью на свитке св. Иоанна Крестителя.

5.7 Безирана Килисе, деталь погребальной надписи на восточной стене погребального помещения и над северной стеной наоса, распрямленное изображение изогнутой поверхности стены, обработанное в программе Photoshop.

Оглавление

Пол Магдалино

Каппадокия и Константинополь в VI в.

(пер. О. Керзиной, А. Ляхович, Н. Сергеевой) 10

Альбрехт Бергер

«Переработка» Константинополя

(пер. С. Матюниной, М. Пономаревой) 25

Халюк Четинкай

Погребальные компартименты в монастыре Пантократора 47

Филипп Нивенер

Христианское искусство как провинциальное.

«Центральность» провинциальных традиций

в раннехристианских церковных постройках

(пер. М. Володарского, Д. Ерофеевой, М. Журавлевой,

А. Торрес-Горбенко) 57

Андрей Виноградов

Афонский храм или арабский дворец? Крестово-купольный

триконх и новая архитектурная идентичность империи 91

Михалис Каппас

Архитектурный «идиолект» Фессалоники

в средне- и поздневизантийские периоды:

сходства и различия с Константинополем

(пер. В. Махмутова, И. Орловой, А. Старцевой) 127

Анна Захарова

Искусство X века: Константинополь и Каппадокия 154

Толга Уяр

Рельефы, росписи и надписи в поздневизантийском

сакральном пространстве: новое открытие

Безирана Килисе (Перистрема, Каппадокия)

(пер. А. Вотевой, Н. Пелезневой, Е. Плотниковой) 175

Сергей Иванов

- Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе203
Беатриче Даскас

- «Venetia ebbe principio per la destruction della
grande Trogia». Миф о венеции как *Alterum Byzantium*.....236

Дмитрий Черноглазов

- Письмовники и собрания образцовых писем:
эпистолярная теория в эпоху Палеологов250
Резюме282
Summaries289
Список иллюстраций295

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»

Санкт-Петербург, Литейный пр., 57
8 (812) 273 50 53

(с 10:00 до 22:00)
www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»

Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23
8 (911) 977 40 47

(с 12:00 до 22:00)
www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»

Санкт-Петербург, Невский пр., 66
8 (812) 640 44 06

(с 10:00 до 22:00)
www.lavkapisately.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»

Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00

(с 11:00 до 20:00)
www.slovo.net.ru

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «НЕВСКИЙ, 177»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ
Санкт-Петербург, Невский пр., 177
8 (812) 643 77 43

(с 10:00 до 20:00)
www.vk.com/dpcspbe

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»

Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17

(с 09:00 до 24:00)
www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»

Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21

(с 11:00 до 20:00)
www.falanster.su

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»

Москва, Пятницкий пер., 8
8 (495) 951 19 02

(с 11:00 до 22:00)
www.primuze.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»

Москва, ул. Мясницкая, 20
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60

(пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1

«БИБЛИО-ГЛОБУС»

(пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)

www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Москва, ул. Чаянова, 15

8 (495) 250-65-46

«У КЕНТАВРА»

(пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)

www.rsuu.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4

+375 17 338 95 23

«ЭПОСЕРВИС»

www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Киев, Вербовая ул., 8

+38 067 273-50-10

«КНИЖНЫЙ БУМ»

(вт.–вс. с 11:00 до 17:30)

www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Ptasia 4, 00-138 Warszawa

+48 22 826 17 36

при «Centrum Nauczania Języka
Rosyjskiego w Warszawie»

www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Kr. Barona iela 45/47, Rīga

+371 67315727

«Intelektuāla grāmata»

(пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)

www.merion.lv

Электронные книги:**ДИРЕКТ-МЕДИА**

www.directmedia.ru

ЛИТРЕС

www.litres.ru

Интернет-магазины:**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»**

OZON

www.moscowbooks.ru

www.ozon.ru

NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS

ESTERUM

БУКВОЕД

ЧИТАЙ ГОРОД

MY-SHOP.RU

КНИЖНЫЙ БУМ

www.nkbooksellers.com

www.esterum.com

www.bookvoed.ru

www.chitai-gorod.ru

www.my-shop.ru

www.academbook.com.ua

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ:
провинциализм столицы и столичность провинции

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *Е.Г. Орловский*
Корректор *Д.Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетея»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fmpro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетея» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгрос-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Tel. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 19,1. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №